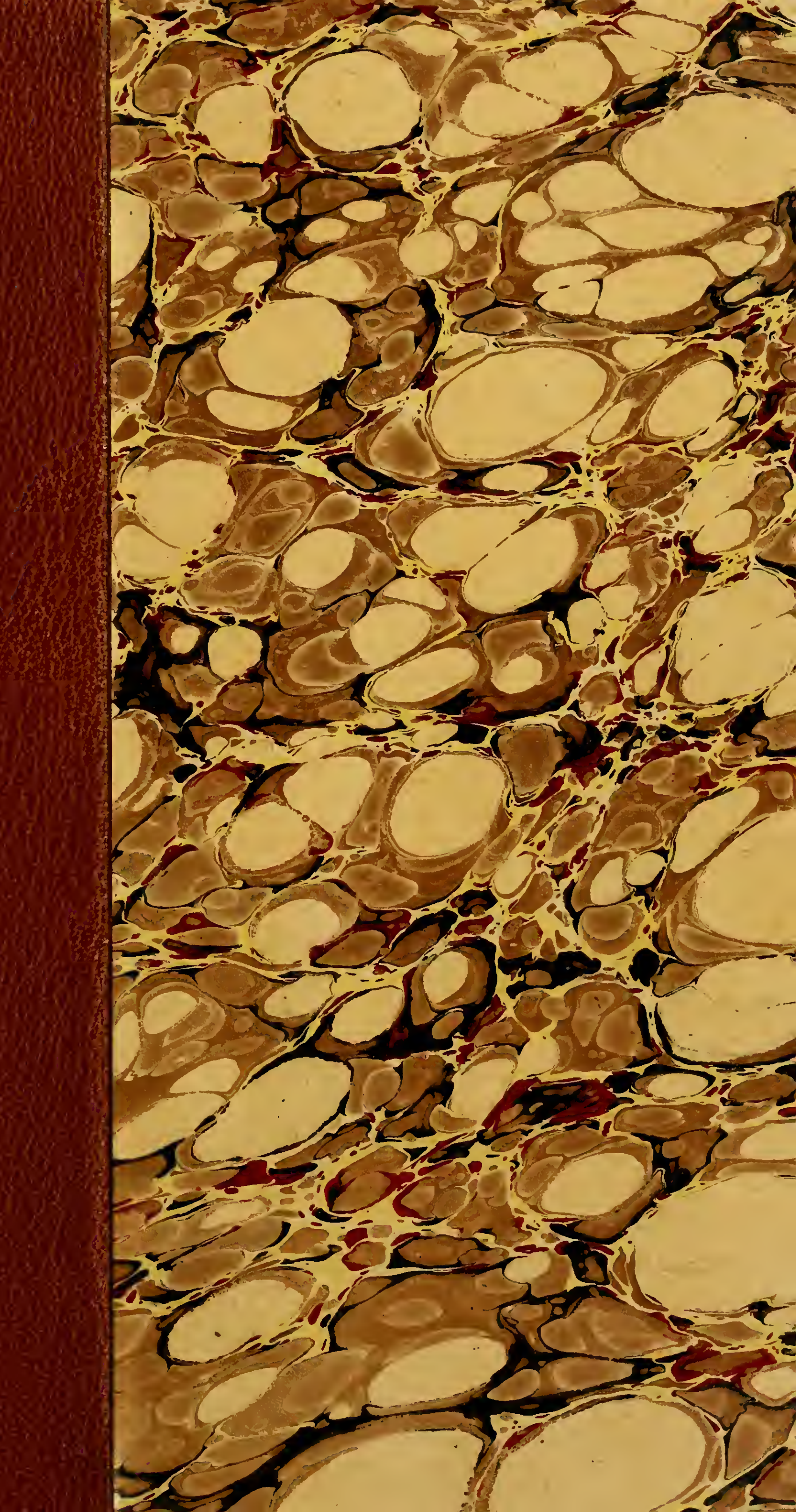








Изданіе Главнаго Правленія
Союза Участниковъ
1-го Кубанскаго похода
1926 годъ



Вѣрю, что, когда грянетъ часъ, первопоходники помогутъ мнѣ въ нашемъ общемъ дѣлѣ, начатомъ ими семь лѣтъ тому назадъ.

Николай.

Шуаньи

2 марта 1925 года.

(изъ почто-телеграммы Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Союзу Участниковъ 1 Кубанскаго похода)



ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ РУССКОЙ АРМІЕЙ
ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ БАРОНЪ П. Н. ВРАНГЕЛЬ.



ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ А. П. КУТЕПОВЪ.

„...Мы уходили въ степи. Можемъ вернуться, если на то будетъ Милость Божія, но нужно зажечь свѣточъ, чтобы была хотя одна свѣтлая точка, среди, охватившей Россію, тьмы.“

(Изъ письма Ген. Алексѣева.)

Въ память I-го Кубанскаго Похода

Сборникъ

подъ редакціей

Б. И. КАЗАНОВИЧА, И. К. КИРІЕНКО и К. Н. НИКОЛАЕВА

Изданіе Главнаго Правленія Союза Участниковъ I-го Кубанскаго Похода

г. Бѣлградъ

1926 г.

Русская Типографія С. Филонова. Новый Садъ. Сербія.

Отъ Главнаго Правленія Союза Участниковъ 1-го Кубанскаго Похода

Приступая къ изданію настоящаго сборника, Правлен е приноситъ свою глубокую благодарность тѣмъ авторамъ, которые откликнулись на призывъ первопоходниковъ и дали статьи для сборника. Зная, что въ тяжелой борьбѣ за существованіе, каждая минута свободнаго времени, отданная намъ, является жертвой, которую необходимо расцѣнивать очень высоко, мы особенно цѣнимъ отзывчивость русскихъ писателей, посвятившихъ свои строки воспоминаніямъ минувшихъ славныхъ временъ.

Къ сожалѣнію средства и чисто техническія условія не позволили намъ издать сборникъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ коихъ это предполагалось; мы просимъ авторовъ, произведенія которыхъ не вошли въ изданіе, простить насъ и учесть тѣ тяжелыя условія, при которыхъ появляется нынѣ въ печати каждая книга.

Всѣхъ, пожертвовавшихъ средства на изданіе книги, мы также просимъ принять нашу глубокую благодарность. Пусть сознаніе того, что каждая строка, напечатанная во имя борьбы съ III интернаціоналомъ, приближаетъ насъ къ страстно ожидаемому дню возвращенія на родину, дастъ нравственное удовлетвореніе всѣмъ принесшимъ свою лепту на изданіе нашего сборника.

г. Бѣлградъ

1926 г.



Безвинные Мученики
и
Ихъ Искупители.

Безуміе и Ужасъ...

Главный Ужасъ былъ не въ оглушающемъ грохотѣ падавшаго вѣкового зданія.

Гдѣ разрушеніе, тамъ и трескъ.

Не въ пламени горѣвшихъ усадебъ и длинныхъ аллеяхъ, усыпанныхъ снѣгомъ разорванныхъ въ клочки драгоцѣнныхъ книгъ, усѣянныхъ обломками разгромленныхъ вещей.

Мирно лежавшій русскій медвѣдь, поднятый раскаленнымъ желѣзомъ ненависти, раздраженный запахомъ свѣжей крови, оглушенный возбуждающими криками, въ слѣпой ярости ринулся впередъ, безъ разбора разворачивая все, попадавшееся на пути.

И даже не въ кровавомъ озареніи долго выношенной, теперь осуществлявшейся, „кровавой мечты“.

Всякая революція подготовляется и несетъ съ собой кровь.

Главный ужасъ былъ во внезапномъ, на другой день, паденіи покрововъ съ огромной, руководящей группы интеллигенціи. Ею гордилась страна. Она гордилась собой. И обманула и страну, и себя. Пали покровы и обнаженность зазіяла черной пустотой. Ни мудрыхъ государственныхъ мужей, ни сильныхъ людей, ни рыцарей долга, ни „вѣрноподданныхъ Царевъ слугъ“. Послѣ отреченія Императора, въ мелкой лихорадкѣ шкурной трусости, въ обывательской растерянности, началось поголовное отреченіе служилой и неслужилой интеллигенціи. Отрекались отъ идеалогіи, традицій прошлаго, отъ долга, отъ друзей, отъ самихъ себя. А всѣ вмѣстѣ отреклись отъ Россіи.

„И всталъ проклятіемъ заклейменный
Міръ халуевъ, и міръ рабовъ!“

хороня подъ собой шапку Мономаха, Олеговъ щитъ и дружины святорусскихъ богатырей.

Вотъ почему такъ изумительно легко, такъ трагически быстро пала Великодержавная Россія.

Ширились потоки человѣческой крови, захлестывала волна подлости и измѣны. Звѣриное шло и никто не противоборчествовалъ. Одни — зайцами запрятались въ углы, шевеля настороженными ушами надъ сложенными чемоданами. Другіе съ прежней гибкостью позвонковъ пресмыкались передъ новыми владыками, дѣлая революціонную карьеру. И только Онъ одинъ остался вѣренъ идеѣ Россіи и сквозь облѣпившую его липкую клевету сіялъ чистотой. Свершилось. Добровольно отрекшійся отъ трона для счастія Россіи, предавался Россіей на униженія и муки. Подъ густой щетиной штыковъ одиноко вступали въ вагонъ вѣнценосные арестанты. И никто не запротестовалъ, не поднялъ голоса въ защиту. Молчали вѣрноподданные, вчерашніе слуги Царевы. Какъ Пилаты умыли руки. Тѣсно окружала огромная свита на парадахъ, торжествахъ, выходахъ и балахъ могучаго Императора величайшей Державы, купаясь въ лучахъ Его блеска. Но на Голгоѳу сопровождало лишь пятеро, да вѣрными остались двое иностранцевъ и всѣ до одного низшіе служащіе, сыны „простого народа“.

Кошмарнымъ сномъ казалась гнусная явь и хотѣлось уснуть, чтобы не видѣть. Прекрасной явью становился приносившій забвеніе сонъ и было страшно просыпаться.

Но вотъ раздался тихо призывный звукъ трубы: то старый генералъ Алексѣевъ звалъ „вѣрныхъ“ искупить безумный грѣхъ Россіи.

И скрестились два трагическихъ пути: безвинныхъ мучениковъ, преданныхъ „врагамъ“ Россіи, и взявшихъ на себя великій подвигъ искупленія. Два свѣтлыхъ луча съ сѣвера и юга прорѣзали марево Россійскаго безумія и ужаса.

* * *

На сѣверѣ, въ далекомъ Тобольскѣ, за наглухо захлопнутыми дверями холоднаго дома, всѣми брошенные, беззащитные, томились царственные узники. Четыре юныхъ прекрасныхъ царевенъ и болѣзненно хрупкій царевичъ. Дѣти волшебной сказки, короткая жизнь которыхъ была пронизана лучами любви и красоты. Они не знали грубости и злобы жизни, не понимали подлости измѣны и не было вины за ними, кромѣ одной — что родились во дворцѣ. И юныя души, какъ не распустившіеся цвѣты отъ напора холоднаго вѣтра, сжимались отъ незаслуженныхъ издѣвательствъ.

Пьяный хохотъ звучалъ вокругъ, висла въ воздухѣ грубая брань, неприличныя надписи кричали съ дверей дѣвичьей комнаты и вздрагивали царевны-дѣти волшебной сказки, глуша, готовые вырваться, стоны боли, пряча ихъ другъ отъ друга, чтобы не обезсилить, не огорчить. Все съ кроткой покорностью сносили онѣ. Только временами прекрасные глаза пытливо всматривались въ злобно ненавидящіе недоумѣнно спрашивая: „за что?“. И быть можетъ, въ эти минуты вставали въ памяти толпы восторженно привѣтствовавшаго народа. Лазареты, въ которыхъ съ такой искренней любовью работали онѣ и сіявшія радостной благодарностью лица больныхъ... Лица русскаго народа?...

Каждый день накладывалъ новыя, глубокія морщины на кроткое лицо Императора. Рвалось отъ боли за страданье семьи сердце непонятой жены и матери, безъ остатка отдавшей душу любви и за нее протащенной по грязи.

Но ни одного малодушнаго крика, ни одного проклятія. Вѣрные Россіи, преданные Россіей, они молились за Нее, чернымъ грѣхомъ и позоромъ покрывшую себя.

Въ это время на югѣ, въ Донскихъ и Кубанскихъ степяхъ зажигалась лампада искупленья. Въ глухую осень, пробираясь сквозь гущу осатанѣлыхъ людей, стягивались сюда со всѣхъ концовъ страны паломники, охваченные религіозной любовью къ Россіи. Офицеры и генералы, русскіе дѣти — гимназисты и кадеты, юноши юнкера и студенты, русскія дѣвушки и женщины. Постыдно мало собралось ихъ, тысячи три, а противъ — стомилліонный народъ. Но не ведутъ счета врагамъ обреченные, а они обрекли себя: кровью смыть позоръ Россіи, смертью искупить ея грѣхъ. И что то мистическое чудилось въ этомъ составѣ „рыцарей бѣлаго ордена“. Казалось, дѣти искупали своей кровью — кровь дѣтей, женщины — женщинъ, а всѣ вмѣстѣ — грѣхъ народа. И въ бушующемъ океанѣ, затопившемъ страну незаходящаго солнца, чернымъ безуміемъ погасившемъ солнце, ярко свѣтились двѣ звѣзды скрестивъ лучи въ трагизмѣ и величіи.

Тамъ, на сѣверѣ, въ терновомъ вѣнцѣ, кротко перенося непереносимое, одинокая Царская семья, окруженная врагами, сіяла величіемъ христіанскаго смиренія, чистотой Вѣры и Вѣрности Родинѣ.

Здѣсь, на югѣ, самая маленькая армія въ мірѣ, тоже одинокая, окруженная ненавистью многомилліоннаго народа, добровольно надѣвала на себя терновый вѣнецъ, оставаясь вѣрной Россіи.

Тамъ, оклеветанный, въ измѣнѣ обвиненный Императоръ, обрекалъ на мученическую смерть себя и любимую семью, отказавшись цѣной спасенія себя и ихъ, продать честь Родины, подписавъ Брестскій миръ.

Здѣсь, на единственно чистомъ клочкѣ русской земли, бились „лучшіе" окруженные толстой стѣной штыковъ, объявленные „врагами русскаго народа", высоко поднявъ затоптанный грязными ногами русскій національный флагъ.

Придвигался призракъ страшной смерти, заглядывая пустыми впадинами въ лицо „узникамъ". Предчувствовались ужасы пытокъ, вставали картины послѣднихъ минутъ и предсмертной тоской сжималась грудь. Но даже въ эти непередаваемыя минуты томленій, когда голосъ жизни властно протестуетъ противъ насильственной смерти и тогда не сорвалось проклятія, отдававшему на муки народу. И по ночамъ, томясь смертельной тоской, писала молодая царевна Татьяна:

„Владыка міра, Богъ Вселенной,
„Благослови молитвой насъ
„И дай покой душѣ смиренной
„Въ невыносимый, страшный часъ
„И у преддверія могилы
„Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
„Нечеловѣческія силы
„Молиться кротко за враговъ".

Сжималось кольцо страданій въ пылающихъ пожаромъ борьбы южныхъ степяхъ. Голодные, оборвавшіеся, травимые со всѣхъ сторонъ, дрались, не сдаваясь, гордые носители „бѣлой идеи" — одинъ противъ сотенъ. Покрывали степи безвѣстными могилами, поили жертвенной кровью тучныя нивы, скатывались въ пропасти. Умирали безъ сожалѣнія, умирали радостно, передавая, холодѣвшими руками уцѣлевшимъ, святой кровью омытое, знамя Великой Россіи.

Яркій свѣточъ, зажженный русскимъ народомъ триста слишкомъ лѣтъ назадъ у воротъ Ипатьевскаго Монастыря, погашенъ звѣрской рукой инородцевъ, при преступномъ попустительствѣ нашемъ, въ высокихъ стѣнахъ Ипатьевскаго дома. Но не погасъ другой — факелъ великаго патріота генерала Алексѣева. Все ярче разгорался онъ, и къ его пламени собрались лучшіе сыны народа.

Гулко разносится по Руси злобный хохотъ сатаны и гуляетъ топоръ палача-иновѣрца. И все же не напрасно были принесены жертвы, первыми вставшими за Честь Россіи. Они оправдали, искупили грѣхъ, смыли позоръ, дали право

всякому русскому высоко держать голову. И не стыдно стало жить. Нерукотворный, вѣчный памятникъ создали себѣ Первопоходники. Ихъ не забудетъ Россія. Въ длительные годы позора — они ея Гордость. Поднятая ими — „бѣлая идея“ ширилась и крѣпла, передъ подвигомъ ея не склонились лишь головы предателей.

Слава оставшимся въ живыхъ.

Благословенна память павшихъ.

ГЛУХОВЦОВА.

Рыцарямъ Ледяного Похода.

Къ вамъ, братья мои по духу и сердцу, къ вамъ, рыцари Ледяного Похода, къ вашей славной восмилѣтней годовщинѣ стремится моя мысль.

Не дала мнѣ судьба быть съ вами, когда, всѣми оставленные, всѣми отвергнутые, среди враждебнаго или безучастнаго океана народнаго уходили вы изъ Ростова въ холодную мглистую даль навстрѣчу невѣдомому будущему, прикрывая стынущими отъ стужи руками послѣдній, задуваемый вѣтромъ, трепетный огонекъ Русской свободы.

Далеко тогда былъ я отъ васъ, маялъ долгіе годы въ плѣну, куда попалъ, истекающій кровью, съ тяжелой раной въ голову. Кипѣла тогда уже цѣлый годъ въ красномъ пожарѣ Россія, и до насъ, сидѣвшихъ въ плѣну, сквозь багровый, окутавшій ее дымъ только смутныя прорывались вѣсти.

Но и мы знали священное имя Корнилова, и слышали мы, что гдѣ-то далеко на Дону съ горстью храбрецовъ сталъ онъ грудью противъ краснаго шквала. И когда мы, утѣшая другъ друга, говорили это имя, намъ было не такъ стыдно смотрѣть другъ другу въ глаза. „Все погибло, — думали мы, — но честь не погибла“.

Волками смотрѣли тогда на насъ офицеры союзныхъ войскъ, наши сотоварищи по плѣну. Говорили открыто: — „Измѣнила намъ Россія“. Въ ихъ глазахъ Совнаркомъ былъ правительствомъ Россіи, и не хотѣли, либо не могли они понять нашей Русской трагедіи, нашего Русскаго горя. Нѣмцы, наши тогдашніе враги, ближе знающіе Россію, больше понимали насъ. Тогда имъ было выгодно то, что случилось съ Россіей. „Война есть война“, — говорили они. — „Мы послали вамъ Ленина, это тотъ же ядовитый газъ“. Но и нѣ-

мецкіе офицеры съ уваженіемъ произносили имя Корнилова. „У васъ есть Корниловъ, вамъ нечего стыдиться“. И мы видѣли, какъ исчезала куда-то ихъ обычная суровость и они глядѣли на насъ съ сочувствіемъ и, не скрывая, высказывали его. Тогдашнимъ врагамъ, знавшимъ русскихъ въ бою, было больше понятно наше горе, чѣмъ тогдашнимъ союзникамъ.

Немногое зналъ я, какъ видите, о васъ, когда вы совершали свой Ледяной Походъ. Только много спустя, почти черезъ годъ, когда кончился плѣнъ и черезъ тысячи красныхъ преградъ удалось мнѣ, какъ и многимъ изъ бывшихъ со мною, пробиться на Югъ Россіи, чтобы тамъ служить Русскому дѣлу, узналъ я подробно всѣ отдѣльныя героическія страницы, сложившія святую книгу Корниловскаго похода.

Я помню, какъ горѣло сердце и какъ волненіе перехватило мнѣ дыханіе, когда слушалъ я разсказы участниковъ о знаменитомъ Марковскомъ „Сыровато!“ или о томъ горестномъ днѣ, когда наши отходили отъ Екатеринодара, везя съ собой на повозкѣ, покрытое шинелью, тѣло убитаго Вождя. Слушая все это, чувствовалъ я тогда, что, какъ бы ни повернулась судьба и какія бы новыя бури ни свалились на Русскую голову, та чудесная эпопея, что называется „Ледянымъ Походомъ“, есть то, что не предастся забвенью и чему суждено перейти въ исторію.

Много съ тѣхъ поръ утекло воды. Много видѣли мои глаза. Былъ я въ бѣломъ Екатеринодарѣ, по чьимъ улицамъ за годъ передъ тѣмъ озвѣрѣлая толпа влачила вырытое изъ могилы обезображенное тѣло героя, а теперь шли съ церковнаго парада казачьи полки и стройныя добровольческія роты, и былъ я въ бѣломъ Ростовѣ и вновь уходилъ изъ него пѣшкомъ, по колѣно въ непролазной грязи, въ хмурый декабрьскій день, и лежалъ въ обмерзлыхъ Новороссійскихъ вагонахъ, обдуваемыхъ пронзительнымъ нордостомъ... И многое, многое видѣлъ съ той поры... Но ни то, что я видѣлъ, когда мои ноги еще стояли на родной землѣ, ни то, что я видѣлъ за долгіе годы зарубежнаго изгнанничества, не стерло изъ моей памяти тѣхъ чувствъ, какія переживалъ я, когда впервые услышалъ горькую, грозную и славную повѣсть Ледяного Похода.

Тѣмъ изъ участниковъ его, кому въ день восмилѣтней годовщины дана будетъ судьбою радость собраться вмѣстѣ и вспомнить старое, и тѣмъ одинокимъ, кому, вдали отъ семьи боевыхъ товарищей, будетъ не съ кѣмъ встрѣтить этотъ день и придется помянуть его наединѣ съ собою, въ этихъ строкахъ крѣпко жму я руку и шлю мой горячій, братскій привѣтъ. Въ ихъ боевую годовщину мыслью и сердцемъ я буду съ ними.

Какъ хотѣлъ бы я быть въ этотъ день въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ будутъ они, собравшіеся дружной семьей или оди-

покіе, чтобы высоко поднять въ ихъ честь мою чару и сказать имъ: —

„Мужайтесь, братья! Борется сатана со Христомъ. Но не дано сатанѣ побѣдить Христа! Что наши земныя испытанія? Что наши земные сроки? Знаетъ Богъ, куда Онъ ведетъ насъ. Есть Богъ, и Россія будетъ. Не погибнетъ ваше единожды поднятое святое, бѣлое, снѣжное, вьюжное Знамя, что Божіи ангелы несли надъ вашими головами въ Ледяномъ Походѣ. Оно еще взовьется надъ Россіей. Вѣрую всѣмъ существомъ моимъ, что вы сами увидите это! Будемъ ждать этотъ часъ, нашъ Русскій долгожданный часъ. Онъ придетъ. Если же кто изъ васъ не увидитъ его и умретъ на чужбинѣ пусть твердо знаетъ, умирая: — Будетъ Россія и *никогда, никогда, никогда* память о славномъ Ледяномъ Походѣ не порастетъ забвенной травою.

За васъ поднимаю чару! За вашу, небеснымъ блескомъ осіянную славу!

Сергѣй КРЕЧЕТОВЪ



Основатель и Верховный Руководитель
Добровольческой Арміи
Генералъ отъ инфантеріи
Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ †

На смерть Генерала Алексѣева.

Умеръ Вождь Россіи, умеръ мудрый витязь,
Лучшій сынъ отчизны, сломленный войной.
Дорогой могилѣ низко поклонитесь,
Здѣсь лежитъ Печальникъ, Родины больной....

Отъ Новороссійска до сѣдого Дона,
Отъ степей Киргизскихъ до Каспійскихъ водъ,
Вновь побѣдно рѣютъ русскія знамена,
И свободно дышетъ мученикъ-народъ.

Это онъ, великій, сотворившій чудо,
Волею желѣзной узелъ сбилъ цѣпей.
Цѣлый край къ свободѣ вывелъ... И отсюда
Началъ возрожденье Родины своей.

Предъ могилой новой въ горести склонитесь
Всей страной несчастной, сиротой-страной...
Умеръ Вождь Россіи, умеръ мудрый витязь,
Умеръ Вождь-Печальникъ, Родины больной...

ГОРОДОЛИНЪ.

1918 г.
Екатеринодаръ.

Алексѣевъ въ Кубанскомъ походѣ.

Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть въ степи генерала Алексѣева. То онъ шелъ въ сопровожденіи ротмистра Шапрона, своего адъютанта, то одинъ, опираясь на палку. Я вглядывался въ знакомое мнѣ лицо, всегда такое спокойное и здѣсь то-же спокойствіе въ выраженіи его лица, въ его голосѣ, въ его походкѣ.

Онъ шелъ стороною вдали отъ другихъ. Онъ не могъ командовать арміей, не могъ нести на себѣ тяжелое бремя боевыхъ распоряженій на полѣ сраженія. Физическія, уже слабѣющія, силы не позволяли ему ѣхать верхомъ. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ, въ обозѣ.

Какъ-будто онъ былъ лишній въ походѣ.

А между тѣмъ попробуйте вычеркнуть генерала Алексѣева изъ кубанскаго похода и исчезнетъ все значеніе его. Это уже не будетъ кубанскій походъ.

Однимъ своимъ присутствіемъ среди насъ, этотъ больной старикъ, какъ бы уже отошедшій отъ земли, придавалъ всему тотъ глубокій нравственный смыслъ, въ которомъ и заключается вся цѣнность того, что совершается людьми.

Корниловъ одинъ во главѣ арміи, это уже не то. Это отважный доблестный подвигъ, но это не кубанскій походъ.

Судьба намъ послала въ лицѣ Алексѣева самый возвышенный образъ русскаго военнаго и русскаго человѣка.

Не кипѣніе крови, не честолюбіе руководило имъ, а нравственный долгъ.

Онъ все отдалъ. Послѣдніе дни своей жизни онъ шелъ вмѣстѣ съ нами и освѣщалъ нашъ путь.

Онъ понималъ, когда уходя изъ Ростова, онъ сказалъ: „Нужно зажечь свѣточъ, чтобы была хоть одна свѣтлая точка, среди, охватившей Россію, тьмы“.

Никогда въ тяжелыя минуты, когда одинокій, какъ-бы выброшенный изъ жизни, онъ шелъ въ кубанской степи, онъ не терялъ вѣры.

Я помню. Обозъ спускался медленно по покатости холма на мостъ черезъ рѣчку. Алексѣевъ стоялъ на откосѣ и глядѣлъ на далекую равнину, разстилавшуюся на томъ берегу.

О чемъ онъ думалъ? О томъ, чѣмъ была русская армія и чѣмъ стала въ видѣ этихъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ, спускавшихся къ переправѣ. О томъ-ли, что ждетъ насъ впереди въ туманной дали..

Я подошелъ къ нему. На душѣ было тяжело. Наше положеніе и неизвѣстность удручали.

Онъ угадалъ то, о чемъ я думалъ, и отвѣтилъ мнѣ на мои мысли: „Господь не оставитъ насъ Своею милостью“.

Для Алексѣева въ этомъ было все. Въ молитвѣ находилъ онъ укрѣпленіе своихъ слабыхъ силъ.

Тѣ три тысячи, которыя онъ велъ, это была армія, составомъ менѣе пѣхотнаго полка, но это была русская армія, невидимо хранимая Провидѣніемъ для своего высшаго предназначенія.

Н. ЛЬВОВЪ.



**Командующій Добровольческой Арміей
Генералъ отъ инфантеріи
Лавръ Георгіевичъ Корниловъ †**

(съ рѣдкаго снимка, сдѣланнаго въ бытность
Генерала Корнилова въ австрійскомъ плѣну)

Изъ пѣсенъ изгнанника.

Памяти Генерала Корнилова.

Давно ль лилася кровь!... Ужели все забыто!...
О Родина, къ тебѣ несется мысль моя:
Все лучшее въ тебѣ поругано, разбито...
Любовь къ отечеству, и Церковь, и семья...

Печаленъ нашъ удѣлъ — справлять въ изгнаньи тризну
По тѣмъ, кто совѣстью своей не торговалъ,
Кто вѣренъ былъ себѣ, какъ мать любилъ отчизну
И смертью за нее примѣръ прекрасный далъ...

Онъ былъ ея мечемъ... Быть можетъ тѣнь святая
Межъ нами, и велитъ намъ распри всѣ забыть,
И родины позоръ зоветъ насъ искупить,
И до конца стоять, надежды не теряя...

Долой позорный миръ и злу непротивленье:
Безъ крови и безъ жертвъ не будетъ искупленья!..

Проф. В. СТРОЕВЪ.

Памяти Лавра Георгіевича Корнилова.

„Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья и вы не захотѣли!“

Отъ Матѳея глава 23 ст. 37.

Скоро исполнится 8 лѣтъ со дня трагической гибели Корнилова. Смерть воина на полѣ сраженія, при другихъ обстоятельствахъ, была бы только славной и почетной — трагизмъ этой смерти заключается въ томъ, что великій русскій патріотъ убитъ русской гранатой...

Біографія Л. Г. Корнилова достаточно извѣстна, и я не буду на ней останавливаться, не буду также разсказывать анекдотовъ изъ его жизни и своихъ воспоминаній о немъ со дня моего перваго знакомства съ молодымъ капитаномъ въ далекомъ Кашгарѣ до дня его смерти; мнѣ просто хочется на страницахъ этого сборника напомнить русскимъ людямъ кого они потеряли.

Слово герой давно опошлено и древній благородный смыслъ его забытъ. Что главныя дѣйствующія лица древнихъ трагедій назывались героями было понятно и естественно: тамъ дѣйствовали подлинные герои, но потомъ появились герои романовъ и комедій, герои сенсаціонныхъ процессовъ, герои тыла и проч. Въ лучшемъ случаѣ это слово стали примѣнять къ обыкновеннымъ храбрымъ людямъ. Въ лицѣ Корнилова мы потеряли героя въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Каждый, кто приближался къ нему, чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ высшаго порядка, съ существомъ отмѣченнымъ перстомъ Божьимъ. Я сказалъ ка-

ждый, но надо сдѣлать небольшую поправку: каждый воинъ и патріотъ, потому что, что кромѣ страха и ненависти могъ внушать Корниловъ предателямъ родины всѣхъ оттѣнковъ или тѣмъ въ комъ билось заячье сердце?...

Часто приходится слышать недоумѣвающій вопросъ: почему мы придаемъ столь большое значеніе походу Корнилова, выдѣляя его изъ всѣхъ другихъ походовъ гражданской войны? Вѣдь походъ этотъ начался, съ сущности съ отступленія и закончился неудачей и гибелью вождя, а въ исторіи бѣлаго движенія было не мало блестящихъ страницъ, заслуживающихъ, казалось бы, гораздо большаго вниманія.

Герои обыкновенно гибнутъ — такова ужъ ихъ судьба, а въ исторіи идейныхъ движеній не всегда успѣхи имѣютъ самое важное значеніе. Напомню, что мусульманскій міръ ведетъ свое лѣтосчисленіе не отъ какой либо изъ блестящихъ побѣдъ ислама, а со дня *бѣгства* Магомета изъ Мекки въ Медину.

Начавъ вооруженную борьбу съ большевиками, Корниловъ указалъ единственный возможный путь для сверженія ненавистнаго ига. Для этой борьбы онъ сумѣлъ соединить подъ своимъ знаменемъ людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій и воодушевить ихъ одной общей идеей — въ этомъ великое значеніе его и его похода. А потому Ростовъ и Екатеринодаръ навсегда останутся Меккой и Мединой бѣлаго движенія, независимо отъ того суждено-ли намъ вновь увидѣть родину или наше поколѣніе вымретъ на чужбинѣ, а послѣднее становится все болѣе вѣроятнымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы сложили оружіе передъ большевиками и занялись своимъ излюбленнымъ дѣломъ — междуусобной грызней.

Часто приходится слышать, что бѣлое движеніе не имѣло успѣха, потому что его лозунги были неопредѣленны и непонятны. Это ложь и лицемѣріе: поднявъ наше старое трехцвѣтное знамя, Корниловъ и тѣ, кто съ честью носили это знамя послѣ него, обѣщали *отечество !*

Если это понятіе не можетъ объединить насъ, то что же способно это сдѣлать?!

Если съ натяжкой еще можно допустить, что въ 18-мъ году были люди, не отдававшіе себѣ отчетъ въ великомъ значеніи этого слова, то теперь, когда одни испытали всю горечь изгнанія, а другіе, хотя и живутъ на землѣ отцовъ, но тоже лишены отечества, потому что С. С. С. Р. ни для кого не можетъ да и не хочетъ быть отечествомъ, неужели еще есть не понимающіе? Опомнитесь русскіе люди! Какіе вамъ еще нужны лозунги?!

Б. КАЗАНОВИЧЪ.



Генералъ-лейтенантъ
Сергѣй Леонидовичъ Марковъ †

Ангелъ Хранитель.

(Памяти Маркова).

Глухая ночь. Плотной пеленой облекли облака далекое небо, не пропуская свѣта луны. Рѣзкій вѣтеръ срываетъ клубы пыли и мчитъ ихъ далеко по степи.

Спитъ степь. И снится ей странный, невиданный сонъ.

По безконечной степной дорогѣ, извиваясь безконечной лентой спѣшатъ во мракѣ повозки, одна за другой.

Верста за верстой тянутся онѣ безъ конца и счета съ одной и той же поклажей. То не купецъ везетъ свой товаръ, не хуторянинъ спѣшитъ на ярмарку, не таборъ цыганскій переходитъ на новыя мѣста. На этихъ повозкахъ спитъ то, что осталось отъ нѣкогда Великой Арміи; той Арміи, отъ имени которой блѣднѣли враги и на которую полъ міра смотрѣло, какъ на защиту и опору чести, порядка и мира.

Здѣсь на этихъ повозкахъ собралось все, что осталось отъ нея честнаго, вѣрнаго, непреклоннаго. Все, что не признало позора Родины, власти насильниковъ, отравы и соблазна предательскихъ словъ и награбленныхъ денегъ.

Здѣсь и только здѣсь, на этихъ повозкахъ, еще осталась Россія — кочующая, не имѣющая ни клочка территоріи, но независимая и сильная любовью къ Отечеству и вѣрой въ его воскрешеніе . . . .

. . . .

Вчера былъ бой. Жестокій, безпощадный, до самой вечерней зари. Врагъ кругомъ. Еще до разсвѣта придется съ нимъ биться въ смертельномъ бою.

Но спятъ беззаботно герои. Не слыша ни стука колесъ, ни лая встревоженныхъ собакъ, оставшейся сбоку станицы, ни свиста далекаго паровоза.

Не слышно говора, не чиркнетъ спичка, не замѣтно никакого движенія.

Встрѣчая, какъ въ ратномъ полѣ, другъ въ другѣ поддержку, склонились усталые воины и грезятъ во снѣ о томъ, чего давно не видали на яву; о томъ, что было еще недавно у всѣхъ и что для многихъ изъ нихъ уже никогда не вернется. Грезятъ о счастьи спокойной жизни, объ уютѣ родного угла, о ласкѣ семьи. Грезятъ о всемъ томъ, что добровольно принесли они въ жертву самому дорогому — величію и счастью Россіи.

Не спитъ лишь одинъ. Впереди на маленькомъ крѣпкомъ конѣ, въ огромной бѣлой папахѣ, съ закинутымъ за плечи башлыкомъ, поминутно зажигая нервнымъ движеніемъ руки потухшую папиросу, ѣдетъ таинственный всадникъ.

Зорко глядятъ въ темнотѣ его усталыя очи. Онъ ясно видитъ лежащую передъ нимъ дорогу. Онъ видитъ и знаетъ, что встрѣтитъ онъ на этомъ пути. Онъ видитъ и знаетъ, куда приведетъ этотъ путь его боевыхъ сотоварищей.

И когда на пути встрѣчается опасность, когда отдыхающимъ воинамъ угрожаетъ бѣда, онъ поднимаетъ нагайку и отъ взмаха ея разступается нечистая сила, гибнетъ врагъ, и снова стелется ровный путь по степи, и снова дремлютъ беззаботно, оставшіеся въ живыхъ его вѣрные воины . . .

. . . .

И видитъ степь, какъ разрывается облачная пелена. Въ сіяніи луннаго свѣта видитъ она чудеснаго всадника въ терновомъ вѣнкѣ. Крупныя капли крови падаютъ съ его чела. Бѣлоснѣжныя крылья простираются за его плечами надъ спящей степью и дремлющимъ воинствомъ. Неземной красотой сіяетъ его блѣдное лицо. Восторгомъ и радостью сіяютъ чудные глаза. И молитвенно шепчутъ уста:

„Я вѣрю: Россія снова будетъ единой, великой, могучей...“

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.



**Главнокомандующій Вооруженными Силами на Югѣ Россіи
Генералъ-Лейтенантъ
Антонъ Ивановичъ Деникинъ.**

Русскій генералъ.

Я давно хотѣлъ написать о немъ. Объ оклеветанномъ русскомъ генералѣ.

Если въ такъ называемомъ „прогрессивномъ“ обществѣ и въ такъ называемой „прогрессивной“ печати хорошимъ либеральнымъ тономъ, этакимъ демократическимъ шикомъ считалось поносить русскую армію, поносить русскихъ офицеровъ, то въ этой подлой травлѣ больше всего доставалось русскимъ генераламъ. На ихъ головы съ особеннымъ остервенѣніемъ выливались ушаты самыхъ зловонныхъ помоевъ...

Казалось, — хотя, чего тутъ казаться, на самомъ дѣлѣ такъ было — темнымъ силамъ, добившимся въ концѣ кон-

цовъ великаго всероссійскаго мятежа, хотѣлось всемѣрно заплевать русскаго генерала, безмѣрно унизить его и сдѣлать одновременно предметомъ, какъ глумленія, такъ и отвращенія ...

Вспомните, вѣдь, это все еще такъ свѣжо въ памяти...

Выпучивалась красная подкладка, проводилась параллель съ напыщеннымъ индюкомъ. Желаніе сдѣлать крылатымъ словечко: „глупъ, какъ генералъ". А развѣ вамъ не приходилось иногда слышать отъ людей вовсе ужъ не такого лѣваго образа мыслей и говорившихъ объ арміи спокойно, безо всякаго зубовнаго скрежета:

— Да, да, Петровъ... Въ чинѣ полковника былъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а произвели въ генералы — поглупѣлъ сразу...

И улыбался тотъ, кто говорилъ, улыбался тотъ, кто слушалъ. Хотя, повторяю, тотъ и другой развѣ, что въ правые кадеты годились по своей „платформѣ", если, вообще, имѣли какую-нибудь „платформу"...

А беллетристика? „Изящная" литература?

Въ романѣ, или повѣсти, особенно, если предназначалось это для „Русскаго Богатства" или даже для болѣе умѣреннаго и благовоспитаннаго „Вѣстника Европы", былъ установленъ разъ навсегда утвержденный „генеральскій шаблонъ". Допускались тѣ, или иные варіанты, но основной типъ таковъ: Напыщенная тупица. Холодный развратникъ. Мордобой. Отчаянный ретроградъ-крѣпостникъ.

Основной типъ дѣлился на двѣ разновидности: бурбонистаго генерала изъ армейской среды и генерала свѣтскаго съ вылощенной внѣшностью, нѣ обязательно съ душою кровожаднаго звѣря.

Генералъ умный, образованный, культурный — не допускался за рѣдкимъ исключеніемъ, подтверждавшимъ правило. Эти исключенія, да и то съ оговорками — фельдмаршалъ графъ Милютинъ и генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Вспомните съ какимъ уничтожающимъ презрѣніемъ говорили о генералахъ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, студенты, земскіе дѣятели, фармацевты, слушательницы акушерскихъ курсовъ?...

Но вотъ грянула всевеликая, всебезкровная, всепозорная... Палъ „ненавистный царскій режимъ" съ его сановниками и генералами. Въ архивъ и тѣхъ и другихъ! Въ покойницкую!... А пока еще не пришелъ октябрь съ его чрезвычайкою, генераламъ позволено было до поры до времени оставаться въ „живыхъ муміяхъ"... Хотя и во дни разудалой Керенщины солдатская и матросская чернь безнаказанно поубавила и еще какъ поубавила количество этихъ „живыхъ мумій"...

Итакъ, революція. Какой просторъ! Какой неограни-

ченный просторъ выявить свои таланты, государственныя и всякія иныя доблести всѣмъ этимъ адвокатамъ, земцамъ, фармацевтамъ, радикальнымъ акушеркамъ и, конечно, прежде всего ремесленникамъ-профессіоналамъ революціи, которые давно мечтали уже о власти и сидя на лѣвыхъ скамьяхъ государственной думы и сидя въ прокуренныхъ и пропахшихъ пивомъ кофейняхъ Женевы и Цюриха.

И что-жъ мы увидѣли? Мы увидѣли такое убожество, такую мразь, слякоть, что среди нея даже Керенскій считался орломъ. Керенскій, эта общипанная курица для еврейскаго шабаша съ пятницы на субботу гдѣ-нибудь въ Волковышкахъ, или въ Ямполѣ...

И вотъ, именно онъ-то, Керенскій, этотъ митинговый болтунъ-демагогъ, ненавидитъ генераловъ и ненавидя, боится.

Во имя ненависти и боязни ссылаетъ онъ адмирала Колчака въ Америку, подъ видомъ какой-то командировки, высылаетъ за-границу, продержавъ его въ крѣпости, генерала Гурко, а Корнилова и Деникина сажаетъ въ Быховскую тюрьму, въ надеждѣ, что солдатская чернь растерзаетъ ихъ тамъ. Да и растерзала-бы, если-бъ польскіе уланы не выгнали изъ Быхова бердичевскій батальонъ „сознательныхъ" дезертировъ, присланныхъ комиссаромъ Іорданскимъ изъ желанія угодить Александру Федоровичу.

Не у дѣлъ очутился М. В. Алексѣевъ. Не у дѣлъ и подъ подозрѣніемъ очутилось все яркое, талантливое, патріотическое и самостоятельное, все что только было таковаго на командныхъ постахъ...

Первый этапъ революціонной траги-комедіи — Керенскій, закончился постыднѣйшимъ, омерзительнѣйшимъ образомъ. Народныхъ „вождей", которые десятками лѣтъ готовились въ своемъ подпольѣ къ управленію демократическими массами и къ жизни въ императорскихъ дворцахъ, всю эту никчемную, привыкшую только языкомъ трепать дрянь, кучка большевиковъ съ легкостью необычайной вышвырнула прочь, какъ негодную ветошь...

И вожди смиренно подчинились и разбѣжались, кто въ мужскомъ, а кто и въ бабьемъ платьѣ, разбѣжались безъ борьбы, безъ протеста, безъ гнѣва. Какъ жулье, пойманное съ поличнымъ. Да и развѣ не были жульемъ, не только политическимъ, а и уголовнымъ, всѣ эти Керенскіе, Черновы, Некрасовы, положившіе начало социализаціи имущества, особняковъ, дворцовъ и цѣнностей государственнаго банка?...

Когда въ Гатчинѣ Керенскій то умолялъ генерала Краснова, имѣвшаго 700 казаковъ „итти" на Петербургъ, то истерически топалъ ножкой, онъ „забылъ" о группѣ Быховскихъ узниковъ, великолѣпно зная, что взявшіе верхъ большевики не пощадятъ контръ-революціонныхъ генераловъ.

Но ихъ пощадилъ Господь Богъ.

Двоимъ изъ Быховскихъ узниковъ, двумъ царскимъ генераламъ суждено было спастись и далеко на югѣ, средь студеныхъ Кубанскихъ степей, зажечь прекрасный священный пламень борьбы съ большевиками.

Да, они, эти царскіе генералы Корниловъ и Деникинъ, вмѣстѣ съ третьимъ царскимъ генераломъ Алексѣевымъ показали міру, что не вся Россія подобно баранъему стаду, безропотно подчинилась кучкѣ презрѣнныхъ эмигрантовъ и каторжниковъ, что не весь русскій народъ безпросвѣтно исподличился и что есть еще благородные, гордые, чистые, смѣлые...

И вотъ тутъ-то и напрашивается цѣлый рядъ вопіющихъ параллелей.

Тѣ, которые годами готовились къ захвату власти и наконецъ захватили ее, эту вожделѣнную власть, шутка-ли сказать, надъ всей необъятной Россіей, какъ пришли недоносками, такъ семимѣсячными недоносками и ушли, получивъ не совсѣмъ изящный ударъ пониже спины. Ушли, расписавшись въ собственной бездарности, никчемности, трусости, ушли, показавъ, что великія потрясенія ничему не научили ихъ и, повалявшись въ царскихъ постеляхъ Зимняго дворца, они остались такими-же мелкими конспирантами, такими-же никудышными болтунами, какими были передъ этимъ въ своихъ конспиративныхъ квартирахъ и на митингахъ изступленной черни.

А теперь сдѣлаемъ бѣглый смотръ тѣмъ самымъ генераламъ, которыхъ эти головотяпы такъ презирали съ высоты своего ничтожества, да и все продолжаютъ еще презирать...

Генералы не готовились къ власти. Революція застала ихъ командирами и вождями, привыкшими повиноваться. Это были техники — спеціалисты военнаго дѣла, не произносившіе политическихъ рѣчей, не занимавшіеся литературой, а если и писавшіе книги, то, опять таки, по своей спеціальности.

И вотъ безо всякихъ средствъ, вмѣсто помощи, встрѣчая только противодѣйствія, создаютъ они крохотную армію въ тысячу съ чѣмъ-то бойцовъ, отъ которыхъ въ паникѣ бѣгутъ красныя полчища.

Развѣ не достоинъ преклоненія организаторскій и творческій талантъ генерала Алексѣева, совмѣщавшаго въ себѣ и военнаго министра и главнаго интенданта и руководителя внѣшней и врутренней политики? Сколько государственной мудрости въ его дѣловыхъ рѣчахъ!...

А генералъ Деникинъ? Вспомните его выступленія! Какимъ чудеснымъ, поистинѣ милостью Божьей ораторомъ оказался онъ! Въ его рѣчахъ такъ богато всегда сочетались и пламенный патріотизмъ, и желѣзная покоряющая логика, и внѣшняя красота, и подкупающій голосъ...

Прошло нѣсколько лѣтъ. Генералъ Деникинъ выпустилъ цѣлый рядъ своихъ книгъ. Ими зачитываются и русскіе и

чужеземцы, этимъ цѣннѣйшимъ вкладомъ и въ исторію великой войны и въ исторію великой россійской смуты...

Прочтите содержательныя, такія интересныя воспоминанія генерала Лукомскаго. Прочтите книгу генерала Сахарова о трагическихъ дняхъ эпопеи адмирала Колчака. А воспоминанія Головина и Данилова?...

Диву даешься, откуда у этихъ генераловъ, служившихъ въ строю, занимавшихъ тѣ, или иныя, штабныя должности, откуда у нихъ взялась эта блестящая форма, форма, въ которую они облекаютъ такое разностороннее содержаніе своихъ книгъ, книгъ, гдѣ съ каждой страницы такъ и брыжжетъ обширная всеобъемлющая эрудиція?...

Особнякомъ стоитъ художественное творчество генерала Краснова. Всѣ его политическіе романы — это уже кладъ не только въ отечественную, а несомнѣнно и въ міровую литературу.

Генералъ Врангель, и въ періодъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, и въ свой собственный Врангелевскій періодъ въ Крыму, показалъ себя не только блестящимъ вождемъ на полѣ брани, но и большимъ политическимъ человѣкомъ-правителемъ, у котораго можно было многому поучиться.

Вся эта плеяда бѣлыхъ героевъ-освободителей золотыми буквами начертала славныя имена свои на скрижаляхъ русской исторіи.

Вотъ они тѣ самые генералы, что, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, были мишенью устной и печатной травли лѣвыхъ круговъ съ ихъ профессорами, общественниками, адвокатами и фармацевтами.

Такъ боролись за свою родину и продолжаютъ бороться и оружіемъ, и словомъ, и перомъ, люди красной подкладки, золотыхъ погонъ, какъ называютъ ихъ слѣва и люди долга и чести — добавимъ мы отъ себя, справа.

Теперь-же сравните съ ними тѣхъ, которые съ такимъ презрительнымъ апломбомъ критиковали, сравните и что останется отъ господъ Керенскихъ, Черновыхъ, Авксентьевыхъ, Лебедевыхъ и прочія, и прочія и прочія съ ихъ узкимъ демагогическимъ кликушествомъ и такой-же узкой демагогической „литературою“?

Ничего! Жалкая кучка захолустныхъ поповичей, танцующихъ отъ печки, то-есть отъ революціи.

Да, да они все продолжаютъ бубнить о завоеваніяхъ революціи и дальше — ни туда, ни сюда. Вмѣсто того, чтобы на вѣки вѣчные покраснѣть отъ стыда, эти живые покойники съ развязностью наглецовъ окрестили все бѣлое движеніе съ его вождями „генеральской авантюрой“ и самодовольно успокоились на этомъ.

Успокоились, откровенно мечтая вернуться вновь къ власти, что-бы издавать декреты: „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ“, пожить во дворцахъ и поживиться въ государственныхъ бан-

кахъ, откуда во дни своего семимѣсячнаго періода тепленькіе ребята эти выкачивали понемногу золотую наличность по своимъ товарищескимъ запискамъ карандашомъ на клочкѣ бумаги.

Напрасныя мечты.

Кто однажды не умѣлъ править, тому никогда уже не видать власти.

— Ваше постыдное правленіе было правленіемъ адвокатишекъ! — вспомнимъ мѣткое словечко Наполеона.

Вспомнимъ и другое словечко великаго императора:

— Править и могутъ, и умѣютъ, и должны — люди въ ботфортахъ и со шпорами.

И когда падетъ большевизмъ, — а онъ падетъ, это вопросъ времени — власть возьмутъ именно люди въ ботфортахъ, а не друзья и пособники большевиковъ, имя которымъ — Керенскіе, Милюковы, Черновы...

Ник. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ.

„Боевые Офицеры"

За благо Россіи, безъ страха мученій
Охвачены честнымъ порывомъ, святымъ,
Они умирали, подъ громы сраженій,
Въ окопахъ, подъ градомъ стальнымъ.

Въ тылу, ихъ короткое время видали,
Во время раненій, иль тяжко больныхъ,
Лишь Родины радости всѣ и печали
Однѣ отражалися въ нихъ!

Не ими — ихъ дѣло святое утрачено,
Въ бояхъ безъ снарядовъ, не меркнулъ ихъ взоръ,
Но было судьбою, въ награду назначено
Имъ видѣть Россіи позоръ!...

Увидѣть святыни родной униженье,
Нерусскимъ — и злобно чужимъ,
Узнать клевету и насмѣшки глумленье
За вѣрность завѣтамъ роднымъ...

Топтали ихъ души... Ихъ семьи терзали,
Лишали ихъ крова, томя нищетой,
Но крѣпокъ былъ духъ ихъ... И въ сердцѣ сіяли
Завѣты Россіи Святой!

Они ихъ хранили въ Кубанскомъ походѣ,
Въ Ростовѣ, въ Юзовкѣ, въ Орлѣ и въ Крыму,
На скалахъ турецкихъ и въ тяжкой невзгодѣ
Лишь долгу вѣрны своему!...

Чрезъ тысячи мукъ и кровавыхъ страданій,
Въ просторахъ Россіи и чуждой земли,
Какъ символъ знаменъ — свѣтъ великихъ исканій,
Съ собою они пронесли!

Онъ теплится, трепетно въ душахъ мерцая,
И люди живутъ тѣ — мечтой на яву:
Какъ нѣкогда, Русь отъ плѣненья спасая,
Свѣча — отъ иконы — спалила Москву,

Сожгла, истребила несчетныя зданья
Но Кремль и святыни родныя спасла,
И въ русскихъ сердцахъ пробудила сознанье
И Русскій народъ подняла!!

Часъ близокъ!.. Пусть злобно судьба въ непогоду
Вездѣ разметала носящихъ огни,
По зову... — къ великому Крестному ходу,
Какъ прежде, сберутся они!

Безбреженъ ихъ будетъ порывъ, какъ стихія,
Великій опять, простотою своей,
И пріиметъ спасенная ими Россія,
Въ объятья родныя — героевъ дѣтей.

Въ трудѣ и покоѣ, что вновь возродятся,
Русь сможетъ величье былое найти,
И ясно предъ міромъ тогда озарятся
Всѣ крестныя муки пути,

Любовь ихъ къ Россіи... И зовъ на вершины
Въ смятенія тревожные дни!

***

Храните, герои, въ сердцахъ, на чужбинѣ
Святого порыва огни.

Кн. Ф. КАСАТКИНЪ-РОСТОВСКІЙ.

Первопоходникамъ.

Была большая семья и крѣпкій просторный домъ. На домъ напали разбойники. Старшій сынъ защищался, но разбойниковъ было много, другіе члены семьи какъ то быстро сдали, покорились, были связаны, а старшій сынъ, окровавленный, израненный, въ разодранной одеждѣ ушелъ и, слышно, скитается по чужимъ людямъ, въ батракахъ служитъ, но все грозится отобрать назадъ отчій домъ, выгнать изъ него разбойниковъ, отомстить имъ.

Разбойники поселились въ домѣ. Содрали со стѣнъ иконы, испакостили, запоганили чистые покои, помыкаютъ членами семьи, ругаются надъ дѣвушками, нехорошему учатъ дѣтей. По крутому распоряжаются въ домѣ, убили старика хозяина, молчать заставили старуху, ведутъ себя, какъ хозяева ... а все оглядываются, все свербитъ у нихъ что-то по хребту. Кажись, всѣхъ, кто хотя взглядъ косой бросилъ на нихъ, перебили, такъ приструнили, что уже не знаютъ, какъ имъ и угодить, а имъ все не по себѣ ... Скитается гдѣ-то старшій сынъ и знаютъ разбойники: — придетъ.

Начнутъ измываться надъ вѣрою православной. Мы-де — вамъ Бога уничтожили и нигдѣ Его нѣту и ослабѣла ваша вѣра! ... — И встрѣтятъ нѣмой, полный укоризны взглядъ — сказать то громко не смѣютъ: — „есть Богъ! Со старшимъ сыномъ ушелъ Онъ, у него хранятся наши святыни и тверда крѣпка и нерушима у него вѣра Русская православная!“

Станутъ издѣваться надъ порабощенными. — Лишили мы васъ и самаго имени вашего — прозвища и живете вы подъ нашею кличкою, все одно, какъ собаки ... И замнутся: — Знаютъ: свято хранится у старшаго сына семейное имя и ничѣмъ не поступился онъ противъ обычаевъ и обрядовъ старины.

Станутъ говорить: — „мы вашихъ дѣтей такому научили, что путнаго отъ нихъ ничего не ждите. Растутъ они безбожниками, слабыми духомъ и больными тѣломъ — изничтожимъ мы весь вашъ родъ православный.“

А въ глазахъ забитой, истерзанной семьи читаютъ: — Неправда и это. Знаемъ: — растутъ у старшаго сына на чужбинѣ, здоровыя, крѣпкія дѣти. Помнятъ отца съ матерью, объ одномъ думаютъ: — вернуться домой, прогнать разбойниковъ, вычистить и краше прежняго поставить родную избу,

Смѣются разбойники: — „мы вашъ языкъ запоганили. вы-де у насъ и грамату позабыли“. И запнутся. Знаютъ — идуть тайныя граматки отъ старшаго сына, цѣлыя книги идутъ и все писаны по старинному, по Родному, по Русскому...

И скверно становится разбойнику. Пропадаетъ у него чувство, что онъ-де хозяинъ тутъ. Оглядывается, ждетъ, прислушивается, пуще свирѣпствуетъ, крѣпче издѣвается, но знаетъ — будетъ конецъ его насиліямъ, не избѣжать ему кары лютой, висѣть ему на веревкѣ... И когда смотритъ въ ту сторону, куда ушелъ старшій сынъ, когда стоитъ подъ ворогами пугливо косится на перекладину, поджимаетъ шею и чувствуетъ липкое прикосновеніе веревки къ холкѣ...

Въ этомъ смыслъ и значеніе того хмураго февральскаго дня, когда ушли Русскіе, вѣрные долгу офицеры и солдаты изъ Ростова и пошли въ тяжелый ледяной походъ.

Ибо когда ликующей, пьяной бандой ворвались на югъ Россіи насильники и протянулъ грязный башмакъ для поцѣлуя жидъ и сталъ орать: — Всѣ поклонились мнѣ! Всѣ признали меня!... Всѣ, даже генералы, вотъ какъ меня уважаютъ!

А Корниловъ?... А Алексѣевъ... А Деникинъ... Марковъ, Нѣжинцевъ?... А тысячи храбрыхъ, что длинной колонной-змѣею въ сумерки тусклаго февральскаго дня уползали по степи къ Ольгинской станицѣ?

И когда пошли бои подъ Лежанкой и Ново Дмитріевской, когда отдались отголоски пушечныхъ громовъ о дома Екатеринодара — пробудились Донскіе и Кубанскіе казаки и крѣпка стала защита родного дома по всему краю Русской земли.

Если-бы не было этихъ именъ, если-бы не было ни Дутова, ни Анненкова, ни Колчака, ни Юденича, ни Миллера, ни Дроздовскаго, если-бы два года пожарнымъ пламенемъ не полыхалась оборона Русской Земли, — что-же за гадкое, подлое племя былъ-бы Русскій народъ?

Въ крови и смерти выросъ великій духъ. Онъ закалился въ леденящихъ кровь эвакуаціяхъ — Новороссійской и Крымской, онъ выросъ въ Галлиполи и на Лемносѣ и онъ остался грознымъ предупрежденіемъ насильникамъ и ворамъ и крѣпкой надеждой Россіи на ея воскресеніе.

Если-бы Христосъ, снятый съ креста не оставилъ-бы своего человѣческаго тѣла, похороненный въ гробницѣ каменной — не ждали-бы люди Его святого воскресенія!

Если-бы не осталась, — пускай бродячая, пускай нищая и убогая, пускай у чужихъ людей и въ немилости — Россія

съ ея православною вѣрою, съ Русскимъ ея языкомъ, со всѣмъ Русскимъ укладомъ и обычаемъ, — какъ странно было-бы жить имъ, порабощеннымъ и забитымъ, жидовскими сапогами притоптаннымъ, потерявшимъ Русское имя людямъ!

Ибо не было бы вѣры въ возрожденіе Россіи, не было бы надежды это возрожденіе Россіи увидать.

Въ этомъ великая святость и необходимость родныхъ могилъ, разбросанныхъ по всей Россіи отъ Ростова и Екатеринодара до Иркутска и Нарвы. Въ этомъ родная прелесть мученій Ледяного похода, подвига добровольцевъ и спасенія Арміи изъ Крыма. Въ этомъ утѣшеніе въ нашей заграничной душевной тоскѣ и тѣлесной нищетѣ!

Будетъ часъ, когда мы вернемся въ родной домъ хозяевами и бѣгутъ отъ лица нашего ненавидящіе Россію! Будетъ день, когда придутъ къ намъ забывшіе Бога, или незнающіе Его святого Имени и скажутъ: — „научите насъ святой вашей вѣрѣ“... Придутъ тѣ, кто забылъ въ тюремномъ плѣну про Россію и волю, и скажутъ: — „орлы степные! герои ледяного похода, гордые духомъ и сильные сердцемъ — разскажите намъ про матушку Русь, научите насъ любить ее такъ, какъ вы ее любите!

Будемъ готовы къ этому часу! Пусть ни на минуту не угасаютъ свѣтильники нашей вѣры и не истощается масло нашей любви къ Родинѣ.

П. КРАСНОВЪ.

Santeny
14 декабря 1925 г.

Юношѣ — Добровольцу.

„Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь Святую,
И какъ одинъ прольемъ,
Кровь молодую!...

(Пѣснь Добровольцевъ)

Онъ пролилъ кровь свою, сдержалъ онъ пѣсни клятву!
Недвижимъ на травѣ лежитъ онъ предо мной.
А тамъ клубится дымъ, тамъ длится страшный бой,
И торжествуетъ смерть, свою снимая жатву.

Ужъ много пало ихъ, такихъ же юныхъ, честныхъ;
Безумной матери несчастные сыны.
Безтрепетно легли въ могилахъ неизвѣстныхъ,
Въ болотахъ и степяхъ далекой стороны.

Вотъ онъ — одинъ изъ нихъ — Сынъ русскаго народа,
Убитый русскимъ же на утрѣ юныхъ лѣтъ.
Въ лазоревыхъ глазахъ лазурный неба слѣдъ,
Кругомъ весенняя, цвѣтущая природа.

Ликуетъ всюду жизнь. Горитъ побѣдный лучъ,
Неся землѣ живительную силу.
Растаявшихъ снѣговъ струится вешній ключъ,
Стекая... въ мрачную глубокую могилу.

У края юноша. — Кто онъ? Господь лишь знаетъ!
Съ упрекомъ на лицѣ, вопросомъ на устахъ.
Нѣтъ стараго отца, нѣтъ дѣвушки въ слезахъ,
И мать надъ нимъ безумно не рыдаетъ.

Невѣдомы они. — Ихъ нѣтъ — но я съ тобою!
Ты близокъ мнѣ, какъ сынъ, мой мальчикъ дорогой.
Что въ имени твоемъ? Единою мечтою:
Любовью къ Родинѣ мы связаны съ тобой.

Прими жъ на грудь мой даръ: горсть ландышей душистыхъ,
Межъ вырытыхъ могилъ собралъ я свой букетъ,
Закрою имъ кровавой раны слѣдъ,
И обовью вѣнкомъ волну кудрей пушистыхъ!

Терновый то вѣнецъ. Спи мученикъ-дитя!
На бой съ неправдой шелъ ты съ пѣсней молодою.
Палъ жертвою за Русь, отчизну возлюбя,
И землю напоилъ ты кровію святою!

Безцѣнна эта кровь, погибнувшихъ дѣтей!
Огнемъ стыда зажжетъ она сердца людскія
И сыну лучшему поставитъ мавзолей,
Воскреснувшая Мать — прозрѣвшая Россія!

Станица Новодмитровская
Кубанской области
25 марта 1918 г.

НИКОЛАЕВЪ.

Письмо для сборника, полученное отъ Г-на Т. Обера.

ENTENTE INTERNATIONALE
CONTRE LA
III[e] INTERNATIONALE
№ 1489/25

Genève, le 2 Décembre, 1925.

Messieurs,

Je m'empresse de vous envoyer ces quelques lignes que vous avez bien voulu me demander pour votre livre.

„La Russie souffre toujours sous ses féroces tyrans. Conscients de l'ignominie et de la cruauté de leur domination, ils s'efforcent sans cesse, par le mensonge et la corruption, de tromper le monde civilisé et de l'ébranler en fomentant partout la revolution, en excitant les nations à la haine et à la guerre civile. Ils espèrent ainsi detourner les regards de l'oeuvre abominable qu'ils accomplissent dans votre patrie cette Russie que les premiers, au prix de mille souffrances vaillamment endurées, vous avez tente de leur arracher.

Leur tyrannie satanique ne peut être définitive; sans doute la patience et l'attente sont de dures expériences. Mais dans l'exil, la foi dans les destinées

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИГА
ДЛЯ БОРЬБЫ
СЪ III ИНТЕРНАЦІОНАЛОМЪ
№ 1489/25.

Женева 2 декабря 1925 г.

Господа,

Спѣшу послать Вамъ эти, просимыя Вами строки для Вашей книги:

„Россія продолжаетъ страдать подъ игомъ свирѣпыхъ тирановъ, которые, сознавая безстыдство и жестокость своего царствованія, безпрерывно, путемъ лжи и подкупа пытаются обманывать цивилизованный міръ и расшатать его внѣдреніемъ революціи, подстрекательствомъ народовъ къ ненависти и гражданской войнѣ. Этимъ путемъ они надѣются отвратить взоры отъ ужасныхъ поступковъ, творимыхъ ими въ Вашемъ Отечествѣ — въ той Россіи, которую Вы первые, цѣной тысячей, геройски перенесенныхъ страданій, пытались вырвать отъ нихъ.

Ихъ дьявольская тиранія не можетъ быть вѣчной. Конечно, терпѣть и ждать — тяжелое испытаніе, но въ изгна-

élevées de la patrie doit subsister, inébranlable; cette foi élève le coeur de l'émigré; elle sera récompensée et Dieu veuille que ce soit bientôt".

Veuillez agréer, Messieurs, l'expression de mes sentiments très distingués.

Pour le Bureau de l'Entente

Th. AUBERT
(President)

нія, вѣра въ высокое предназначеніе родины, должна остаться непоколебимой, ибо вѣра эта возвышаетъ сердце эмиграціи; она будетъ вознаграждена. Дай Богъ, чтобы это случилось поскорѣе."

Прошу Васъ, Господа, принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Т. ОБЕРЪ
(Предсѣдатель Лиги)

Первопоходникамъ.

Что можно написать Первопоходникамъ?

Слова какъ-то нѣмѣютъ, если вспомнить ихъ тяжелый путь. Поистинѣ — мечъ, обвитый терновымъ вѣнцомъ, и незамѣтно-скромно — георгіевская ленточка.

Не о прошломъ, но о настоящемъ хочется сказать.

Настоящее — въ разсѣяніи, въ черномъ трудѣ, въ безпросвѣтности — не такое тяжелое и не такое безпросвѣтное. Нѣтъ родины — но не ее-ли берегутъ въ своемъ сердцѣ? Нѣтъ отечества — но не едины-ли мы во всеміріномъ разсѣяніи? Нѣтъ ничего — но не сохранено-ли доброе имя и честь?

Черезъ подвиги Добровольческой Арміи, черезъ историческую защиту Крыма, черезъ невиданную въ мірѣ эвакуацію, черезъ Галлиполи и Лемносъ, черезъ Болгарію, Сербію, Францію — черезъ весь міръ, — сохранила Русская Армія свою родину, сберегла отечество, спасла доброе имя и воинскую честь.

И сейчасъ, въ разсѣяніи, стоитъ она такая-же сплоченная, честная и славная.

И если мы спросимъ было-бы все то, что мы можемъ любить и чѣмъ можемъ гордиться, если-бы въ свое время не совершенъ былъ Великій Первый Походъ, — то должны сказать, что ничего не было-бы.

Ни родины — потому-что можно-ли назвать родиной страну, не способную даже возмутиться?



Генералъ-лейтенантъ
Иванъ Павловичъ Романовскій †



Генералъ-лейтенантъ
Викторъ Леонидовичъ Покровскій †

Ни отечества — ибо можно-ли назвать отечествомъ С. С. С. Р.?

Ни добраго имени, ни воинской чести — ибо некого было-бы помянуть и нечего было-бы вспомнить.

Не было-бы Первопоходниковъ — не было-бы ни родины, ни отечества, ни чести.

В. ДАВАТЦЪ.

Изъ записокъ Добровольца.

(Трилогія)

Отъ безбрежныхъ степей Кубанскихъ, отъ фіолетовыхъ предгорій Кавказа, отъ тихаго Дона, болотнаго Маныча и синяго Днѣпра прошли тебя, Русь, вдоль и поперекъ мы — добровольцы...

И стольный градъ Кіевъ, древній Курскъ, шумный Харьковъ, златоглавый красавецъ Бѣлгородъ — всѣ они слышали грохотъ побѣдоносныхъ маршей и шелестъ развернутыхъ знаменъ.

На ржи желтѣющей и зеленой, на золотыхъ колосьяхъ пшеницы, на ковылѣ степномъ, въ густыхъ, душистыхъ травахъ и садочкахъ вишневыхъ, сочилась кровь наша, словно, кистью гигантской, кто то надъ Русью взмахнулъ и всю ее окропилъ слезками рубиновыми.

Жгло солнце, заметала дороги вьюга, трещалъ свирѣпый морозъ, днемъ и ночью въ мятель и въ бурю, въ сырую мглу осеннихъ тумановъ шли мы бодро впередъ: навстрѣчу смерти, навстрѣчу многомилліонному люто-обманутому морю — цѣпочками, горсточками по нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Лилась кровь, въ промерзшихъ вагонахъ на голыхъ доскахъ въ жару тифозной агоніи метались рядомъ: офицеръ и солдатъ. Обильно собирала смерть свою жатву.

Уцѣлѣвшіе шли, падали и шли цѣпочками рѣдкими, неся эмблемы убитыхъ вождей на погонахъ, неся въ сердцѣ вѣру — неугасаемую и любовь.

Любимая вся и желанная, отъ кривыхъ березокъ на сѣверныхъ болотахъ до таинственныхъ монаховъ крымскихъ кипарисовъ и тополей, шумящихъ въ лунной серебряной паутинѣ — вся ты Русь, а степи твои лучше всего, такъ часто ихъ видишь передъ собой: безконечныя, вѣчно вол-

нующія далью; ночью мгла таинственная уноситъ въ небытіе, на зарѣ каждая капля росы — блескъ алмаза — красоты непередаваемой, днемъ марева далекія, причудливыя видѣнія, вечера — тихіе, грустные, нѣжные, нѣжные и дали — сиреневыя, то розовыя, или огненныя передъ вѣтромъ...

На всѣхъ сельскихъ и станичныхъ кладбищахъ есть затоптанные временемъ и людьми могилы добровольцевъ.

Безъ словъ прощальныхъ, безъ имени, безъ креста хоть деревяннаго, любимыми слезами омытаго, погребены воины свершившіе подвигъ, наградой невѣнчанный...

I

ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ.

Жуть надъ городомъ; затаился уютный тихій Новочеркасскъ. Мракъ. Еле мерцаютъ фонари. Каждый день несетъ новую жуткую тревогу, а ночь: шаги патрулей, рѣзкіе выстрѣлы изъ за угловъ: „трахъ! трахъ!“... Крики. Бѣгъ, и опять: „трахъ, трахъ!“

У лазарета гудитъ авто. Въ узкую дверь еле протискиваютъ носилки, съ тѣлами людей, укрытыхъ шинелью или овчиной.

Кровь... На полу, на комьяхъ ваты, на скоробленной, прокислой овчинѣ, на пальцахъ и тамъ на искрящемся блестками снѣгу подъ Таганрогомъ, Батайскомъ, Звѣревымъ и Сулиномъ.

Кровь и мозгъ изъ разбитаго черепа. Вчера двѣнадцать мальчиковъ-юнкеровъ были найдены связанными и убитыми ударами шпалъ на полотнѣ у маленькой степной станціи. Убитъ удалой партизанъ Чернецовъ — защита, надежда и гордость Дона, убитъ подлымъ предательскимъ ударомъ.

Уходитъ отъ насъ Калединъ, чье сердце не выдержало позора Россіи и Дона...

И дерутся еще изъ послѣднихъ силъ: Кутеповъ подъ Таганрогомъ, Марковъ подъ Батайскомъ и Семилѣтовъ подъ Сулиномъ.

Затаился уютный, тихій Черкасскъ въ предсмертной тоскѣ.

Надвигалась туча багровая, словно отразившись отъ зарева безчисленныхъ пожаровъ и потоковъ невиданной крови; и грезились на фонѣ тучи багровой черныя висѣлицы съ болтающимися удавленниками, унизанныя вороньемъ, хищные волки — несмѣтной стаей, слышался шорохъ ползущихъ пресмыкающихся, а въ грохотѣ пушекъ — хохотъ бога тьмы; вѣдь можно повѣрить въ бога тьмы, видя его звѣзду на лбу

православнаго, видя загаженную церковь и замученнаго на навозной свалкѣ священника. Близился грохотъ пушекъ, сжималось сердце отъ невыносимыхъ предчувствій...

„Помогите партизанамъ! пушки гремятъ уже подъ Сулиномъ“ — гласитъ сорванное, трепещущее морознымъ вѣтромъ, воззваніе.

Все чаще и чаще стонетъ и плачетъ воздухъ напѣвами похоронныхъ маршей.

Молча, съ серьезными лицами, послѣдніе резервы на фронтъ: выздоравливающіе отъ ранъ офицеры и юноши-добровольцы, и на другой уже день везутъ ихъ назадъ: стонущими, окровавленными, или даже не ихъ, а чужое что-то, застывшее, восковое, въ замороженныхъ доскахъ.

Шагаетъ исторія, раскрывая новыя страницы героизма и трагедіи: Титаны великой войны: Корниловъ и Алексѣевъ подняли знамя борьбы за Родину.

Они пошли первыми, отдавая себя въ жертву...

Не при восторженныхъ кликахъ толпы, не въ бурѣ благодарнаго энтузіазма — тогда не такъ тяжела жертва во имя отчизны.

Нѣтъ, при улюлюканіи черни, при громовомъ молчаніи большей части въ страхѣ затаившейся интеллигенціи, среди бушующей толпы, праздной, глумливой, пьяной.

Лояльность къ новой „народной“ власти, принципъ невмѣшательства, постольку-поскольку... Офицерскій френчъ мелькаетъ въ роли ресторапнаго лакея и десятитысячная масса фронтовиковъ гранятъ бульвары и тротуары Ростова и Новочеркасска.

Глухи къ призывамъ, глухи къ голосу совѣсти.

„Помогите партизанамъ! Спасите честь родины и стараго Дона!“

„Пушки гремятъ уже подъ Сулиномъ!“

Четырнадцатилѣтній гимназистъ, увѣшанный патронами, съ трудомъ, съ забора, карабкается на высокую, худую лошадь. Уходятъ послѣдніе.

Въ палатѣ N-скаго лазарета умираетъ совсѣмъ молоденькій юнкеръ смуглый, курчавый, съ кроткими карими глазами, прозванный товарищами: „Сингапуръ“, — вѣроятно, за смуглое лицо и за блескъ жемчужныхъ зубовъ. Не спасъ его ни нѣжный уходъ дочери генерала Алексѣева — Вѣры Михайловны, ни усилія профессора.

Догорала еще одна жизнь, срѣзанная такъ дико безцѣльно, такъ рано.

Часы пробили три, но мало кто спалъ въ той палатѣ: незримый, уже прилетѣлъ Ангелъ смерти.

„Сингапуръ“ не стоналъ, только дышалъ трудно и рѣдко, отъ длинныхъ, вздрагивающихъ рѣсницъ ложилась тѣнь.

Тускло свѣтила лампа. Изъ оконъ сквозь узоры льда заструился разсвѣтъ, но не уходилъ командиръ-полковникъ,

просидѣвшій всю ночь надъ умирающимъ, прикрывая слезы кистью, облокотившейся о спинку стула, руки. Вѣра Михайловна часто выходила въ корридоръ и было слышно какъ она рыдаетъ тамъ: глухо и неутѣшно.

Онъ ушелъ отъ насъ на разсвѣтѣ мутнаго зимняго дня...

Послѣдній разъ бросаются черно-красные „Корниловцы", офицеры въ черныхъ траурныхъ погонахъ, „Чернецовцы" и Семилѣтовцы въ отчаянныя контръ-атаки.

Вереницей везутъ сосновые, небрежно сбитые, ящики.

Уже не хватаетъ для всѣхъ оркестровъ и воздухъ не плачетъ напѣвами похоронныхъ маршей. Растетъ „партизанское" кладбище за городомъ. По двадцать, тридцать штыковъ осталось въ маленькихъ отрядахъ на степныхъ станціяхъ, загородившихъ путь краснымъ бандамъ. Лица давно не бритыя, шинели промерзшія колоколомъ, а глаза грустные и смертельно утомленные.

Но молодой полковникъ Кутеповъ не сдаетъ, хоть и кажется, что спасенія нѣтъ: все сильнѣе напоръ врага, охватившаго со всѣхъ сторонъ Донскую область. Не сдаетъ и храбрѣйшій генералъ Марковъ подъ Батайскомъ и ведетъ юнкерскій баталіонъ въ ночную атаку.

Мятель бушуетъ съ невиданной силой, холодный вѣтеръ злобно воетъ въ телеграфныхъ проводахъ, заноситъ лицо сухимъ рѣжущимъ снѣгомъ. Сиротливые, запорошенные снѣгомъ стоятъ вагоны юнкерскаго баталіона, затерянные въ снѣжной степи. Выстрѣлы пушекъ глохнутъ въ этихъ дикихъ порывахъ леденого вѣтра, а вспышки лишь на секунду разрѣзаютъ мракъ...

Сжимается кольцо. Напираетъ щетина красныхъ штыковъ, нависла багровая туча. Гибель! спасенія нѣтъ! Но Лавръ Корниловъ спасаетъ армію, и двигаетъ черно-красныхъ Корниловцевъ, офицеровъ и партизанъ за Донъ, въ степные дали, въ туманную мглу неизвѣстности.

Начинается Кубанскій походъ, смерть и раны многимъ и ... слава.

Походъ къ невѣдомому пункту, въ поискахъ потерянной Родины.

II

СТЕПНАЯ ЛЕГЕНДА.

(ИЗЪ ДНЕВНИКА)

...„Февральское солнце бросало
Прощальный привѣтъ уходившимъ,
И дѣвичье сердце дрожало
Въ предчувствіи остромъ и нывшемъ.“
(Степная баллада)

Ну прощай Ростовъ! прощай, милый уютный Черкасскъ, гдѣ такъ много пережито за эти дни...

Прощай! увидимся ли?

Что за ширь, что за просторъ задонскихъ степей: на десятки верстъ вокругъ — бѣлая пелена подтаявшаго снѣга, на высокомъ берегу Дона, позади, тонутъ купола Аксая въ туманной дымкѣ. Шагъ за шагомъ, дальше и дальше къ горизонту, пугающему просторомъ въ невѣдомую даль...

Оглянуться что-ли еще разъ на Донъ — нашу колыбель, святое мѣсто первыхъ дорогихъ партизанскихъ могилокъ...

Что — это? никакъ слеза? стыдно юнкеръ...

Невесело; повсюду враги, впереди неизвѣстность, походъ, раны, страданья и смерть...

Мы — „враги народа“, хотя готовы отдать ему и Россіи всѣ помыслы, всю жизнь...

Насъ скидывали съ мостовъ въ воду, насъ рвали штыками, били прикладами, выкидывали изъ оконъ на мостовыя, насъ травятъ и убиваютъ, какъ дикихъ звѣрей, за вѣрность Родинѣ, долгу и ему — Быховскому плѣннику, но мы не сдадимся.

Выше трехъ-цвѣтное знамя!

Бодрѣе шагъ — Корниловъ впереди!

Вчера, 13-го, насъ нѣкоторыхъ юнкеровъ, приказомъ ген. Корнилова произвели въ прапорщики за отличіе въ бояхъ на Дону и, вотъ, съ нарисованной химическимъ карандашемъ звѣздочкой на погонахъ, мы почти счастливы. Молоды, веселы, всѣ вмѣстѣ и всѣ умремъ, когда понадобится. На душѣ легко.

Хомутовка, 15-го.

Рано утромъ въ хату ворвался дежурный по батареѣ, крикнулъ: „стрѣльба“ и исчезъ.

Выскочили. Пули свистятъ по дорогамъ, по улицамъ, въ обозахъ обычная паника. Красные атаковали внезапно. Батарея ушла на позицію и мы, одѣваясь на ходу, побѣжали за орудіями. „Сахаръ забыли!“ крикнулъ Х-и, „десять фунтовъ!“ — „Къ черту!“ — отвѣтили ему. Провизжала граната и гулко рванула на сосѣдней улицѣ, закудахтали куры, собаки побѣжали, поджавъ хвосты. Обозы понеслись рысью и галопомъ. Каждый обозный кричалъ: „Стой! стойте! куда вы?“ а самъ удваивалъ аллюръ.

Юнкерскій баталіонъ (Павлоны) заканчивалъ совершенно спокойно утреннюю перекличку, потомъ разсыпался въ цѣпь и двинулся въ сторону стрѣльбы...

Мартовское солнце начинаетъ грѣть все сильнѣе... Въ сапогѣ появились дыры и гвоздь, подъ рубахой ощущается посторонняя жизнь; но настроеніе недурное — все же солнце веселитъ. Грязь подсохла. На маршѣ поютъ пѣсни. Хорошо. Вотъ Ростовскій баталіонъ — изъ студентовъ, здорово шагаютъ и поютъ недавніе люди науки!

„Впередъ, впередъ смѣлѣе, пріюты наукъ опустѣли
Студенты, готовтесь въ походъ...
Такъ за отчизну, къ завѣтной цѣли
Пусть каждый съ вѣрою пойдетъ!“ ...

Сегодня въ авангардѣ съ ген. Марковымъ: мы юнкерскій баталіонъ по прозвищу „дѣти“ генерала Боровскаго и офицерскій полкъ. „Дѣти“ шалятъ и смѣются, офицеры идутъ серьезные, легко, стройно. У нихъ есть удивительный теноръ, запѣвающій на мотивъ „бѣлой акаціи“:

„Слышите дѣти, война началася,
Бросай свое дѣло, иди на войну!“

И дружно подхватываетъ сотня звонкихъ, молодыхъ голосовъ:

„Смѣло мы въ бой пойдемъ,
за Русь святую,
И какъ одинъ прольемъ,
кровь молодую“ ...

3-го Марта.

Выселки. Сегодня стрѣляли на глазахъ самого Корнилова, выскочили въ цѣпь. Заѣздъ галопомъ — какъ на смотру — номера кубаремъ съ передковъ, черезъ минуту уже: „Первое! второе!“ и наши шрапнели загудѣли, уносясь къ большевикамъ.

Вся пахоть пылилась отъ пуль, М. раненъ въ ногу, но было нипочемъ — Корниловъ съ текинскимъ конвоемъ, не слѣзая съ коней стоялъ рядомъ...

4-го Марта.

Дрались съ „желѣзной“ дивизіей Сорокина, брали станицу Кореневскую.

Жара. Это уже не тѣ банды, что мы били до сего времени легко.

Цѣлыя вереницы раненыхъ потянулись мимо батареи изъ наступающихъ цѣпей ген. Маркова. „Желѣзная дивизія“ окопалась на гребнѣ передъ станціей и за рѣчкой передъ станицей.

Правѣе клокочетъ стрѣльба, бурые, черные разрывы гранатъ и кучка не успѣвающихъ таять шрапнелей обозначаютъ фронтъ партизанъ и Корниловцевъ.

Во флангъ цѣпи офицерскаго полка выкатилъ бронепоѣздъ и бьетъ изъ всѣхъ пулеметовъ. Фигурки въ цѣпи замѣшались, быстро задвигались, и начали приближаться къ батареѣ.

Густыя цѣпи Сорокина появились на гребнѣ и хлынули за ними.

Куда бѣгутъ? Вѣдь резервовъ нѣтъ! Отступать некуда, позади въ полу-переходѣ Автономовъ съ Тихорѣцкой группой!...

„Пулеметъ на батарею!“ загремѣлъ командиръ полковникъ Міончискій, — „ѣздовые въ цѣпь!“

Ѣздовые юнкера судорожно разбирали винтовки, слюнявя и растирая запыленные затворы. Всѣ мы старались не смотрѣть другъ другу въ глаза. Только наводчики не обращали ни на что вниманія; напряженные, пропитанные вонью отъ стрѣляныхъ гильзъ, пылью и потомъ, обалдѣвшіе отъ усталости и непрерывнаго грохота выстрѣловъ и разрывовъ, они ловятъ въ перекрестіе панорамы „самую густоту“ быстро надвигающихся цѣпей и, поймавъ ее, быстро откидываются, дергая шнуръ; пушки подпрыгиваютъ и плавно накатываются.

Ближе, ближе... чаще, чаще команды, меньше прицѣлы. Сухо во рту, кажется не выдержатъ нервы...

Ура! не вынесли нашихъ бѣлыхъ облачковъ, раздвигаются фигурки, низко пригибаясь, остановились... бѣгутъ... ура!...

Забылъ, какъ надо ѣсть вилкой и ножомъ, спать на простынѣ... Тяжело. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ деремся каждый Божій день, шинель на груди сожгло газомъ отъ разорвавшейся гильзы, грязь съ лица не соскоблить и топоромъ, руки... что ужъ руки. Бѣлья уже нѣтъ, волосы какъ у діакона, но это все пустяки — скверно то, что обозъ раненыхъ переросъ число бойцовъ, а снарядовъ и патроновъ ой какъ мало, скоро конецъ, видно не для насъ эта весна, эта жизнь, красота, любовь... лежимъ и лежимъ на мѣстности ровной, какъ скатерть, подъ ураганнымъ огнемъ у рѣдко дымящихся пулеметныхъ стволовъ, у рѣдко подпрыгивающихъ пушекъ — бережемъ патроны. Лежимъ, обдаваемые ѣдкимъ, пыльнымъ запахомъ, рвущихся гранатъ, хлещущей землю шрапнелью...

Стонутъ раненые и, иногда, тутъ-же умираютъ, и нѣжный, ласковый, говорящій о жизни, о веснѣ вѣтеръ, колышетъ волосы ихъ и смерть не страшна своей близостью.

Тьфу! чуть не наступилъ на размягшій трупъ лошади, ударило запахомъ падали. Вотъ топотъ конскій позади: генералъ Корниловъ со штабомъ и текинцами подъ трехъ-цвѣтнымъ флагомъ.

„Здорово молодцы!“

„Здравія желаемъ! Урааа“... кричатъ звонкіе голоса и нѣтъ ни мрачнаго настроенія, ни усталости.

18 марта.

Прошелъ дождь, потомъ снѣгъ, вѣтеръ. Чуть не замерзли въ затопленной степи. Уже ночью брали станицу Ново-Димитріевскую, по грудь переправляясь въ ледяной водѣ. Бррръ...

На утро оттепель, въ станицѣ грязь по поясъ, торчатъ руки и ноги убитыхъ во вчерашнемъ бою. Вечеромъ игралъ оркестръ Корниловскаго полка и пѣлъ хоръ:

„За Россію и свободу,
если позовутъ,
То Корниловцы и въ воду
и въ огонь пойдутъ“...

Аккомпанементъ былъ оригинальный: то тутъ, то тамъ взметались фонтаны дыма и земли оглушительно крякали гранаты.

Красные весь день и вечеръ крыли по станицѣ.

Афипская... Екатеринодаръ — битва три дня и три ночи. Смерть нашего вождя... Смерть Корнилова... Отходъ въ мракъ мягкой весенней ночи безъ Корнилова, позади свѣтовое зарево Екатеринодара. Генералъ Деникинъ ведетъ Армію.

Потерялъ шинель въ послѣднемъ бою и страшно мерзну по ночамъ, а переходы все ночные.

---

12 апрѣля.

Ура! Донцы возстали. Мы скачемъ прямо на сѣверъ, опять милое Задонье: Егорлыкъ, Мечетка, Кагальникъ, Ольгинская, а тамъ и Новочеркасскъ. Душа ликуетъ; и въ топотѣ конницы, и въ скрипѣ сотенъ телѣгъ, и въ звонѣ телеграфной проволоки — одна и та же пѣсня:

„Всколыхнулся, взволновался
Православный, тихій Донъ"...

Вотъ опять стучитъ пулеметъ и какія то расплывчатыя фигуры плаваютъ на горизонтѣ въ степномъ маревѣ.

„Батарея впередъ!" — кричитъ прискакавшій отъ ген. Маркова развѣдчикъ.

Сердце сладко екнуло. Грохочутъ колеса, земля дрожитъ отъ топота мощныхъ запряжекъ, взвизгнула граната и обдала комьями мягкой весенней земли артиллеристовъ. Пахнуло тротиломъ.

„Галопомъ маршъ!" Вѣтеръ такъ свиститъ на галопѣ, что не слышно ни пуль, ни осколковъ.

Впереди, за бѣлыми фуражками Офицерскаго полка, черный значекъ Генерала Маркова... Впередъ!

III

КРЕСТЪ на КУБАНИ.

...„Выйти изъ мрака постылаго
Къ зорямъ борьбы за народъ,
Слышите: сердце Корнилова
Въ колоколъ огненный бьетъ"...

Иванъ САВИНЪ.

Во мракѣ кроваваго революціоннаго хаоса, какъ спасительный маякъ, появилась яркая, свѣтящаяся точка — личность генерала Корнилова, отразившая, словно въ фокусѣ лучей, мысли и порывы тѣхъ русскихъ людей, кто не промѣнялъ Родину ни на Революцію, ни на „шкуру".

Принявъ революцію, какъ неизбѣжное и неотвратимое, генералъ Корниловъ, діаметрально противоположно россійскому „диктатору" Керенскому, бѣжавшему въ женской юбкѣ, погибъ какъ часовой на посту въ пламени революціоннаго пожара, до послѣдней минуты призывая русскихъ людей на кровавый, тернистый путь чести и славы, путь служенія Родинѣ.

„Идея Корнилова", освященная его кровью, начертанная на знаменахъ Русской Арміи, выжженная въ сердцахъ на-

тріотовъ, оказалась незыблемой и нерасшатанной ни трехлѣтней боевой страдой, ни голодомъ Галлиполи, ни подъ ударами и травлей политическихъ партій, ни подъ гнетомъ безысходнаго бѣженскаго труда.

Все такъ-же, хоть и на чужой землѣ, рѣетъ трехцвѣтное знамя, поднятое генераломъ Корниловымъ въ 17-году и нѣтъ на свѣтѣ силы, способной повалить это знамя, какъ и затушить искру пламенную — идею борбы за Родину, зароненную Лавромъ Корниловымъ во многія души. Нѣтъ, ни повалить, ни затушить, хоть и силенъ врагъ и не только на фронтѣ. Врагъ повсюду и явный, и тайный: въ тылу, въ Россіи, заграницей: всѣ шипѣли, свистали и улюлюкали и — почти одинокъ былъ корниловскій офицеръ и солдатъ...

„Бѣлые генералы! черносотенцы! реставраторы!“ кричалъ наигранымъ голосомъ россійскій обыватель въ порывѣ обычнаго своего политическаго мѣщанства.

„Республиканцы, за „учредилку“... цѣдили сквозь зубы въ правыхъ кругахъ, „необходимо воздержаться отъ участія въ борьбѣ, ибо вѣрные люди понадобятся законному Монарху“.

„Палачи! въ странѣ нагайки и черной сотни!“ рычали эсъ-эры и большевики.

Въ Арміи Корнилова, какъ въ Сѣчи Запорожской, не спрашивали: „како вѣруешь“, — надо было только любить Россію и вѣрить въ нее нерушимо, а кто ты, монархистъ, республиканецъ, кадетъ или демократъ — не все ли равно?

Да и до политическихъ ли партій, до споровъ ли, когда идутъ умирать?

Вотъ потому и сверкнулъ Корниловскій походъ блескомъ удивительныхъ подвиговъ, потому то и гремѣлъ преображенскій маршъ на площади Курска и Орла, потому и крѣпка по сей часъ Русская Армія въ протовоположность эмиграціи, разбившейся на мелкія, взаимно ненавидящія, кучки, травящія другъ друга въ вѣчной политической склокѣ.

Подъ черно-краснымъ знаменемъ Корниловскихъ полковъ шли рядомъ: монархистъ и республиканецъ и вѣрили другъ другу, не споря о политикѣ и безразлично было для общаго дѣла — борьбы съ интернаціоналомъ, что думалъ каждый изъ нихъ о Корниловской черно-красной эмблемѣ.

Пусть утѣшалъ себя республиканецъ цвѣтомъ „земли и воли“ или „смертью за свободу“, пусть монархистъ видѣлъ въ этихъ-же цвѣтахъ „смерть — свободѣ“ (революціонной) — не все ли равно, вѣдь, впереди, передъ черно-красной эмблемой, рѣяло трехъ-цвѣтное, избитое пулями, знамя и несъ его національный герой — генералъ Корниловъ. За нимъ шли всѣ безоговорочно на смерть и каждый любилъ его по своему.

Солдатъ фронтовикъ видѣлъ въ немъ „отца-командира“, которому можно беззаботно ввѣрить жизнь, текинецъ-наѣздникъ обожалъ его, какъ сверхъ-естественнаго героя — бога

войны, прапорщикъ изъ сельскихъ учителей и семинаристовъ искалъ въ немъ защитника свободы въ хорошемъ смыслѣ этого слова, борца за благо народа.

Монархистъ видѣлъ въ Корниловѣ непримиримаго противника тлетворныхъ разрушеній соціализма, защитника Святой Руси, хранителя ея историческаго пути отъ покушеній лжедемократовъ всѣхъ породъ и толковъ.

Наконецъ всѣ члены армейской семьи: отъ генераловъ Маркова, Деникина и Богаевскаго, отъ знаменщика I-го Ударнаго Корниловскаго полка, имѣвшаго многочисленныя нашивки — за раны и глаза, отравленные газомъ за синими очками, до мальчика партизана и бѣжавшей изъ дома гимназистки, до лихихъ солдатъ-ударниковъ съ германскаго фронта и черкесовъ съ предгорій — всѣ видѣли въ генералѣ Корниловѣ героя, рыцаря безъ страха смерти, гордость Россіи...

Народъ — массы смотрѣли иначе: въ минуты безумнаго ослѣпленія народъ повѣрилъ своимъ змѣинымъ, исконнымъ врагамъ, отдалъ тѣло Родины своей подъ ножъ ритуальный, душу на оскверненіе и оплеваніе, а друзей бросилъ на Голгоѳу страданій и смерти.

И спятъ въ землѣ сырой борцы за Родину, убитые своимъ-же народомъ.

Прошли года битвъ, пройдутъ года изгнанія и мукъ тоски безысходной, рано или поздно насъ, Корниловцевъ позоветъ истерзанная, проданная и преданная Родина.

Крестъ на мѣстѣ смерти Лавра Георгіевича Корнилова на Кубани, снесенный врагами, будетъ поставленъ вновь, а память о подвигѣ и смерти его за Россію будетъ чтиться изъ года въ годъ. Сквозь туманъ будущаго вижу далекую Родину, даль сиреневую степей на зарѣ, Кубань — синюю ленту и Крестъ, озаренный сіяніемъ на ея берегу, крестъ на мѣстѣ пролитой священной крови перваго русскаго солдата и патріота, Лавра Корнилова.

Викторъ *ЛАРІОНОВЪ.*

г. Гельсингфорсъ.

Борьба за возрожденіе Россіи.

„Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжко его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.“

Профессоръ-Академикъ В О. КЛЮЧЕВСКІЙ.

Съ захватомъ власти большевиками въ октябрѣ 1917 года, даже для самыхъ неисправимыхъ оптимистовъ, стало ясно, что Россія катится въ бездну по наклонной плоскости.

Къ вакханаліи, созданной революціей и приведшей къ полному разложенію арміи и къ смутѣ въ странѣ, прибавился новый ужасъ — захватъ центральной государственной власти шайкой интернаціональныхъ негодяевъ. Нависла угроза надъ самимъ бытіемъ Россіи — какъ великой и національной Державы.

На мрачномъ фонѣ общей растерянности и разрухи, въ ноябрѣ 1917 года, съ Дона прозвучалъ призывъ о необходимости начать вооруженную борьбу съ разрушителями русской государственности. Генералы Алексѣевъ и Корниловъ рѣшили сформировать добровольческую армію для спасенія Россіи, а Донской атаманъ генералъ Калединъ задался цѣлью установить порядокъ на Дону, поднять его противъ большевиковъ и создать для Добровольческой арміи прочную исходную базу.

На призывъ русскихъ патріотовъ и военныхъ вождей, пользовавшихся громаднымъ авторитетомъ и всеобщимъ уваженіемъ, начали стекаться на Донъ со всѣхъ концовъ .Россіи офицеры, юнкера, кадеты, воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній и честные русскіе граждане, желавшіе помочь работѣ по спасенію своего отечества; прибывало нѣкоторое, хотя и незначительное, число простыхъ солдатъ не забывшихъ свой долгъ передъ Родиной.

Началось формированіе Добровольческой арміи и одновременно началась и борьба съ большевиками, рѣшившими раздавить народившееся „контръ-революціонное гнѣздо“.

Пробираться на Донъ стало труднымъ уже съ декабря 1917 года и сформированная маленькая Добровольческая армія, буквально истекая кровью и очень слабо пополняемая, героически отбивалась въ окрестностяхъ Новочеркасска и Ростова отъ большевиковъ, насѣдавшихъ на нее со всѣхъ сторонъ. Донъ окончательно развалился и армія принуждена

была, въ февралѣ 1918 года, двинуться на Кубань, гдѣ, какъ разсчитывали генералы Алексѣевъ и Корниловъ, предполагалось усилиться Кубанскими казаками и получить новую базу для борьбы съ большевиками. Но и эта надежда рухнула и, потерявъ генерала Корнилова, своего героя-вождя сраженнаго русскимъ снарядомъ 31 марта 1918 года на берегу Кубани, остатки Добровольческой арміи были отведены генераломъ Деникинымъ обратно на Донъ...

Неудачно закончился первый періодъ борьбы съ большевиками, но эта эпическая борьба явилась первымъ проявленіемъ совѣсти и чести русскаго народа, одурманеннаго ложными лозунгами большевиковъ и начавшаго разрушать свою Родину. Толчекъ данный первыми добровольцами нашелъ откликъ въ другихъ раіонахъ Россіи и вновь разгорѣлась борьба съ большевиками на югѣ Россіи, въ Сибири, въ Архангельскомъ раіонѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ теченіе вооруженной борьбы съ большевиками, продолжавшейся до ноября 1920 года, было нѣсколько періодовъ когда казалось, что близокъ моментъ паденія совѣтской власти. Но русскій народъ въ своей массѣ еще не изжилъ большевизма и интернаціоналъ, руководя одурманенной рабочей и крестьянской массой и терроризируя непокорныхъ, а также, найдя поддержку противъ „бѣлаго“ движенія въ соціалистахъ, одержалъ побѣду. Вооруженную борьбу пришлось прекратить и всему противобольшевицкому покинуть Родину...

Для слабыхъ духомъ представилось, что все погибло. Но это не такъ; не можетъ быть такого эпилога для драмы, переживаемой великимъ русскимъ народомъ!

Русское воинство и честная русская эмиграція, выброшенная за предѣлы своей Родины, съ каждымъ днемъ очищаются, крѣпнутъ, учатся, сплачиваются около Церкви православной и готовятся отдать свои силы на служеніе Россіи. Всѣ вѣсти идущія съ Родины опредѣленно показываютъ, что въ русскомъ народѣ просыпается совѣсть и онъ, вернувшись къ Вѣрѣ Православной, готовится на смертный бой съ захватчиками власти и ихъ приспѣшниками коммунистами.

Ужъ слышится дальній благовѣстъ пасхальныхъ колоколовъ и все чаще и громче произносится Имя Того — Кому, очищенный своими страданіями, русскій народъ поручитъ вывести его на временно покинутую имъ историческую дорогу.

Вѣримъ, что близокъ часъ когда Верховный Вождь, въ полномъ единеніи съ Церковью Православной и Русскимъ народомъ возродитъ поруганную Святую Русь.

А. ЛУКОМСКІЙ.

25 декабря 1925 г.
Парижъ.

Атака Екатеринодара
и
смерть Корнилова.

(Изъ воспоминаній участника 1-го Кубанскаго похода).

Приближается годовщина смерти незабвеннаго героя перваго Кубанскаго похода, а все еще нѣтъ полной и достовѣрной его исторіи. Походъ, съ которымъ по трудности обстановки можетъ сравниться только походъ 10.000 грековъ по Малой Азіи, все еще ждетъ своего Ксенофонта. Въ надеждѣ, что они облегчатъ трудъ будущаго историка, я хочу подѣлиться своими воспоминаніями о памятныхъ событіяхъ, очевидцемъ и участникомъ которыхъ меня сдѣлала судьба.

Послѣ соединенія арміи Корнилова съ войсками Кубанскаго правительства у Ново-Дмитріевской и Калужской, наши силы были признаны достаточными для овладѣнія Екатеринодаромъ. Съ цѣлью, насколько возможно, обезпечить нашъ тылъ на время переправы черезъ Кубань, были даны бои: у Григорьевской, Смоленской и Георгіе-Афипской.

26-го Марта 1918 г. армія сосредоточилась къ аулу Панахесъ и, въ тотъ же день начала переправу противъ ст. Елисаветинской. На захваченномъ нашей конницей, не испорченномъ большевиками паромѣ переправлялись: артиллерія, обозы и конныя части, пѣхота переправлялась на лодкахъ. На переправу всей арміи съ обозами требовалось около трехъ дней.

По принятому въ походѣ порядку, весь обозъ двигался между двумя нашими пѣхотными бригадами, которыя чередовались по днямъ, двигаясь то въ головѣ то въ хвостѣ всей колоны. На этотъ разъ въ головѣ шла 2-ая бригада ген. Богаевскаго (Корниловскій и Партизанскій полки) — она и начала переправу.

1-ая бригада генерала Маркова (Офицерскій и Кубанскій стрѣлковые полки) должна была ожидать на лѣвомъ берегу Кубани окончанія переправы всѣхъ обозовъ.

Изъ бригады генерала Богаевскаго первымъ переправился Корниловскій полкъ, а Партизанскій, которымъ я въ то время командовалъ, закончилъ переправу уже въ темнотѣ. Корниловцы выставили сторожевое охраненіе, широкимъ полукругомъ охватывая восточную и сѣверную окраины станицы Елисаветинской и упираясь правымъ флангомъ въ Кубань.

---

27 марта.

Съ утра 27 марта большевики перешли въ наступленіе со стороны Екатеринодара и начали тѣснить наше сторожевое охраненіе, стараясь охватить его лѣвый флангъ.

Поддерживая свое сторожевое охраненіе Корниловскій полкъ постепенно расходовалъ свои резервы, но большевики продолжали насѣдать. Около 3 часовъ дня я получилъ приказаніе ген. Богаевскаго отбросить противника.

Полкъ заблаговременно былъ подтянутъ къ восточной окраинѣ станицы и въ полной готовности ожидалъ этого приказанія. Партизаны густыми цѣпями въ три линіи, подъ прикрытіемъ пулеметнаго и рѣдкаго артиллерійскаго огня, безъ выстрѣла двинулись въ атаку по обѣ стороны большой дороги изъ Елисаветинской въ Екатеринодаръ. Главный ударъ я направилъ на кирпичный заводъ, расположенный на высокомъ берегу Кубани и господствующій надъ окружающей мѣстностью.

Большевики не выдержали стремительной атаки партизанъ и въ безпорядкѣ бѣжали къ фермѣ Екатеринодарскаго сельско-хозяйственнаго общества. Поспѣшность ихъ отступленія увеличилась тѣмъ, что части пытавшія охватить съ сѣвера расположеніе Корниловцевъ, теперь сами боялись быть отрѣзанными отъ Екатеринодара. Съ бугровъ, впереди взятаго нами завода, куда ко мнѣ подъѣхали ген. Богаевскій и командиръ Корниловскаго полка полковникъ Нѣжинцевъ, было видно, какъ орудія большевиковъ и линейки съ пулеметами отъѣзжали отъ фермы по направленію къ Екатеринодару.

Существуетъ мнѣніе, что намъ въ тотъ же день, слѣдовало атаковать наличными силами Екатеринодаръ, но при этомъ упускаютъ изъ виду, что все это происходило во второй половинѣ дня, что до Екатеринодара было еще далеко и что въ сборѣ былъ одинъ только Партизанскій полкъ (800 штыковъ), а Корниловскій занималъ очень растянутое расположеніе и на сборъ его потребовалось бы не мало времени.

Во всякомъ случаѣ, легкость, съ которой партизаны отбросили большевиковъ, произвела большое впечатлѣніе на зрителей и, повидимому, докладъ кого нибудь изъ нихъ повліялъ на рѣшеніе Корнилова атаковать не ожидая переправы бригады ген. Маркова, рѣшеніе имѣвшее роковое вліяніе на исходъ всей операціи.

Уѣзжая въ ст. Елисаветинскую, ген. Богаевскій сказалъ мнѣ, что атака Екатеринодара предполагается по окончаніи переправы всей арміи и предоставилъ моему усмотрѣнію: оставить ли весь полкъ на ночь на взятыхъ позиціяхъ или отвести его на ночлегъ въ станицу, оставивъ на линіи кирпичнаго завода сторожевое охраненіе.

Я предпочелъ, послѣднее, зная, что переправа не можетъ закончиться раньше вечера слѣдующаго дня и не желая лишать людей удобнаго ночлега и ожидавшаго ихъ ужина.

Отведя полкъ съ наступленіемъ темноты въ Елисаветинскую, я получилъ приказъ по арміи, въ которомъ подтверждалось сказанное мнѣ генераломъ Богаевскимъ, т. е. 28 марта 2-ая бригада должна была оставаться на занимаемыхъ мѣстахъ, а остальныя части — продолжать переправу.

Корниловскій полкъ, оставшійся послѣ моего выдвиженія впередъ на второй линіи, былъ также собранъ и отведенъ въ станицу.

28-го марта.

Въ 2 часа ночи, я совершенно неожиданно получилъ новый приказъ, согласно котораго бригада генерала Богаевскаго должна была атаковать Екатеринодаръ 28 марта, не ожидая переправы остальныхъ частей. Во исполненіе этого приказа генералъ Богаевскій предписалъ: Партизанскому полку атаковать западную часть города, а Корниловскому наступая лѣвѣе его, Черноморскій вокзалъ; пластунскій баталіонъ полковника Улагая составилъ резервъ бригады.

По прочтеніи приказа первымъ моимъ побужденіемъ было идти къ генералу Богаевскому и просить его добиться отмѣны этого распоряженія: я былъ увѣренъ, что силъ бригады недостаточно для овладѣнія городомъ и преждевременная атака поведетъ къ тому, что наши безъ того небольшія силы будутъ введены въ дѣло по частямъ и, вмѣсто планомѣрной атаки получатся разрозненныя дѣйствія отдѣльныхъ частей. Поспѣшная атака не давала намъ и выгодъ внезапности: мы уже достаточно обнаружили наши намѣренія. Въ поспѣшномъ отступленіи большевиковъ я не видѣлъ ничего особеннаго: мнѣ ни разу не приходилось видѣть, чтобы не только большевики, а и всякій другой противникъ выдерживалъ, въ открытомъ полѣ штыковую атаку, предпринятую съ дѣйствительной рѣшимостью довести ее до конца, а тѣмъ болѣе атаку добровольцевъ Корниловскаго похода. Зато густыя массы отступающаго противника позволяли судить о его подавляющемъ численномъ превосходствѣ, и нельзя было быть увѣреннымъ, что въ наступленіи на Елисаветинскую принимаетъ участіе весь гарнизонъ Екатеринодара. Однако, подумавъ, я понялъ, что въ 2 часа ночи мнѣ едва ли удастся добиться отмѣны приказа, выйдетъ только потеря времени, а его и безъ того осталось немного до разсвѣта. Я сдѣлалъ свои распоряженія для предстоящаго наступленія.

Свой 2-й баталіонъ я направилъ правѣе большой дороги на ферму, одну изъ сотенъ 1-го баталіона развернулъ лѣвѣе (сѣвернѣе) дороги, двѣ остальныхъ сотни этого ба-

тальона оставилъ въ своемъ резервѣ за центромъ боевого порядка.

Когда я началъ уже наступленіе ко мнѣ подъѣхалъ генералъ Богаевскій и сказалъ, что по непонятному недоразумѣнію, Корниловскій полкъ не получилъ своевременно приказа и запоздалъ наступленіемъ, поэтому онъ совѣтуетъ мнѣ пріостановить наступленіе до выхода Корниловцевъ на одну линію со мной.

Я отвѣтилъ, что остановка поведетъ къ напраснымъ потерямъ и ослабитъ порывъ, а потому я возьму ферму и хутора, расположенные лѣвѣе дороги, и на этой линіи выжду подхода Корниловцевъ.

Послѣ ожесточеннаго боя была взята ферма, хутора заняты легко.

Около полудня большевики, подведя резервы изъ Екатеринодара, подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, перешли въ наступленіе всей линіей, стараясь охватить мой лѣвый флангъ. Корниловскій полкъ все еще не подошелъ.

Введя въ дѣло свой резервъ, мнѣ удалось удержаться на хуторахъ сѣвернѣе дороги, несмотря на то, что одинъ изъ нашихъ пулеметовъ былъ подбитъ снарядомъ. При этомъ раненъ двумя пулями рядомъ со мной командиръ 2-й сотни подъесаулъ Лазаревъ. На фермѣ дѣло обстояло хуже: послѣ упорнаго боя мой второй баталіонъ былъ вынужденъ оставить ферму, послѣ того какъ былъ смертельно раненъ его командиръ. Генералъ Богаевскій двинулъ на поддержку моего праваго фланга пластуновъ полковника Улагая. Ферма была снова взята, но при этомъ раненъ и выбылъ изъ строя доблестный полковникъ Улагай.

Осмотрѣвъ расположеніе нашихъ частей на фермѣ, я объединилъ командованіе 2-мъ баталіономъ Партизанскаго полка и баталіономъ Улагая въ рукахъ моего помощника полковника Писарева (оба баталіонныхъ командира выбыли изъ строя) и приказалъ ему продолжать наступленіе на предмѣстье Екатеринодара „Кирпичные и Кожевенные заводы“. Доложивъ отданныя мною распоряженія подъѣхавшему ко мнѣ генералу Богаевскому, я поѣхалъ къ своему 1-му батальону, наступавшему сѣвернѣе Елисаветинской дороги. Въ это время къ фермѣ подошелъ, успѣвшій переправиться баталіонъ Кубанскаго полка, что окончательно успокоило меня за участокъ полковника Писарева.

На большой дорогѣ я встрѣтилъ командира Корниловскаго полка полковника Нѣжинцева. Не знаю, по собственной ли инціативѣ или по приказанію генерала Богаевскаго, но Корниловскій полкъ развернулся не лѣвѣе Партизанскаго, какъ было предусмотрѣно приказомъ, а въ затылокъ моему первому баталіону, примыкая правымъ флангомъ къ Елисаветинской дорогѣ.

Такимъ образомъ, при дальнѣйшемъ наступленіи, пра-

вофланговыя роты Корниловцевъ перемѣшались съ моими сотнями.

Смѣшавшись, мы вмѣстѣ съ Нѣжинцевымъ пошли по направленію на Екатеринодаръ, уславливаясь о дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Желая имѣть болѣе широкій кругозоръ, мы направились къ кургану, расположенному близъ развѣтвленія дорогъ на станицы Мышастовскую и Елизаветинскую. Здѣсь я получилъ донесеніе полковника Писарева, что при поддержкѣ баталіона Кубанскаго стрѣлковаго полка занялъ „Кирпичные и Кожевенные заводы" и остановился въ виду артиллерійскихъ казармъ, гдѣ прочно засѣли большевики. Я хотѣлъ снять свой 1-й баталіонъ съ участка Корниловскаго полка и вести его на поддержку полковника Писарева, но Нѣжинцевъ просилъ меня не ослаблять его растянутаго расположенія.

Стоя на вершинѣ кургана и разсматривая въ трубу расположеніе большевиковъ по окраинѣ Екатеринодара, я почувствовалъ сильный ударъ въ лѣвое плечо. Нѣтъ ли у кого нибудь перевязочнаго пакета? Пакетъ нашелся, но имъ перевязали раненаго одновременно со мной корниловца. Я повторилъ свою просьбу. „Да для кого вамъ нуженъ пакетъ? Мы уже перевязали раненаго", спросилъ меня Нѣжинцевъ. „Для себя". Тогда дали еще пакетъ и бывшій при мнѣ полковой адъютантъ ротмистръ Яновскій сдѣлалъ мнѣ перевязку. Попавъ спереди въ плечо, пуля пробила лопаточную кость и вышла изъ спины. Вслѣдствіе сильной боли и большой потери крови, я не былъ увѣренъ, что буду на другой день въ состояніи командовать полкомъ, а потому просилъ Нѣжинцева принять пока подъ свое начальство мой 1-й баталіонъ, а въ теченіе ночи смѣнить его и направить на присоединеніе къ остальной части полка въ „Кожевенные заводы", гдѣ предвидѣлся упорный бой за обладаніе артиллерійскими казармами. Самъ я направился туда-же съ намѣреніемъ, если окончательно ослабѣю, передать командованіе полкомъ полковнику Писареву. Между тѣмъ окончательно стемнѣло, и было очевидно, что войска заночуютъ въ занимаемомъ расположеніи.

Писарева я нашелъ въ одномъ изъ домовъ предмѣстья ближайшихъ къ артиллерійскимъ казармамъ. Онъ доложилъ мнѣ о положеніи дѣлъ: наши части дошли до ручья, протекающаго между предмѣстьемъ и казармами, но дальше продвинутся подъ сильнымъ огнемъ не могли; большевики были хорошо укрыты за земляным валомъ окружавшимъ казармы. Наша попытка взять казармы подъ покровомъ темноты тоже успѣха не имѣла; было ясно, что казармъ безъ артиллерійской подготовки не взять.

Домъ, въ которомъ мы остановились, принадлежалъ офицеру нашей арміи, о судьбѣ котораго семья ничего не знала. Къ сожалѣнію и изъ насъ никто не могъ дать о немъ

свѣдѣній. Уже въ августѣ, по взятіи Екатеринодара я узналъ что онъ благополучно прибылъ къ семьѣ.

Приняли насъ очень радушно, угощали всѣмъ что было въ домѣ лучшаго. Я послалъ и Нѣжинцеву, готовившемуся ночевать у кургана, хлѣба, яицъ и молока.

29-го марта.

Утромъ 29 марта нашъ случайный снарядъ, удачно попавшій въ насыпь, окружавшую казармы, заставилъ большевиковъ поколебаться; это вызвало съ нашей стороны новую попытку атаковать казармы. Дружно поднялись партизаны и стрѣлки, но большевики быстро оправились и встрѣтили насъ губительнымъ огнемъ. Выбѣжавшій впередъ полк. Писаревъ упалъ, какъ подкошенный. Въ первую минуту я думалъ, что онъ убитъ, но, подбѣжавъ къ нему, убѣдился, что онъ раненъ въ ногу. Это заставило меня оставить мысль о сдачѣ полка, тѣмъ болѣе, что, послѣ спокойно проведенной ночи и новой перевязки, сдѣланной мнѣ фельдшеромъ Кубанскаго стр. полка, боль въ плечѣ стала гораздо слабѣе.

Послѣ этой атаки я донесъ ген. Богаевскому, что казармъ безъ спеціальной артиллерійской подготовки взять нельзя, а между тѣмъ взять ихъ необходимо, такъ какъ большевики, сдерживая насъ съ фронта, изъ тѣхъ же казармъ обстрѣливаютъ участокъ Нѣжинцева фланговымъ огнемъ и не даютъ ему продвинуться впередъ. Для точнаго указанія цѣлей я просилъ прислать ко мнѣ артиллерійскаго наблюдателя.

Когда прибылъ офицеръ артиллеристъ, я показалъ задерживающій насъ валикъ и приказалъ ему выбрать наблюдательный пунктъ. Задержка предвидѣлась изъ за телефоннаго провода, а потому я назначилъ атаку на 15 часовъ, когда, по нашимъ расчетамъ, у артиллеристовъ все должно быть готово.

Между тѣмъ стали подходить остальныя части 1-ой бригады (баталіонъ Кубанскаго стр. полка, какъ сказано, принималъ уже участіе во взятіи предмѣстій). Около 1 ч. дня прибылъ и самъ ген. Марковъ со своимъ штабомъ. Отъ него я узналъ, что на его бригаду возложено взятіе арт. казармъ и дальнѣйшее наступленіе до Сѣнной площади. Въ то же время бригада ген. Богаевскаго должна была, наступая лѣвѣе (сѣвернѣе), дойти до городского кладбища.

На указанной линіи обѣ бригады должны были пріостановиться и ждать дальнѣйшихъ приказаній. Начало атаки было назначено на 5 час. дня.

Въ виду этихъ измѣненій въ первоначальномъ планѣ я передалъ ген. Маркову командованіе участкомъ, разсказалъ ему обстановку и условился съ нимъ, что, по смѣнѣ моего

2-го баталіона Офицерскимъ полкомъ, перейду съ нимъ на участокъ 2-ой бригады.

Артиллерійскій огонь большевиковъ по предмѣстью все усиливался, во многихъ мѣстахъ возникли пожары.

При такихъ условіяхъ передвиженіе частей 1-ой бригады не могли быть быстрыми: приходилось пробираться по дворамъ черезъ проломы въ заборахъ. Смѣна моего баталіона затянулась на продолжительное время. Когда она наконецъ закончилась, оказалось, что отъ баталіона осталось около 150 бойцовъ. Проведя ихъ, насколько возможно укрыто, по предмѣстью, я вывелъ ихъ на Елисаветинскую дорогу и расположилъ въ складкѣ мѣстности за правымъ флангомъ Корниловскаго полка, занимавшаго свое прежнее расположеніе, въ перемежку съ сотнями моего 1-го баталіона.

Самъ я съ четырьмя офицерами и однимъ добровольцемъ пошелъ на курганъ, гдѣ наканунѣ оставилъ Нѣжинцева. Изъ моихъ спутниковъ два офицера были ранены по дорогѣ на курганъ, а третій — подъесаулъ Дьяковъ на самомъ курганѣ.

По дорогѣ къ кургану я увидѣлъ цѣпь двухъ сотенъ казаковъ ст. Елисаветинской, только что присоединившихся къ арміи и назначенныхъ на укомплектованіе Корниловскаго полка. Нѣжинцевъ потребовалъ ихъ для усиленія своей первой линіи, но попавъ подъ сильный огонь, они залегли и не двигались дальше.

Поднявъ ихъ крикомъ впередъ: „впередъ Елисаветинцы“! я довелъ ихъ до кургана; подбодренные здѣсь Нѣжинцевымъ, они пошли и дальше и влились въ цѣпь корниловцевъ, лежавшую впереди кургана по берегу ручья, пересѣкающаго Мышастовскую дорогу и огибающаго съ запада арт. казармы, отдѣляя ихъ отъ предмѣстья. Это тотъ же ручей, на берегу котораго, какъ сказано выше, остановилось наступленіе полковника Писарева.

Сообщивъ Нѣжинцеву, что я привелъ свой 2-ой баталіонъ, которымъ и поддержу его въ случаѣ надобности, я сказалъ ему: „отчего Вы не перемѣнили мѣсто? Что Вамъ за охота сидѣть сутки на этомъ проклятомъ курганѣ? Сколько Вы здѣсь уже потеряли людей! Здѣсь быть убитымъ только вопросъ времени“. Нѣжинцевъ отвѣтилъ, что отсюда лучшій кругозоръ, и что за ночь они окопались; однако, легкіе окопы давали очень слабое прикрытіе, большевики пристрѣлялись совершенно точно по кургану, на его вершинѣ и по сторонамъ ежеминутно рвались гранаты, выводя изъ строя людей; во время нашего разговора съ Нѣжинцевымъ одинъ изъ ординарцевъ корниловцевъ былъ буквально разорванъ на куски, такъ что долго не могли опредѣлить, кто именно погибъ — пришлось провѣрять уцѣлѣвшихъ.

Ружейный и пулеметный огонь по кургану тоже не прекращался, а при малѣйшемъ движеніи на немъ доходилъ

до крайняго напряженія. Несмотря на подобную обстановку, храбрый Нѣжинцевъ со своимъ штабомъ сидѣлъ на курганѣ уже цѣлыя сутки, и умереть ему было суждено черезъ нѣсколько минутъ не здѣсь.

Между тѣмъ прибылъ ординарецъ генерала Маркова и доложилъ, что имъ только что взяты артиллерійскія казармы*), и что генералъ проситъ насъ продолжать наступленіе въ связи съ его бригадой, которая готовится проникнуть въ городъ. Нѣжинцевъ послалъ приказаніе своей цѣпи наступать. Цѣпь поднялась, но сейчасъ же снова залегла, будучи не въ силахъ подняться изъ оврага по дну котораго протекалъ упомянутый выше ручей. Тогда Нѣжинцевъ самъ пошелъ поднимать цѣпь и скрылся въ оврагѣ.

Не видя впереди никакого движенія, я рѣшилъ, что настало время двинуть мой 2-ой батальонъ, составлявшій послѣдній резервъ на этомъ участкѣ. Пославъ соотвѣтствующее приказаніе съ послѣднимъ, оставшимся при мнѣ, ординарцемъ, я, какъ только баталіонъ поравнялся съ курганомъ, сталъ во главѣ его и быстро повелъ къ оврагу. Противникъ встрѣтилъ насъ бѣшенымъ пулеметнымъ огнемъ, но, по счастливой случайности, прицѣлъ былъ высокъ: заходящее солнце свѣтило въ глаза большевикамъ, всѣ пули летѣли черезъ наши головы, что очень ободрило людей. На днѣ оврага я увидѣлъ старыхъ знакомыхъ Елисаветинцевъ. „Здѣсь лежитъ тѣло убитаго командира Корниловскаго полка и мы не знаемъ, что намъ дѣлать“? Такъ я узналъ о смерти боевого товарища, съ которымъ мы сражались бокъ о бокъ въ столькихъ бояхъ...

„Идите со мной въ Екатеринодаръ“! Послѣ нѣкотораго колебанія ко мнѣ присоединилось около 100 Елисаветинцевъ. Еще короткая вспышка огня при подъемѣ изъ оврага — и противникъ, бросивъ свои выдвинутые впередъ окопы, бѣжалъ къ самой окраинѣ города.

Между тѣмъ начало смеркаться, я не зналъ, какъ далеко продвинулись части генерала Маркова. Опасаясь попасть подъ огонь своихъ, я приказалъ всѣмъ офицерамъ, при дальнѣйшемъ движеніи, возможно чаще повторять слово „партизаны“, крича: „впередъ партизаны“! „Равняйсь партизаны“ и т. п.

Дѣйствительно, скоро правѣе насъ отъ казармъ Екатеринодарскаго полка послышался окрикъ: „что за партизаны“? „Партизанскій полкъ! Здѣсь генералъ“.

Ко мнѣ подошелъ полковникъ Кутеповъ, командовавшій лѣвымъ участкомъ генерала Маркова, состоявшимъ изъ перемѣшавшихся во время атаки людей Офицерскаго и Ку-

---

*) Руководящій артиллерійской подготовкой полковникъ Третьяковъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что атака была подготовлена 7-ью снарядами: такъ стрѣляла наша артиллерія и до такой степени приходилось экономить снаряды.

банскаго стр. полковъ. Я спросилъ, гдѣ генералъ Марковъ, и получилъ отвѣтъ, что онъ пошелъ къ своему правому флангу на участокъ генерала Боровскаго. Сказавъ полковнику Кутепову, что я сейчасъ атакую окраину города и проникну вглубь его по ближайшей улицѣ, я просилъ атаковать вслѣдъ за мной и правѣе меня; эту просьбу я просилъ передать и генералу Боровскому и ихъ общему начальнику генералу Маркову. Полковникъ Кутеповъ обѣщалъ атаковать, какъ только я ворвусь въ городъ.

Построивъ въ первой линіи свой 2-й баталіонъ и 2-ю сотню 1 баталіона, взятую мной съ участка Корниловскаго полка, а въ затылокъ имъ Елисаветинцевъ (обѣ линіи въ сомкнутомъ развернутомъ строю), я нацѣлилъ ихъ по указаніямъ офицеровъ, уроженцевъ Екатеринодара и повелъ въ атаку. Послѣ безпорядочной ружейной трескотни, большевики, залегшіе на самой окраинѣ города, разбѣжались и мы вступили въ какую-то улицу (какъ потомъ оказалось, въ Ярмарочную). Осматривая боковыя улицы, мы продвигались въ глубь города, не встрѣчая болѣе сопротивленія; попадались одиночные большевики, принимавшіе насъ въ темнотѣ за своихъ, ихъ ловили и тутъ же приканчивали. При дальнѣйшемъ движеніи стали встрѣчаться разъѣзды, по первому изъ нихъ кто-то выстрѣлилъ, и онъ благополучно ускакалъ; затѣмъ я запретилъ стрѣлять, и слѣдующіе разъѣзды мы подманивали къ себѣ, называя извѣстныя намъ большевистскія части. Всего мы переловили такимъ образомъ 16 всадниковъ; добылъ и я себѣ отличнаго коня подъ офицерскимъ сѣдломъ вмѣсто клячи, на которой я до тѣхъ поръ ѣздилъ. При осмотрѣ казармъ, расположенныхъ на Ярмарочной улицѣ, оказалось, что въ нихъ содержится 900 плѣнныхъ австрійцевъ. Узнавъ, что ихъ окарауливаетъ команда, поставленная еще Кубанскимъ правительствомъ до занятія города большевиками, я приказалъ унтеръ-офицеру продолжать караулить плѣнныхъ и поддерживать среди нихъ полный порядокъ, а одному изъ нашихъ офицеровъ приказалъ расписаться въ книгѣ. На другой день Корниловъ сдѣлалъ мнѣ упрекъ, что я не вывелъ плѣнныхъ немедленно изъ Екатеринодара: среди плѣнныхъ могли оказаться чехо-словаки, пригодные для пополненія нашего баталіона, но я тогда не зналъ, что Екатеринодаръ не будетъ взятъ...

Между тѣмъ стрѣльба на участкѣ 1-ой бригады стихла, орудіе, стрѣлявшее съ самой окраины города по этому участку, также прекратило огонь. Я былъ увѣренъ, что мои сосѣди справа также продвигаются по одной изъ ближайшихъ улицъ, а потому приказалъ отъ времени до времени кричать: „ура генералу Корнилову"! Съ цѣлью обозначить своимъ мѣсто моего нахожденія.

Продвигаясь такимъ образомъ, мы достигли Сѣнной площади. Оставивъ половину своего отряда съ однимъ пу-

леметомъ на углу Ярморочной улицы, а другую половину съ другимъ пулеметомъ (при мнѣ былъ одинъ пулеметъ Максима и одинъ — Кольта) расположилъ на юго-западномъ углу площади. Въ такомъ положеніи я рѣшилъ ожидать подхода частей 1-ой бригады съ тѣмъ, чтобы по передачѣ имъ Сѣнной площади, идти согласно приказа, на городское кладбище, куда и притянуть свой 1-ый баталіонъ и Корниловскій полкъ. Все было тихо. На площади стали появляться повозки направлявшіяся на позиціи противника. Преимущественно это были санитарныя повозки съ фельдшерами и сестрами милосердія, но попалась и одна повозка съ хлѣбомъ, которой мы очень обрадовались, нѣсколько повозокъ съ ружейными патронами и, что особенно цѣнно, на одной были артиллерійскіе патроны. Между тѣмъ ночь проходила. Встревоженный долгимъ отсутствіемъ какихъ либо свѣдѣній о нашихъ частяхъ, я послалъ, по пройденному нами пути, разъѣздъ на отбитыхъ у большевиковъ коняхъ подъ командой своего ординарца сотника Хоперскаго (китайца по происхожденію, вывезеннаго донцами мальчикомъ изъ Манчьжуріи), приказалъ ему явиться ген. Маркову или полковнику Кутепову, доложить, что я занялъ Сѣнную площадь и просилъ ускорить движеніе.

Вернувшійся черезъ нѣкоторое время сотникъ Хоперскій доложилъ, что нашихъ частей нигдѣ не видно, что охрана города въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ нее ворвались, занята большевиками, которые, повидимому, не подозрѣваютъ о присутствіи у нихъ въ тылу противника. Принимая сотника Хоперскаго за своего, они разспрашивали его, что за крики и стрѣльба была въ городѣ? Получивъ отвѣтъ, что тамъ все тихо, одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: „и кто это панику пускаетъ? здѣсь говорили, что кадеты ворвались въ городъ“.

Потерявъ надежду на подходъ подкрѣпленій, я рѣшилъ, что дожидаться разсвѣта среди многолюднаго города, въ центрѣ расположенія противника, имѣя при себѣ 250 чел., значитъ обречь на гибель и ихъ и себя безъ всякой пользы для общаго дѣла. Надо попытаться выбраться назадъ къ своимъ, воспользовавшись тѣмъ, что охрана города занята, очевидно, какимъ то вновь прибывшимъ отрядомъ большевиковъ, не знающихъ о нашемъ присутствіи.

Построивъ въ первой линіи партизанъ съ пулеметами, за ними Елисаветинцевъ и, наконецъ захваченныхъ у большевиковъ лошадей и повозки, я двинулся назадъ по Ярморочной улицѣ, приказавъ на разспросы большевиковъ отвѣчать, что мы идемъ занимать окопы впереди города. На вопросъ какой части? Отвѣчать „Кавказскаго отряда“ — отъ захваченныхъ большевиковъ я зналъ, что подобный отрядъ незадолго передъ тѣмъ высаживался на Владикавказскомъ вокзалѣ. Подходя къ мѣсту нашей послѣдней атаки; сначала наткнулись на резервы большевиковъ мы, занимавшіе попе-

речныя улицы по обѣ стороны отъ Ярмарочной, а потомъ и на первую линію. Наши отвѣты сначала не возбуждали подозрѣнія, затѣмъ раздались удивленные возгласы: „куда же вы идете? Тамъ впереди уже кадеты“! „Ихъ то намъ и надо“!

Я разсчитывалъ, какъ только подойду вплотную къ большевикамъ, броситься въ штыки и пробить себѣ дорогу, но большевики мирно бесѣдуя съ моими людьми, такъ съ ними перемѣшались, что нечего было и думать объ этомъ, принимая во вниманіе подавляющее численное превосходство противника, надо было возможно скорѣе выбираться на просторъ. Все шло благополучно, пока черезъ ряды большевиковъ не потянулся нашъ обозъ, тогда они спохватились и открыли намъ въ тылъ огонь, отрѣзавъ часть захваченныхъ нами повозокъ, но большая часть изъ нихъ успѣла проскочить и, въ томъ числѣ, наиболѣе цѣнная съ артиллерійскими патронами, шедшая въ головѣ обоза*). При выходѣ изъ города мы чуть было не попали въ критическое положеніе: въ отвѣтъ на огонь большевиковъ раздались наши выстрѣлы со стороны казармъ Екатеринодарскаго полка, правда, недоразумѣніе скоро выяснилось.

Первымъ я увидѣлъ полкъ Кутепова; онъ сказалъ мнѣ, что очень безпокоился о моей участи, слышалъ наши удалявшіеся крики „ура“ но ему не удавалось двинуть впередъ смѣшанныхъ людей разныхъ полковъ, бывшихъ на его участкѣ.

Скоро подошелъ и генералъ Марковъ, который сказалъ мнѣ, что ничего не зналъ о моемъ предпріятіи и услышалъ о немъ впервые, когда по его телефону передавали мое донесеніе въ штабъ арміи. Онъ предложилъ мнѣ сейчасъ же общими силами повторить атаку. На это я отвѣтилъ, что время упущено, теперь уже свѣтло, большевики предупреждены, подвели резервы, и атака на томъ же самомъ мѣстѣ едва-ли имѣетъ шансы на успѣхъ.

Какъ потомъ оказалось, въ Корниловскомъ полку наканунѣ былъ раненъ полковникъ Индѣйкинъ, естественный замѣститель Нѣжинцева, былъ убитъ и храбрый капитанъ Курочкинъ, командиръ моего 1-го баталіона. Отдѣльныя роты и сотни, послѣ смерти Нѣжинцева, остались безъ общаго руководства и некому было ихъ двинуть въ атаку, такъ какъ генералъ Богаевскій не могъ одинъ вездѣ поспѣть. Этимъ объясняется, что моя атака осталась безъ поддержки и со стороны частей 2-й бригады.

---

*) Повозка эта попавъ подъ огонь, ускакала куда-то въ сторону и застряла въ канавѣ недалеко отъ арт. казармъ. Ее долго не могли отыскать; между тѣмъ слухъ о захватѣ 52 снарядовъ дошелъ даже до Корнилова и пока она наконецъ нашлась на меня со всѣхъ сторонъ сыпались вопросы: гдѣ 52 снаряда? Такъ великъ былъ недостатокъ патроновъ въ нашей артиллеріи, въ то время, какъ большевики выпускали въ насъ безъ счета.

30 марта.

Съ генераломъ Марковымъ я отправился въ тотъ же домъ, гдѣ провелъ прошлую ночь, и гдѣ теперь расположился его штабъ. Отсюда я по телефону доложилъ ген. Романовскому, а потомъ и лично Корнилову, подробности своей атаки. Здѣсь же я получилъ приказаніе отвести свой полкъ къ фермѣ, въ резервъ командующаго арміей.

Къ вечеру 30 марта я собралъ свои сотни въ указанное мѣсто. Изъ 800 штыковъ, переправившихся черезъ Кубань, въ строю оставалось едва 300. Оба баталіонныхъ командира были убиты; мой помощникъ полк. Писаревъ выбылъ изъ строя: серьезная рана въ ногу не позволяла ему ни ходить, ни ѣздить верхомъ; сотенные командиры смѣнялись нѣсколько разъ за три дня боя; самъ я былъ счастливѣе: у меня не дѣйствовала только лѣвая рука. Приблизительно такія же потери понесъ и Корниловскій полкъ, лишившійся притомъ своего доблестнаго командира. Въ лучшемъ положеніи была бригада генерала Маркова, принимавшая меньше участія въ бою, но и въ ней потери были значительныя.

Подходя къ фермѣ, я встрѣтилъ генерала Корнилова, возвращавшагося съ обхода артиллерійскихъ наблюдательныхъ пунктовъ и батарей, гдѣ онъ, по своему обыкновенію подставлялъ себя вражескимъ пулямъ. Онъ поздоровался съ партизанами и поблагодарилъ ихъ, распрашивалъ меня о подробностяхъ боя и полученной мною ранѣ и, въ заключеніе, пригласилъ раздѣлить его скромный ужинъ, состоявшій изъ холодной вареной курицы и яицъ. Третьимъ за ужиномъ былъ ген. Романовскій; когда я разсказывалъ о радушномъ пріемѣ, оказанномъ намъ жителями предмѣстья, онъ воскликнулъ: „Э, да у васъ тамъ было гораздо лучше, чѣмъ у насъ!“ Глядя на убогую обстановку командующаго арміей, я не могъ не согласиться съ этимъ. Штабъ не имѣлъ даже въ смыслѣ безопасности особыхъ преимуществъ передъ первой линіей, такъ какъ былъ подъ дѣйствительнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Послѣ ужина мы остались вдвоемъ: Корниловъ вспоминалъ наше первое знакомство въ Кашгарѣ, когда мы оба были молодыми офицерами, и намъ, конечно, не снилось, гдѣ насъ снова сведетъ судьба. Нѣсколько разъ онъ вспоминалъ и жалѣлъ Нѣжинцева, который, несмотря на разницу лѣтъ и положенія, былъ его близкимъ другомъ. Я почувствовалъ глубокую жалость къ герою — я понялъ, до чего онъ одинокъ на свѣтѣ...

Въ заключеніе Корниловъ сказалъ: „Я думаю завтра повторить атаку всѣми силами. Вашъ полкъ будетъ у меня въ резервѣ, и я двину его въ рѣшительную минуту. Что вы на это скажете“? Я отвѣтилъ, что, по моему, тоже слѣдуетъ

атаковать и я увѣренъ, что атака удастся, разъ онъ лично будетъ руководить ею. „Конечно мы всѣ можемъ при этомъ погибнуть“, продолжалъ Корниловъ, „но, по моему, лучше погибнуть съ честью. Отступленіе теперь тоже равносильно гибели: безъ снарядовъ и патроновъ это будетъ медленная агонія“.

„Оставайтесь у меня ночевать“, неожиданно закончилъ онъ. „Вамъ сюда принесутъ сѣна“. Оглядѣвъ его крохотную комнату, я не захотѣлъ стѣснять Командующаго арміей и отвѣтилъ, что докторъ Трейманъ, осматривавшій мою рану, обѣщалъ меня устроить въ другой комнатѣ, гдѣ приготовлены койки для раненыхъ.

31-го марта.

Рано утромъ Корниловъ выходилъ ненадолго изъ своей комнаты; встрѣтивъ меня, онъ спросилъ, какъ я провелъ ночь. На мой вопросъ: не будетъ-ли какихъ либо приказаній полку? Онъ отвѣтилъ: „пока никакихъ — отдыхайте“!

Персоналъ перевязочнаго пункта пригласилъ меня напиться съ ними чаю въ комнатѣ, рядомъ съ корниловской. Когда мы уже допивали свой чай, раздался взрывъ, и съ потолка и со стѣнъ посыпалась штукатурка. По первому впечатлѣнію я подумалъ, что снарядъ разорвался подъ окномъ и спросилъ отшатнувшуюся отъ окна сестру милосердія, не ранена-ли она? Но дыма не было, и я понялъ, что снарядъ попалъ въ комнату Корнилова. Бросившись туда, я вбѣжалъ въ нее одновременно съ адъютантомъ Командующаго арміей — это заставляетъ меня думать, что въ моментъ взрыва Корниловъ былъ въ комнатѣ одинъ — можетъ быть, впрочемъ, адъютанты успѣли выбѣжать и теперь возвращались обратно. Въ комнатѣ ничего не было видно отъ дыма и пыли. Мы принялись расчищать ее отъ обломковъ мебели, и нашимъ глазамъ представился Корниловъ, весь покрытый обломками штукатурки и пылью.

Недалеко отъ виска была небольшая ранка, на видъ не глубокая, на шароварахъ большое кровавое пятно. Его вынесли въ коррдоръ, а оттуда на носилкахъ понесли на берегъ Кубани. Корниловъ порывисто дышалъ. Ген. Романовскій выбѣжалъ изъ комнаты, отдѣленной отъ Корниловской корридоромъ гдѣ онъ помѣщался съ остальными офицерами штаба. „Неужели убитъ“? спросилъ онъ меня — „безъ чувствъ, но дышитъ“. Больше у насъ не было словъ для выраженія переполнившихъ насъ горя и надежды...

У крыльца ко мнѣ подошелъ ген. Богаевскій и приказалъ вести полкъ за нашъ крайній лѣвый флангъ къ „Садамъ“, гдѣ большевики тѣснили нашу конницу, „пока въ бой

не ввязывайтесь; вы нашъ послѣдній резервъ но, въ случаѣ обхода съ этой стороны, будьте готовы отразить его".

Уже прибывъ на новое мѣсто, я узналъ, что Корниловъ скончался, не приходя въ себя. Скоро мы получили и приказъ генерала Алексѣева, посвященный памяти великаго русскаго патріота. Въ заключеніе, въ приказѣ говорилось о вступленіи генерала Деникина въ командованіе арміей.

Для грустныхъ размышленій о погибшемъ вождѣ не было времени: показалась наша отходящая конница, затѣмъ на опушкѣ „Садовъ" появилась спѣшенная конница противника. Приходилось выбирать мѣста для пулеметовъ и расположить своихъ 300 стрѣлковъ такъ, чтобы приготовить врагу достойный пріемъ.

Впрочемъ, дальше опушки „Садовъ" большевики не пошли, и я простоялъ цѣлый день въ бездѣйствіи, не отвѣчая на безрезультатный огонь противника, патроны надо было беречь для болѣе важнаго случая.

Не берусь судить, былъ ли то обходъ или маневръ для парированія обхода нашей конницы, какъ бы то ни было большевики удовольствовались вытѣсненіемъ нашей конницы изъ „Садовъ". Я склоненъ думать, что видѣнныя накануне густыя колонны съ обозомъ, двигавшіяся въ этомъ направленіи, были бѣженцы и наименѣе стойкіе защитники Екатеринодара, отходившіе на сѣверъ вдоль Черноморской жел. дороги.

Передъ вечеромъ я получилъ приказъ объ отступленіи, которое должно было начаться съ наступленіемъ темноты. Начался новый періодъ жизни Добровольческой арміи...

Существуетъ мнѣніе, что, останься живъ Корниловъ, онъ погубилъ бы армію новой атакой. Даже если бы Екатеринодаръ былъ взятъ, говорятъ сторонники этого мнѣнія, мы въ немъ были бы окружены, и онъ сталъ бы могилой Добровольческой арміи.

Конечно, трудно гадать о томъ, что было бы, но думаю, что высказывающіе такое мнѣніе не учитываютъ значенія побѣды. Не надо забывать, что Добровольческая армія, не знавшая до тѣхъ поръ неудачъ, со взятіемъ Екатеринодара, окончательно упрочила-бы за собой славу непобѣдимой. Кубанцы поднялись бы и быстро пополнили-бы ряды арміи. Въ случаѣ удачи, мы выиграли бы нѣсколько мѣсяцевъ, а это по нынѣшнимъ временамъ цѣлая вѣчность*)...

Повторяю, трудно гадать о томъ, что было бы, а еще труднѣе намъ, простымъ смертнымъ, понять и судить героя. Миръ его праху.

Б. КАЗАНОВИЧЪ.

27 марта 1919 г.

---

*) Я этимъ не хочу сказать, что и послѣ смерти Корнилова слѣдовало атаковать. Смерть его произвела на войска удручающее впе-

Послѣдній приказъ Генерала Корнилова.

ПРИКАЗЪ

Копія.

Войскамъ Добровольческой Арміи.

Ферма Кубанскаго Экономическ. Общества. № 185 Марта 29-го дня 1918 г. 12 час. 45 мин. утра.

1) Противникъ занимаетъ сѣверную окраину города Екатеринодара, конно-артиллерійскіе казармы у западной окраины города, вокзалъ Черноморской желѣзной дороги и рощу къ сѣверу отъ города. На Черноморскомъ пути имѣется бронированный поѣздъ, мѣшающій нашему продвиженію къ вокзалу.

2) Ввиду прибытія Ген. Маркова съ частями 1-го Офицерскаго полка, возобновить наступленіе на Екатеринодаръ, нанося главный ударъ на сѣверо-западную часть города.

   а) Генералъ-Лейтенантъ МАРКОВЪ. — 1-я бригада. 1-го Офицерскаго полка 4-ре роты, 1-й Куб. стрѣлк. полка одинъ баталіонъ, 2-я отдѣльная батарея, 1-я Инженерная рота. — Овладѣть конно-артиллерійскими казармами и затѣмъ наступать вдоль сѣверной окраины, выходя во флангъ противнику, занимающему Черноморскій вокзалъ и выславъ часть силъ вдоль берега рѣки Кубани, для обезпеченія праваго фланга.

   б) Генералъ-Маіоръ БОГАЕВСКІЙ. — 2-я бригада. Безъ 2-й батареи. 3-я батарея и второе орудіе 1-й отдѣльной батареи. Одинъ баталіонъ 1-го Куб. стрѣлк. полка и первая сводная офицерская рота Корниловскаго Ударнаго полка. — Наступать лѣвѣе Генерала Маркова, имѣя главной задачей захватъ Черноморскаго вокзала.

   в) Генералъ ЭРДЕЛИ. — Отдѣльная конная бригада, безъ Черкесскаго коннаго полка, наступать лѣвѣе Генерала Богаевскаго, содѣйствуя исполненію задачи послѣдняго и обезпеченію его лѣваго фланга и портя желѣзныя дороги на Тихорѣцкую и Кавказскую.

3) Атаку начать въ 17 часовъ сегодня.

4) Я буду на фермѣ Кубанскаго Экономическаго Общества.

Подлинный подписалъ:

Генералъ КОРНИЛОВЪ.

Вѣрно: *Полковникъ Барцевичъ.*

чатлѣніе и новое командованіе не могло съ первыхъ шаговъ ставить на карту самое существованіе арміи.

На смерть Генерала Л. Г. Корнилова.

Баллада.

По широкой степи буйный вѣтеръ шумитъ
И поетъ свою пѣснь одинокую,
То заплачетъ слезой, то тоской защемитъ,
То навѣетъ вдругъ думу глубокую.

Много горя встрѣчалъ онъ на тучныхъ поляхъ
Отъ Донскихъ береговъ до Кубани,
Много свѣжихъ могилъ утопало въ слезахъ
Въ дни жестокой, кощунственной брани.

Но одну изъ могилъ онъ не можетъ забыть,
Тамъ надежда Россіи зарыта.
Съ той могилой хотѣлъ онъ кручину дѣлить,
Что тоскою такъ нѣжно повита.

Опустили туда ранней хладной весной
Честной рати вождя молодого,
Подъ печальный напѣвъ старой пѣсни степной,
Пѣсни шумнаго вѣтра сѣдого.

Безъ обрядовъ святыхъ, бранныхъ почестей, слезъ,
Ту могилу землей забросали,
И сравняли спѣша холмъ несбывшихся грезъ,
Чтобъ враги прахъ вождя не терзали.

Былъ убитъ богатырь не въ посильномъ бою —
За свободу плѣненной Россіи
Отдалъ вѣру и жизнь молодую свою
Разъяренной и грубой стихіи…

Дней не много прошло, изъ могилы сырой
Прахъ тотъ вырытъ былъ злыми врагами
И сожженъ на кострѣ, а ночною порой
Былъ разметанъ хмѣльными ногами.

Каждый годъ въ эту ночь буйный вѣтеръ шумитъ
И поетъ свою пѣснь одинокую
И могилу ту ищетъ, гдѣ вождь былъ зарытъ,
Чтобъ узнать его душу глубокую.

N.

Изъ книги Ген. А. И. Деникина „Очерки русской смуты“.*)

... Если бы въ этотъ трагическій моментъ нашей исторіи, не нашлось среди русскаго народа людей, готовыхъ возс..ать противъ безумія и преступленія большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это былъ бы не народъ, а навозъ для удобренія безпредѣльныхъ полей стараго континента, обреченныхъ на колонизацію пришельцевъ съ Запада и Востока.

Къ счастью мы принадлежимъ къ замученному, но великому русскому народу.

Мы уходили.

За нами слѣдомъ шло *безуміе.* Оно вторгалось въ оставленные города безшабашнымъ разгуломъ, ненавистью, грабежами и убійствами. *Тамъ* остались наши раненые, которыхъ вытаскивали изъ лазаретовъ на улицу и убивали. *Тамъ* брошены наши семьи, обреченныя на существованіе, полное вѣчнаго страха передъ большевистской расправой, если какой нибудь непредвидѣнный случай раскроетъ ихъ имя...

Мы начинали походъ въ условіяхъ необычныхъ: кучка людей, затерянныхъ въ широкой донской степи, посреди бушующаго моря, затопившаго родную землю; среди нихъ два верховныхъ главнокомандующихъ русской арміей, главнокомандующій фронтомъ, начальники высокихъ штабовъ, корпусные командиры, старые полковники... Съ винтовкой, съ вещевымъ мѣшкомъ черезъ плечо, заключавшимъ скудные пожитки, шли они въ длинной колоннѣ, утопая въ глубокомъ снѣгу... Уходили отъ темной ночи и духовнаго рабства въ беззвѣстныя скитанія...

— За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидятъ „свѣточъ“, слабо мерцающій, услышатъ голосъ, зовущій къ борьбѣ — тѣ, кто пока еще не проснулись...

Въ этомъ былъ весь глубокій смыслъ *Перваго Кубанскаго похода.* Не стоитъ подходить съ холодной аргументаціей политики и стратегіи къ тому явленію, въ которомъ все — въ области духа и творимаго подвига. По привольнымъ степямъ Дона и Кубани ходила Добровольческая армія —

*) Приведенныя выдержки печатаются съ разрѣшенія и по указанію Генерала А. И. Деникина.

малая числомъ, оборванная, затравленная, окруженная — какъ символъ гонимой Россіи и русской государственности.

На всемъ необъятномъ просторѣ страны оставалось только одно мѣсто, гдѣ открыто развѣвался трехцвѣтный національный флагъ — это ставка Корнилова.

Первый кубанскій походъ — Анабазисъ Добровольческой арміи — оконченъ.

Армія выступила 9 февраля и вернулась 30 апрѣля, пробывъ въ походѣ 80 дней.

Прошла по основному маршруту 1050 верстъ.

Изъ 80 дней — 44 дня вела бои.

Вышла въ составѣ 4 тысячъ, вернулась въ составѣ 5 тысячъ, пополненная кубанцами.

Начала походъ съ 600-700 снарядами, имѣя по 150-200 патроновъ на человѣка; вернулась почти съ тѣмъ-же: все снабженіе для веденія войны добывалось цѣною крови.

Въ кубанскихъ степяхъ оставила могилы вождя и до 400 начальниковъ и воиновъ; вывезла до полуторы тысячъ раненыхъ; много ихъ еще оставалось въ строю; много было ранено по нѣсколько разъ.

Въ память похода установленъ знакъ: мечъ въ терновомъ вѣнцѣ.

Издалека, изъ Румыніи на помощь Добровольческой арміи пришли новые бойцы, родственные ей по духу.

Два съ половиной года длилась еще ихъ борьба.

И тѣхъ немногихъ, кто уцѣлѣлъ въ ней, судьба разметала по свѣту: одни — въ рядахъ полковъ, нашедшихъ пріютъ въ славянскихъ земляхъ, другіе — за колючей проволокой лагерей-тюремъ, воздвигнутыхъ недавними союзниками, третьи — голодные и безпріютные — въ грязныхъ ночлежкахъ стараго и новаго свѣта.

И всѣ на чужбинѣ, всѣ „безъ Родины“ …

Когда надъ бѣдной нашей страной почіетъ миръ, и всеисцѣляющее время обратитъ кровавую быль въ далекое прошлое, вспомнитъ русскій народъ тѣхъ, кто первыми поднялся на защиту Россіи отъ красной напасти.

„Добровольцы“.

Мы оборваны, мы голодны,
Но въ рукахъ у насъ мечи,
Мы устали, наги, холодны,
Но въ душѣ горятъ лучи!...
Мы несемъ свой крестъ безъ ропота,
Не боимся страха шепота: —
„Берегитесь, врагъ кругомъ“.
Чрезъ пустыню, съ вѣрой ясною,
Мы въ страну свою прекрасную
        Обновленные войдемъ!

Вѣрьте! Вѣрьте! Пусть печальные
Намъ пути вдали грозятъ,
Въ неба высь, гдѣ звѣзды дальнія
Обращайте гордый взглядъ!
Пусть мы наги, блѣдны, голодны —
Страха нѣтъ у насъ въ груди:
Мы въ бою — спокойно холодны,
        Край родимый впереди!

За него, съ надеждой ясною
Жизнь не жалко намъ отдать...
Жертва будетъ не напрасною,
Встанетъ Родина опять,
И, пустынями палимыми,
Не боясь въ нихъ ничего,
Подойдемъ мы — пилигримами
        Къ Граду Бога своего.

И измученные, блѣдные,
У подножія креста
Сложимъ мы мечи побѣдные,
        Славя Господа Христа.

Кн. Ф. КАСАТКИНЪ-РОСТОВСКІЙ.

Мартъ 1919 г.
Добровольческая Армія.

Русскому офицерству.

Развѣ это было не такъ? Припомните.

Всегда интеллигенція, типичная россійская — жила какой-то особой, кастовой жизнью. Тонкой коркой съ дразнящимъ и яркимъ цвѣтеніемъ мысли — надъ большими молчаливыми, глубинными пластами народа. И сама эта корка расщеплялась, кололась, трескалась на отдѣльныя лучиночки, на отдѣльныя пластиночки. Точно и впрямь слоистая кора. И, припомните, — каждая пластинка, каждый листокъ жилъ своей объединенной, самодовлѣющей жизнью. У сектантовъ, въ глубинахъ религіозной вражды — также заострялась взаимная рознь, отчетливая глухая застегнутость толковъ — какъ въ интеллигентской толщѣ. Каждая группка считала, что правда у нея, возглашала это съ истерической, озлобленной увѣренностью, съ неистовствомъ, съ изувѣрствомъ. Соціалъ-демократы — расщеплялись на „искровцевъ“, „плехановцевъ“, „твердокаменныхъ“. Общинники на „эсэровъ“ и „энэсовъ“. Потомъ шли подсобныя вѣтви: „бунды“, „п. п. с.“ и „дашнакцутюны“. Каждый считалъ, что истина у него, съ той горячностью и нетерпимостью, которыя рождаются только у молодыхъ прозелитовъ, у схватившихъ верхушки ученія, у прослушавшихъ только первые гулкіе каноны. Понятно это было молодое хмѣльное бродило творческой мысли. Дрожжи, и пѣна, и пузыри были еще на поверхности. Въ немъ была ѣдкая острота свѣжести. И все. Ни глубины, ни органичности, ни продуманной до дна проникающей густоты мысли. 905-й годъ пришелъ весь обвѣшанный, какъ стружками, шинкованною мудростью Каутскихъ, Жюль Гедовъ и Лафарговъ въ пятикопѣечныхъ брошюрахъ „Молота“ и „Буревѣстника“. Это была большая отъединенная секта, замкнутая и разъѣдаемая внутри. Это была каста со своимъ особымъ бытомъ, своею моралью, своими канонами и своею узкою, четкою и карающей скрижалью законовъ.

Вы помните, понятно, этотъ бытъ.

Чеховскіе доктора и провинціальные акцизники, Кулигины изъ „Трехъ сестеръ“, и земскіе „принципіальные“ работники, подписчики „Русскаго Богатства“, презиравшіе Тугана-Барановскаго за марксизмъ, и послушники „Міра Божьяго“, чуравшіеся Михайловскаго за мелко-буржуазный апофеозъ личности. Тамъ, гдѣ мысль углублялась, она цвѣла „ревизіонизмомъ“, „бернштейніанствомъ“, бердяевскимъ „возвратомъ къ идеализму“, а порой даже чулковскимъ „мистическимъ анархизмомъ“. Тамъ, гдѣ она мелѣла и плыла межъ плоскихъ, песчаныхъ житейскихъ береговъ, — она сводилась просто къ несложному катехизису штампованнаго интеллигентскаго мышленія къ сотнѣ „принциповъ“, навернутыхъ

въ мозгу на валикъ. Плакали на Татьянинъ день, вспоминали „альму-матеръ“, пѣли „Гаудеамусъ“, толстѣли, коснѣли, плѣсневѣли. Но держались крѣпко. „Принципіально“.

„Принципіально“ ...

Эта каста обвиняла офицерство, прежнее кадровое офицерство въ сектантскомъ, отъединенномъ духѣ, а сама была пронизана гордыней и нетерпимостью, фанатизмомъ и узостью.

И жизнь, великая затѣйница, выдумщица и пересмѣшница — такъ повернула свой узоръ — (какъ стеклышки въ дѣтской игрушкѣ, гдѣ въ зеркальной трубкѣ складываются цвѣтные осколочки разными арабесками) — такъ повернула, что помѣняла людей мѣстами, странно и причудливо совлекла съ пьедестала однихъ и короновала другихъ.

И рыцарство и принципіальность оказались у нихъ, у этихъ, „отвергаемыхъ“ ...

„Прин-ци-пі-аль-но“ ...

Такъ съ надменной гримасой своей избранности, прошла весь свой путь „интеллигентщина“. Не о нутрѣ ея рѣчь, не о той часовенкѣ, гдѣ не потухла свѣчка четверговая, пламенѣющій язычекъ вѣры, „аще за други своя“. Не о тѣхъ сотняхъ и тысячахъ, что любили народъ и въ немъ Русь, — пускай ошибочной, заблудшею, но все же жертвенной любовью. Рѣчь о шуршащемъ и осыпающемся пустоцвѣтѣ, о средней, о „панурговой“ массѣ. Не объ интеллигенціи, а объ „интеллигентщинѣ“. Хотя и въ избранныхъ и въ жертвенныхъ слояхъ своихъ — интеллигенція тоже была и замкнутой, и сектантской, и нетерпимой. Но здѣсь это умѣрялось красотой настоящаго подвига, глубиною, вѣрой, порывомъ. У массъ, въ „интеллигентщинѣ“ это все мельчало. Червонецъ мѣнялся на звонкіе, новые, отчеканенные гривенники. И благородный звонъ тонулъ въ ухарскомъ звяканіи. Въ массѣ вѣра одиночекъ превращалась въ бездѣйственный фанатизмъ. Тамъ было оправданіе: — вѣра, жертва, подвигъ. Здѣсь, въ жизни, въ быту, внизу — была нетерпимость, изувѣрство, внѣшнія догмы партійныхъ канoновъ, принятыхъ не изъ-за внутренняго пламенѣющаго порыва, а изъ-за общности, стадности. Какъ форма. Какъ студенческіе наплечники.

Были еще на Руси — другіе наплечники. Ихъ считали принадлежностью касты. Съ ними сочеталось понятіе объ узости, казармѣ, отжившей сословности, карьеризмѣ. Патентъ на интеллигентность былъ прочно взятъ и всѣ, кто были внѣ круга избранныхъ, особенно офицерство, были врагами, паріями, несподобившимися.

Пришелъ чортъ и перетасовалъ колоду русской жизни. Не спрашивая азартныхъ игроковъ, не посмотрѣвши въ каноны и святцы, не освѣдомившись съ какой карты собирался пойти самъ „предсѣдатель Учредительнаго Собранія“ — Черновъ, проводившій эсэровскую масть въ козыри — взялъ и перетасовалъ ... И что же? Тузы стали двойками совнархо-

зовъ, смирившимися, блеклыми оппозиціонерами. Въ интеллигенціи, въ средней и массовой — не родилось (быть можетъ, и не могло родиться) пафоса борьбы. Куда дѣлся канонъ „принципіальной" жизни? Вѣдь при самодержавіи боролись противъ „жандармовъ и тюремщиковъ"? Почему же теперь только жалуются дрезденскимъ партейтагамъ? Почему?

Потому что мысль, и пафосъ, и гордые клики, и броскіе лозунги — все это было только цвѣтеніемъ. Внутри не было стальной и пружинящей воли. Не было волевого бицепса. Онъ поникъ и смякъ за библіотечною полкой, въ брошюрной пыли. Жизнь, наглая и смѣшливая, раздула, развѣяла на сквознякѣ картонные домики, — взяла хилыхъ за горло и согнула ихъ выю подъ ярмо. Большой торной дорогой пошла интеллигенція на Руси. На Голгоѳу пошла съ мукой и крестнымъ страданіемъ. Бездѣйственная и не волевая, она, понятно, не могла обрѣсти силы и стойкости. Просто вдругъ сразу смякла и поникла.

И сила, стойкость и „принципіальная" борьба противъ насилія заострилась не у нихъ, а у тѣхъ, ранѣе „недопущенныхъ" въ интеллигентскіе святцы, у „казарменныхъ", у „отсталыхъ" ...

Противъ „насилія, произвола и деспотизма" борется и боролось офицерство. Десятки и сотни тысячъ безвѣстныхъ могилъ и вдоль Волги, и на Дону, подъ безчисленными Харцызсками и Дебальцевами. Почему же вы, „принципіальные" не пошли? Почему вдругъ „принципіально" высказались противъ „вооруженной тактики"?

Почему ихъ жены и близкіе въ концентраціонныхъ лагеряхъ, а Данъ „прибылъ" въ Ревель и Черновъ вывезъ всю семью? Они, перенявшіе отъ васъ флагъ принципіальной борьбы, который Керенскій уронилъ, убѣгая переодѣтымъ изъ дворца — не смогли и не смогутъ вывезти свои семьи? Почему же?

Въ низкой, сводчатой караулкѣ собрались у Зубова — Пестель, и Рылѣевъ, и Трубецкой. Разстегнули офицерскіе мундиры, и билось подъ ними горячее сердце, полное любви къ народу. А потомъ, уже черезъ сто лѣтъ — какъ странно! — эта дѣйственная любовь проснулась опять у тѣхъ, кто долгіе годы жилъ въ дисциплинѣ и стойкости, въ траншейномъ и смертномъ общеніи съ солдатомъ, котораго видѣлъ тутъ же въ окопѣ, а не чрезъ близорукіе, интеллигентскіе очки. Легче читать доклады объ учредительномъ собраніи, не краснѣя выступать въ „преніяхъ" о Россіи, запутанной въ тенетахъ „интеллигентщины" и въ сѣтяхъ самовлюбленной, ставшей „калифомъ на часъ" и нынѣ навѣки усопшей „эсеровщины", — чѣмъ производить лагерное ученіе въ Галлиполи. Гдѣ „принципы"? Гдѣ борьба дѣйственнѣе? Почему семью галлиполийца не выпустятъ? Большевики понимаютъ. Большевики не глупы: выпускаютъ за заслуги. Ибо велики

и неисчислимы заслуги эсэровскія предъ большевиками. Дорожку утоптали, подготовили, ворота настежь раскрыли.

* * *

Я помню до сихъ поръ это поблѣднѣвшее усталое лицо, эту утомленную, актерскую декламацію. Керенскій говорилъ на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи. Это былъ апофеозъ „интеллигентщины", — неврастенической, цвѣтистой, упоенной *гашишемъ*. Словно символъ безвольной, мечтательной массы — былъ этотъ одинъ человѣкъ.

Потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, рванувшись въ Гатчину, онъ съ задняго крыльца, и, окруженный немногими друзьями, въ теплой женской кацавейкѣ, — тихо и озираючись ушелъ. Скрылся. Жизнь свою спасъ. Ибо принципы это одно — а жизнь, живая, всамдѣлишная, съ послѣдующимъ (чего добраго?) Учредительнымъ Собраніемъ и (кто знаетъ?) новою властью — это другое. Нужна реальная тактика, а не мечты. Неправда ли? И не потому ли на томъ же послѣднемъ совѣщаніи, разворачивая гирлянды декламаціи — онъ, съ неврастенической паузой „подъ Орленева", простоналъ: „Я растопталъ цвѣты своихъ мечтаній". Понятно, къ чему мечты и принципы? Нужна реальная тактика. Это — какъ странно! — сказалъ и Ллойдъ Джоржъ, позвавъ Кремль въ Геную. Нужна реальная тактика. Тихо, на цыпочкахъ, чтобъ не увидѣлъ ставшій ненадежнымъ конвой, подошелъ къ телѣгѣ переодѣтый крестьянкою. Сѣлъ, свѣсилъ ноги и поѣхалъ къ границѣ. Въ это время у Зимняго разстрѣливали послѣднихъ юнкеровъ и переодѣтыхъ въ шинели женщинъ. А переодѣтый въ женское мужчина („желѣзомъ и кровью!") тихо и осторожно подъѣзжалъ къ границѣ, къ спасенію.

— „Ваше Превосходительство", — сказалъ Духонину дежурный. „Есть телефонограмма о томъ, что Крыленко съ матросами уже выѣхалъ сюда. Поѣздъ стоитъ на третьемъ пути. Если вы не уѣдете — ни за что нельзя ручаться". И вотъ, въ „казарменной" душѣ, началась борьба. Подумалъ, отрицательно покачалъ головой, посидѣлъ. Потомъ всталъ, одѣлся и пошелъ на третій путь. Взялся было за вагонные поручни, потомъ рѣзко повернулся и пошелъ обратно. Во имя мечты. Не такъ-ли? Во имя принциповъ. Не такъ-ли? Вопреки очевидной и ясной „реальной тактикѣ" жизни. А потомъ черезъ полъ-часа къ платформѣ подлетѣлъ поѣздъ Крыленки и еще черезъ полъ-часа въ товарномъ вагонѣ въ углу полустоялъ трупъ Духонина. Кто-то изъ матросовъ воткнулъ ему въ ротъ папироску.

А вѣдь могъ спастись. Но вотъ почему-то не спасся. А тотъ, изъ Гатчины, могъ остаться, но почему-то, — подите, вотъ, — спасся.

Два итога. Одинъ итогъ интеллигентщины, безвольной, самовлюбленной, фразерской, утерявшей принципы, обманчивой и сгнившей. Пустоцвѣтъ. Итогъ, по которому платитъ вся Русь. Платитъ братской, кровавою склокой. И волжскими трупами, вырытыми изъ земли и поѣденными. И посѣрѣвшею жизнью, обезкрыленною, приникшею къ землѣ.

И другой итогъ. Жизни въ духѣ и гордости. Дисциплинированной, вывѣренной, какъ компасъ души русскаго офицерства. Вотъ кто поднялъ выпавшій флагъ „принципіальной" борьбы и жизни.

Когда стрѣлка компаса показала „Смерть" — пошелъ такъ просто и ясно, куда надлежало. Ибо привыкъ. Ибо на войнѣ — смерть не декламація, а ежеминутная пришелица, осѣняющая своимъ покрываломъ то одного, то другого. Въ траншеяхъ „принципамъ" и научился. Ибо настоящая смерть — не монологъ средь Черновыхъ и Некрасовыхъ, не пафосъ минуты и не тихое на цыпочкахъ бѣгство съ задняго театральнаго крыльца, когда предъ рампою еще кончаютъ разстрѣливать юнкеровъ, женскій баталіонъ и Духонина.

Смерть — это смерть.

И если интеллигентщина — подвязавъ косу и юбку сбѣжала, — то интеллигенція, настоящая и жертвенная, та, чьи семьи не „возвращаются", та, чьи принципы не знаютъ „реальной политики" — возрождается въ лучшихъ традиціяхъ своихъ. Она у тѣхъ, съ кѣмъ былъ Духонинъ. Она была на Галлиполи. Она сейчасъ въ Болгаріи. *Тамъ ищите грядущаго подвига.*

Сергѣй ГОРНЫЙ.

Незабываемое.

Мнѣ хочется подѣлиться воспоминаніями о моихъ случайныхъ встрѣчахъ, если только это можно назвать встрѣчами, съ великимъ русскимъ патріотомъ, съ собирателемъ Добровольческой Арміи, съ генераломъ Михаиломъ Васильевичемъ Алексѣевымъ. Пусть простятъ мнѣ смѣлость, съ которой я берусь писать о томъ, чье имя принадлежитъ исторіи, чьей дѣятельности грядущіе историки нашихъ дней, посвятятъ свои лучшія страницы, свѣтлая память о комъ всегда будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ истинно русскихъ людей. Но въ грозномъ и сумбурномъ вихрѣ событій, которымъ мы всѣ были захвачены, рядовые обыватели дѣлались свидѣтелями, а иногда и дѣйствующими лицами историческихъ со-

бытій и сталкивались въ повседневной жизни съ людьми, которыхъ, увы, уже нѣтъ съ нами, но каждое воспоминаніе о которыхъ близко и дорого намъ. И я бережно храню въ душѣ нѣсколько неизгладимыхъ воспоминаній о встрѣчахъ съ людьми передъ памятью которыхъ я преклоняюсь, о событіяхъ подлинно героическихъ, свидѣтельницей которыхъ Богъ далъ мнѣ счастье быть и которыя сохранили во мнѣ непоколебимую вѣру въ русскій народъ и будущее возстановленіе Россіи въ прежнемъ величіи.

Позвольте же передать вамъ, какъ умѣю, встрѣчи мои съ Михаиломъ Васильевичемъ Алексѣевымъ, не какъ съ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, не какъ съ основателемъ и вождемъ Добровольческой Арміи, а какъ съ русскимъ человѣкомъ горячо вѣрующимъ, глубоко любящимъ Россію и страдающимъ за нее и ея сыновъ, такимъ большимъ и такимъ безконечно простымъ русскимъ человѣкомъ.

Февральскій переворотъ засталъ меня въ г. Могилевѣ, гдѣ мужъ мой служилъ въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго. Въ тѣ сумбурные дни, въ Ставкѣ, какъ и по всей Россіи, царило полное смятеніе и только генералъ Алексѣевъ, принявшій на себя бремя отвѣтственности за судьбы Арміи, работавшій день и ночь, руководя операціями на внѣшнемъ фронтѣ, ведя борьбу за жизнь Арміи съ новой властью, преступно разлагавшей ее неумѣстными и легкомысленными реформами, находилъ еще время вникать въ жизнь Ставки, не давая ей уклоняться отъ прежняго русла. Ставя благо Россіи превыше всего, не щадя своего слабаго здоровья, не заботясь о немилости новаго правительства, Главнокомандующій боролся до послѣдней возможности съ разрушителями Россіи. И вотъ, въ это то время напряженной борьбы, судьба столкнула меня съ генераломъ Алексѣевымъ въ минуту запечатлѣвшуюся на всю жизнь въ моей душѣ. Было 6-го мая, день Рожденія Государя Императора. Я пошла помолиться въ церкви Ставки, въ которой всегда молились Государь и Наслѣдникъ, а во время своихъ довольно частыхъ посѣщеній Ставки и вся Царская Семья. Не могу передать чувства горести и невольнаго негодованія охватившаго меня при входѣ въ церковь. Церковь, въ которой всегда молился Государь, церковь, которая бывала переполнена толпою людей, въ которую приходилось пускать только по билетамъ, была пуста въ день Рожденія Государя, въ этотъ, такой тяжелый для Него, годъ, несмотря на то, что въ Ставкѣ всѣ еще оставались на прежнихъ мѣстахъ. Было два, три пріѣзжихъ съ фронта офицера, нѣсколько Могилевскихъ обывателей, нѣсколько случайно забредшихъ бабъ и никого, рѣ-

шительно никого изъ ставочныхъ. Съ грустью слушала я прекрасную службу и, глядя на пустой лѣвый клиросъ, обычное мѣсто Царской Семьи, вызывала въ памяти образъ Государя, прелестныя дѣтски чистыя личики Наслѣдника и Великихъ Княженъ, еще такъ недавно виднѣвшіяся оттуда, и горячо молила Бога сохранить ихъ. Служба незамѣтно подходила къ концу. Протопресвитеръ Георгій, имѣвшій мужество молиться о здравіи Государя и его Семьи, въ тѣ дни, когда даже съ церковнаго амвона зачастую говорились хвалебныя рѣчи разрушителямъ Россіи, вышелъ съ крестомъ. Я прошла впередъ и тутъ только увидѣла въ правомъ придѣлѣ, скрытаго колонной, на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери генерала Алексѣева. Весь поглощенный молитвой, съ просвѣтленнымъ лицомъ, по которому катились крупныя слезы, онъ несомнѣнно молился не о себѣ. Я видѣла много разъ людей молившихся искренно, отдававшихся цѣликомъ молитвѣ, но другой такой молитвы я не видѣла и, вѣрно, не увижу никогда.

Еще разъ въ Могилевѣ я видѣла Михаила Васильевича въ печальный день его отъѣзда оттуда, когда смѣщенный съ поста Главнокомандующаго „его высокопревосходительствомъ" господиномъ присяжнымъ повѣреннымъ Керенскимъ, съ наглой самоувѣренностью игравшимъ судьбами Арміи и Россіи, онъ уѣзжалъ въ Смоленскъ, насильно разлученный съ Арміей такъ вѣрившей въ него и видѣвшей въ его мудрой опытности свою опору. Какъ не походилъ этотъ скромный отъѣздъ на помпезныя путешествія г-на Керенскаго. Эта „жемчужина русской революціи" перевозилась не иначе какъ въ поѣздѣ Государя, въ сопровожденіи не столь блестящей, сколь многочисленной свиты различныхъ прихлебателей, и ревниво слѣдила, чтобы оффиціальныя власти встрѣчали ее по церемоніалу, превосходившему торжественностью встрѣчи Высочайшихъ Особъ. Отъѣздъ генерала Алексѣева былъ простъ, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Простъ былъ приказъ, которымъ онъ прощался съ Арміей, просты его прощальныя слова, обращенныя къ его многолѣтнимъ сотрудникамъ, но какой искренней любовью, какой скорбью о Россіи были проникнуты эти простыя слова и какъ величественно выдѣлялись они на фонѣ пышныхъ и безсодержательныхъ фразъ, извергаемыхъ въ такомъ обиліи въ то время, богатое театральными эффектами, такъ дорого стоившими Россіи. Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ собрались въ тотъ памятный день, на платформѣ Могилевскаго вокзала, всѣ офицеры старой Ставки, говорю старой, потому, что въ то время уже прибылъ въ Могилевъ генералъ Брусиловъ со своими приспѣшниками, но ни у него самого, ни у кого либо изъ нихъ, не хватило такта пріѣхать на вокзалъ про-

водить бывшаго Главнокомандующаго, или хотя бы нарядить почетный караулъ до Смоленска, что сдѣлалъ по собственной иниціативѣ, доблестный командиръ Георгіевскаго баталіона, полковникъ Тимановскій, несмотря на протесты Михаила Васильевича, разстроеннаго этимъ лишнимъ доказательствомъ любви и глубокаго къ нему уваженія. На вокзалъ генералъ Алексѣевъ со своей всегдашней пунктуальностью прибылъ минута въ минуту. Видимо сильно взволнованный своимъ отъѣздомъ, онъ обошелъ, на прощанье, всю группу провожающихъ, съ каждымъ обмѣнялся сердечнымъ рукопожатіемъ, каждому нашелъ сказать нѣсколько простыхъ, искреннихъ словъ и тотчасъ же скрылся въ вагонѣ отходящаго поѣзда, увозя съ собой столько искреннихъ напутствій и благословеній и оставляя всѣхъ въ страхѣ и неизвѣстности за судьбы Арміи, лишенной его мудраго руководства. Въ самомъ непродолжительномъ времени и Россія, и Армія, и маленькая Ставка увидѣли кого они лишились въ лицѣ Алексѣева. Скажу о томъ, что видѣла сама: съ его отъѣздомъ при благосклонномъ участіи Брусилова, пошедшаго рука объ руку съ г-номъ Керенскимъ въ дѣлѣ углубленія революціи, въ Ставкѣ водворилась полная дезорганизація, и началась вакханалія процессій, митинговъ и всего подобнаго, практиковавшагося уже по всей Россіи, но еще не знакомаго Ставкѣ, благодаря присутствію тамъ генерала Алексѣева.

Годъ 1918 — первый походъ, Добровольческая Армія... Гдѣ найти слова, чтобы говорить о нихъ, да и нужны ли они? Не говоритъ ли краснорѣчивѣе всякихъ словъ о героической борьбѣ, мужественныхъ смертяхъ, безпримѣрныхъ подвигахъ, мечъ въ терновомъ вѣнцѣ, національное знамя воздвигнутое героизмомъ — прекрасная эмблема перваго похода, символъ самопожертвованія во имя Родины. Генералъ Богаевскій сказалъ когда-то: „Знакъ перваго Кубанскаго похода, даетъ участникамъ его, единственное право — глядя на него вспоминать всѣ трудности этого похода". Нѣтъ, не только это, онъ въ наши дни даетъ право гордиться именемъ Русскаго, онъ говоритъ о томъ, что Родина, подвигъ, честь не пустыя слова, что не перевелись еще рыцари на Русской Землѣ, что Россіи есть еще кѣмъ гордиться, что не умретъ страна у которой есть такіе сыны.

Восемнадцатый годъ, кто же забылъ его. Поэтъ сказалъ:

„Рожденные въ годы глухіе,
Бытія не помнятъ своего,
Мы-жъ дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи,
Забыть не въ силахъ ничего."

И не надо забвенья, пусть всегда живетъ въ нашей душѣ воспоминаніе о тѣхъ грозныхъ годахъ, осѣняемое памятью о всемъ истинно прекрасномъ, что дала намъ Добровольческая Армія и ея Вожди. Восемнадцатый годъ, когда я теперь возвращаюсь къ нему памятью, у меня невольно напрашивается одно сопоставленіе, мнѣ вспоминаются прекрасные очерки Короленки изъ жизни Уральскихъ казаковъ и разсказъ о странствіяхъ ходоковъ, посланныхъ Уральцами, въ концѣ прошлаго столѣтія, на поиски легендарнаго Бѣловодскаго Царства истинной вѣры. Какой трогательный и трагическій анахронизмъ эти суровые мечтатели, отправляющіеся въ нашъ практичный торгашескій вѣкъ, разыскивать сказочную Бѣловодію, руководясь смутными преданіями и легендами объ этой обѣтованной землѣ. Какая вѣра, какая тоска по прекрасной Бѣловодіи влекла ихъ. И не походили ли на нихъ первые добровольцы и послѣдовавшіе за ними тысячи людей, отправлявшіеся въ 18 году со всѣхъ концовъ Россіи на Донъ и Кубань, въ поискахъ своей Бѣловодіи, истинной Великой Россіи. Не такъ же ли блуждали они средь чуждыхъ имъ озвѣрѣлыхъ массъ одержимыхъ большевизмомъ, вѣря и боясь вѣрить, что гдѣ то тамъ еще сохранился уголокъ Русской земли, гдѣ высоко держится національное знамя, гдѣ не попираются Божескіе и человѣческіе законы, гдѣ ведется упорная борьба за жизнь Россіи. Не такъ же ли шли они влекомые вѣрой и любовью къ Россіи, руководясь лишь смутными слухами доходившими до нихъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Сколько отважныхъ, имена ихъ Ты Господи вѣси, погибло на этомъ пути, гдѣ путеводными огнями горѣли имена Алексѣева, Корнилова, Деникина. Добровольческая Армія, трижды благословенная Бѣловодія, почему не дано намъ вернуть то время и вновь очутиться на пути къ тебѣ?

Въ восемнадцатомъ году и мнѣ довелось пережить счастье попасть въ Добровольческую Армію. Какъ забыть тотъ день когда изъ замученной, залитой кровью, заплеванной красными тряпками, декретами, сѣмячками Москвы, я попала на гостепріимный Донъ, въ Новочеркасскъ, эту тогдашнюю столицу нашей Бѣловодіи. Не разъ въ пути, проѣзжая чрезъ изуродованный на нѣмецко-украинскій ладъ Кіевъ, съ его добровольнымъ лакействомъ, опереточными войсками, нелѣпымъ языкомъ, черезъ Ростовскій вокзалъ, украшенный неизвѣстными мнѣ дотолѣ донскими флагами и къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знакомыми нѣмецкими касками, я начинала сомнѣваться, да полно, существуетъ ли она эта прекрасная „Бѣловодія"? Не сказка ли это, которой утѣшаютъ себя измученные, извѣрившіеся люди? Но нѣтъ, я попала въ Новочеркасскъ, увидѣла дорогое трехцвѣтное знамя, настоящихъ русскихъ людей...

Въ Новочеркасскѣ я опять увидѣла Михаила Васильевича Алексѣева въ церкви, на отпѣваніи мальчиковъ-добровольцевъ, погибшихъ въ первомъ походѣ. Посреди величаваго Платовскаго собора возвышалось девять деревянныхъ дѣтскихъ гробовъ. Чья преступная рука осмѣлилась принять на себя кровь этихъ дѣтей, чьи имена, подвигъ, страданья извѣстны одному Богу? Кто были они, возставшіе за честь и спасеніе Родины, пытавшіеся слабыми дѣтскими руками воздвигнуть русское знамя втоптанное въ грязь измѣнниками, продавшими Россію. Имена ихъ не удалось возстановить, родные не провожали ихъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Они погибли смертью храбрыхъ въ партизанскомъ полку, тѣла ихъ предали отпѣванію и готовились хоронить съ воинскими почестями, но никогда матери не разыщутъ ихъ безымянныхъ могилъ, не оросятъ ихъ своими слезами. За ихъ гробами стоялъ и плакалъ тотъ, чей призывъ вдохновилъ ихъ на подвигъ, за кѣмъ они пошли оставивъ семью и домъ. Какъ любящій отецъ оплакивалъ генералъ Алексѣевъ убитыхъ мальчиковъ партизанъ, на мѣстѣ родителей за ихъ гробами шелъ онъ на кладбище и тамъ у свѣжихъ могилъ сказалъ съ грустью и горечью — „Я бы поставилъ имъ памятникъ — разоренное орлиное гнѣздо, въ немъ трупы птенцовъ и на немъ написалъ:

„Орлята умерли, защищая родное гнѣздо, гдѣ же были въ это время Донскіе орлы?“

Е. КОВЕРНИНСКАЯ.

Монтмартрскій шоферъ.

Я — шоферъ... Я — шоферъ этихъ яркихъ, монтмартрскихъ ночей, когда рѣжетъ глаза электрическій свѣтъ фонарей, когда женщины съ пурпуромъ крашеныхъ губъ отдаются въ фоксъ-тротѣ, а негръ въ жазъ-бандѣ такъ грубъ...

Я — шоферъ... Я всю ночь на чеку. Я стою у блестящихъ огнями дверей, а потомъ, по зеркальному полу аллей Елисейскихъ, заснувшихъ полей — я влюбленныхъ, какъ птица, стрѣлою помчу...

Тамъ, внутри ресторановъ, роскошныхъ ночныхъ кабаковъ, льются пѣсни родныя, знакомыхъ хоровъ, на забаву богатыхъ, и властныхъ, и гордыхъ людей, въ Вавилонъ современный приплывшихъ изъ дальнихъ морей...

Я — шоферъ...

Но не тотъ я — парижскій шоферъ-буржуа, чья размѣренно жизнь течетъ, какъ вода, кто обѣдаетъ ровно всегда „а миди“, въ „Рандеву де шоферъ“, въ небольшой брассери... ѣстъ салатъ, наполняя свой „веръ“ неизмѣннымъ всегда „ординэръ“ и задумчиво глядя въ спокойную даль, набиваетъ „са пипъ“ табакомъ „капораль“...

Я — шоферъ...

Но — иной... непонятный и имъ — безконечно чужой...

Отъ холодныхъ лучей многоцвѣтныхъ рекламъ закрываю глаза и душою я тамъ... далеко... далеко отъ парижскихъ ночныхъ кабаковъ, тамъ, въ тиши деревенскихъ лѣсовъ и садовъ... съ колоннадою домъ и бесѣдка, какъ грибъ, и аллея столѣтнихъ, прадѣдовскихъ липъ...

Сладокъ этотъ природы таинственный плѣнъ... И въ раскрытыя окна рыдаетъ Шопенъ... И она, такъ воздушна, чиста и легка, тамъ съ цвѣтами стоитъ у окна...

Отъ холодныхъ лучей многоцвѣтныхъ рекламъ закрываю глаза и душою я тамъ... далеко отъ парижскихъ, ночныхъ кабаковъ... подъ знаменами старыхъ, россійскихъ полковъ, тѣхъ могучихъ дѣтей Великана Петра, чье во всѣхъ прозвучало столицахъ „ура“!..

Закрываю глаза и душою я тамъ... подъ Варшавой на Бзурѣ, Карпатскихъ горахъ, въ Трапезундѣ, Шампани и Минскихъ лѣсахъ... Тамъ гдѣ слава, послѣдняя Слава Петра догорѣла, какъ вечеромъ гаснетъ заря...

Гдѣ свернули полотнища старыхъ, священныхъ знаменъ, молчаливыхъ свидѣтелей прошлыхъ временъ, и съ великою скорбью и болью въ сердцахъ унесли ихъ въ изгнанье, тиранамъ на страхъ...

Закрываю глаза и душою я тамъ... *съ молчаливымъ Вождемъ прохожу по степямъ, по кубанскимъ станицамъ, донскимъ берегамъ... На груди моей — знакъ — мечъ въ терновомъ вѣнцѣ... и застыла печаль на усталомъ лицѣ...*

Я — шоферъ!.. Я — шоферъ этихъ яркихъ, парижскихъ ночей, когда рѣжетъ глаза электрическій свѣтъ фонарей... Когда женщины съ пурпуромъ крашеныхъ губъ отдаются въ фоксъ-465ротѣ, а негръ въ жазъ-бандѣ такъ грубъ...

Евгеній ТАРУССКІЙ.

„И было и не было“.

Собралась компанія артиллеристовъ. Народъ все больше молодой, живой, веселый и хорошій. Всѣ сгрудились къ столу и только въ сторонѣ сидитъ одинъ — должно быть „старшой“. Лѣтъ онъ среднихъ, и не то, чтобы сумрачный, однако нрава серьезнаго, но только пока не разговорится, а заговоритъ — тоже зубоскалъ. И вотъ пошла молодежь языками щелкать: того задѣнетъ, этому попадетъ, и слова ихъ не злыя, но ѣдкія, какъ перецъ въ носъ, а иной разъ ужъ такія острыя, какъ тонкія иглы.

Одинъ изъ нихъ, который посмѣлѣе да посмѣшливѣе и говоритъ: „Господинъ полковникъ, а господинъ полковникъ, разскажите что-нибудь серьезное, надоѣло смѣяться!“ „Старшой“ осклабился, но за словомъ въ карманъ не полѣзъ: „Что-жъ, смѣйтесь! Полезенъ нашему командирскому здоровью вашъ крѣпкій смѣхъ. Ну, да коли ужъ надоѣло и устали вы смѣяться, то слушайте! — разскажу, но изъ другой области.“

Всѣ придвинулись тѣснѣе, потому что знали и чувствовали, что разговоръ будетъ о безсмертномъ народномъ вождѣ, ихъ кумирѣ, Корниловѣ.

„Во время 1-го Кубанскаго (Ледяного) похода я былъ въ офицерской батареѣ. На одномъ изъ тяжелыхъ переходовъ нашихъ безконечныхъ мытарствъ, намъ особенно долго и упорно пришлось работать, чтобы загатить болотистую преграду черезъ камышъ, шириной саженъ сорокъ. Сначала прорубили узкій проходъ, затѣмъ вязали нѣчто въ родѣ фашинъ и, расширяя все болѣе и болѣе корридоръ для прохода артиллеріи и повозокъ съ ранеными, послѣ сверхчеловѣческихъ „корниловскихъ“ усилій, построили путь для движенія.

Мы обманули бдительность врага и, демонстрируя и распустивъ слухи о движеніи въ одну сторону, пошли совершенно въ другую. Необходимо было выйти изъ кольца, которымъ всегда и вездѣ большевики насъ окружали изъ-за громаднаго, подавляющаго численнаго превосходства, въ то время, какъ насъ была маленькая горсточка. Моя батарея должна была проходить послѣднею и я уже перевелъ три орудія, какъ сзади услышалъ шумъ, всплескъ воды и паденіе тяжелаго. Корниловъ, слѣдившій за переправой, какъ самый чуткій барометръ, кинулся туда, я за нимъ.

Послѣднее орудіе свалилось и загрязло въ болотѣ со всей запряжкой. Послѣ тяжелыхъ усилій вытащили лошадей, но съ орудіемъ ничего не могли сдѣлать, а близился разсвѣтъ. Тогда я обращаюсь къ Корнилову и говорю ему: „Позвольте, Ваше Превосходительство, остаться мнѣ при пушкѣ

одному.“ Онъ пытливо, глубоко, но ласково посмотрѣлъ и говоритъ: „Знаю... Не надо... — Вы останетесь только до тѣхъ поръ, пока разсвѣтетъ, а потомъ заберите лошадей, выньте замокъ и все цѣнное-нужное, испортите орудіе и догоните насъ. Храни васъ Богъ!“ — И исчезъ.

Со мной остались три ѣздовыхъ при лошадяхъ, и четыре номера, все молодежь, такіе же хорошіе, какъ и вы, зубоскалы. Я и говорю: „Господа, нѣсколько минутъ отдыха и давайте попробуемъ вытащить орудіе. Вѣдь, слишкомъ тяжелая и какая-то стыдная потеря. Я думаю, что у Корнилова гдѣ-то глубоко осталась надежда, что мы спасемъ орудіе и поэтому онъ оставилъ насъ здѣсь.“

Отъ страшной усталости, многихъ безсонныхъ ночей, я сѣлъ и забылся, и единственно помню, какъ откуда-то появился знакомый мнѣ казакъ-донецъ: крупный, съ большой бородой, но пѣшкомъ и еще я слышалъ, онъ сказалъ: „Никто тутъ Митрія не спрашивалъ?“ И какой-то голосъ отвѣтилъ: „А я, Сергѣй, вотъ и помоги намъ, станичникъ.“

Вопросъ былъ странный, но, да все равно: — мракъ надавилъ и я, сидя, уснулъ. Снится что-то неподобное. Митрій уже въ шеломѣ, въ стальныхъ доспѣхахъ распоряжается княжеской дружиной, да еще и шутитъ:„ Эй, говоритъ, пращники, что зазѣвались! Али чудно смотрѣть на диковинную нашу русскую машину — отродясь и при жизни такой не видали? Ну, живѣй, живѣй!“ Развѣвается большая борода, гремятъ стальные доспѣхи дружины, быстро и споро идетъ работа, — и пушка на этой сторонѣ гати. Князь и дружина побѣжали въ темноту и слышенъ говоръ: „Много еще будетъ работы впереди.“

А тутъ въ сторонкѣ, такъ въ полкамыша отъ моего мѣста стоитъ сѣденькій старичекъ-монахъ въ клобукѣ съ бѣлымъ крестикомъ; согнулся и только глаза горятъ, въ рукахъ крестъ святой, слезы капаютъ изъ глазъ, а крестомъ онъ благословляетъ туда, куда ушелъ Корниловъ, и губы его беззвучно шевелятся. Но вотъ и онъ сталъ расплываться и потонулъ въ туманѣ. Что-то загремѣло и я проснулся. „Господинъ капитанъ, вотъ ваша лошадь! Скорѣе, кажется близко большевики! Орудіе просто чудомъ вытащили и рѣшили васъ хоть нѣсколько минутъ не безпокоить.“

Я сейчасъ-же догналъ орудіе, приказалъ номерамъ сѣсть и пошелъ рысью къ отряду. Быстро нагналъ свою батарею въ арьергардѣ и подъ потокомъ нахлынувшихъ впечатлѣній разговорился со своими и удивленно спрашиваю: Какъ, Сергѣй Петровичъ, такъ быстро удалось вамъ вытащить орудіе? — „Просто чудо какое-то! Ну, да и Митрій этотъ самый намъ очень помогъ; вытащили въ нѣсколько минутъ.“

Я промолчалъ и оставилъ свою тайну при себѣ. Не успѣлъ я подѣлиться впечатлѣніями, какъ вижу Корнилова. Я кинулся къ нему доложить, но онъ сдѣлалъ жестъ ру-

ко́ю — „дескать, знаю“. И вдругъ впился куда-то въ даль, гдѣ загорѣлась заря, упорнымъ, сосредоточеннымъ, но озареннымъ взглядомъ. Казалось, что онъ видитъ какую-то волшебную панораму и старается запечатлѣть всѣ мельчайшія подробности этой дивной картины. Не поворачивая головы къ намъ, а все куда-то устремленный, онъ сказалъ:

„Спасибо вамъ, витязи древне-русскіе! —
Отъ вѣка и понынѣ вы дѣлаете свое великое русское дѣло.“

Красавецъ конь собрался въ комокъ и вдругъ порывистымъ броскомъ, какъ на стальныхъ пружинахъ, оттолкнулся отъ земли задними ногами и легко понесся впередъ.“

П. ПАДЧИНЪ. †

Сестрамъ милосердія, оставшимся съ ранеными въ ст. Елизаветинской.

Вмѣстѣ вы шли въ вашихъ бѣлыхъ косынкахъ,
И умирали за ближнихъ своихъ...
Съ кровью въ сердцахъ на кровавыхъ носилкахъ
Вы изъ подъ пуль выносили больныхъ...

* * *

Вмѣстѣ терпѣли лишенья и голодъ...
Вмѣстѣ вы мерзли въ „Походъ Ледяной“...
И, несмотря на усталость и холодъ,
Вы отвергали права на покой:

* * *

Вы бинтовали въ минуты приваловъ,
Вы обходили „тяжелыхъ“ въ пути...
Въ „дневкахъ“ дежурили вы неустанно...
И ужъ съ зарею опять вамъ итти...

* * *

Въ бой вы ходили, любовью влекомыя...
Съ марлей въ рукахъ и крестомъ на груди.
И, не теряясь, въ минуты тяжелыя
Брали винтовки и шли впереди...

***

Все вы сносили съ улыбкою свѣтлой,
И лишь болѣзненно-дѣтскій упрекъ
Въ томъ, что не въ силахъ вы вырвать у смерти,
Грустною тѣнью на очи вамъ легъ...

***

Такъ отдохните, хотя бы въ могилахъ...
Пусть будетъ легокъ покровъ вамъ земной,
Чистыя сердцемъ... богатыя силой,
Въ жизни вамъ вѣчной —„Вѣчный покой!“

Надежда ЗАБОРСКАЯ.

Характерныя особенности I Кубанскаго похода.

(Докладъ прочитанный 9 22 II — 25 г. въ Бѣлградѣ)

Собираясь иногда здѣсь, господа, ради воспоминаній о недавномъ пережитомъ прошломъ, мы не столько излагаемъ факты, которые всѣмъ намъ извѣстны, сколько подводимъ итоги. На разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ событія кажутся намъ понятнѣе, яснѣе, и выводы поучительнѣе. Они интересны намъ не только, какъ воспоминанія о дорогомъ прошломъ, но главнымъ образомъ, какъ урокъ на будущее.

Всѣмъ намъ памятны первые дни объявленія войны въ 1914 году. Въ тѣ дни Россія была объята тѣмъ воодушевленіемъ, внутреннимъ подъемомъ, который рѣдко и лишь въ исключительные моменты бываетъ въ жизни націй. Казалось, что вся страна, какъ одинъ человѣкъ, стала на защиту своей чести, своихъ интересовъ и національныхъ задачъ.

Чувствуя за собой такую единодушную поддержку и армія наша, Императорская армія, выступила въ походъ легко,

даже беззаботно, увѣренная въ своихъ силахъ. Оттого то мы легко переносили невѣроятное напряженіе первыхъ походовъ и боевъ и даже крупныя пораженія, постигшія насъ въ В. Пруссіи, казались намъ лишь мелкими неудачами, легко поправимыми.

Но воодушевленіе, порывъ, какъ сильныя чувства, скоропреходящи. Наступаютъ будни и жизнь съ ея обычными заботами входитъ въ свое русло. Такъ и въ данномъ случаѣ. Затяжная война предъявила фронту и тылу суровыя требованія. Для выполненія ихъ потребовались уже не моментальныя вспышки чувствъ, хотя бы самыхъ благородныхъ, а твердое сознаніе долга, необходимости самопожертвованія и дѣйственной, не ограничивающейся только красивыми словами, любви къ отечеству.

Старая армія наша, проникнутая дисциплиной и боевыми традиціями, выполняла свой долгъ въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ (т. е. до революціи). Сказывалась въ ней усталость, разочарованіе, были даже моральные кризисы, недовольство. Исторія показываетъ, что все это было и въ западно-европейскихъ арміяхъ и даже въ большей степени чѣмъ у насъ. Но тамъ государственные люди считали, что единственный выходъ — это дальнѣйшая борьба и побѣда во что бы ни стало. Средства къ ней — новое напряженіе и новыя жертвы. У насъ же полагали, что побѣды можно добиться при помощи внутреннихъ переворотовъ или революціи. И произошла такъ называемая „великая, безкровная".

Старые лозунги — долгъ, патріотизмъ были отброшены и выдвинуты новые — дѣлай что хочешь — грабь, ѣшь, пей, бѣги въ тылъ и т. п. Въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ старая армія наша, 200 лѣтъ строившая Россію и создавшая огромное, богатое государство, развалилась обратившись въ вооруженную, разбойничью толпу. Для всѣхъ стало ясно, что съ гибелью арміи погибнетъ и Россія.

При такихъ условіяхъ генералы — Алексѣевъ и Корниловъ рѣшили спасти Россію созданіемъ Добровольческой арміи, поставивъ на ея знамени брошенные Россійской толпой старые лозунги: долгъ, самопожертвованіе, безпредѣльная любовь къ отечеству и готовность отдать ему жизнь свою. Въ тотъ годъ всеобщаго безумія это были непріятные и скучные лозунги. Масса не могла пойти за ними, разъ противоположный лагерь предлагалъ ей грабить и жить въ свое удовольствіе. Большинство офицерства и часть нашей либеральной интеллигенціи сознавала, что другого выхода нѣтъ, что итти на призывъ нужно, но не легко перейти отъ желанія къ дѣлу — уйти отъ семьи, оставить родной уголъ, заслуженный отдыхъ послѣ долгаго пребыванія на фронтѣ и съ опасностью для жизни спѣшить куда то на Донъ, гдѣ призываютъ лишь къ выполненію долга, но мало или ничего не обѣщаютъ — ни денегъ, ни чиновъ, ни отличій. Не от-

того ли такъ мало собралось въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ подъ знаменемъ долга? Я знаю доблестный полкъ старой арміи, гдѣ 30 офицеровъ поклялись собраться на Дону подъ знаменемъ Корнилова, а явилось лишь 3. Гораздо легче было выполнять долгъ въ старой арміи, когда это награждалось, когда за нами стояла великая Россія, когда мы знали, что наши близкіе родные живутъ тамъ въ сравнительномъ достаткѣ и безопасности.

Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, съ ноября 1917 г. по 9 февр. 1918 г., длилась наша упорная и кровопролитная борьба. Но законы арифметики были противъ насъ. Существуетъ выраженіе одного изъ нѣмецкихъ стратеговъ: „если на каждой дорогѣ противъ васъ окажется тройное превосходство силъ противника, забудьте о военномъ искусствѣ, а часто и о доблести". Дѣйствительно, вы можете разбить противника въ одномъ, другомъ мѣстѣ, но не побѣдите на всѣхъ. Даже двойныя противъ васъ его потери увеличиваютъ его силы и уменьшаютъ ваши.

Этотъ арифметическій законъ вполнѣ сказался на насъ. Мы истекали кровью и 9-22 февраля 1918 г., ровно семь лѣтъ тому назадъ, должны были уйти изъ Ростова. Какія чувства и настроенія обуревали насъ въ тихій морозный вечеръ 9 февр. въ Ростовѣ? Мы погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что выступали съ воодушевленіемъ, порывомъ. Ихъ не могло быть. Гдѣ то глубоко въ душѣ шевелилось сознаніе, что мы деремся со своими же, съ нашими недавними братьями по оружію, нынѣ ослѣпленными, озвѣрѣлыми людьми, которыхъ уже нельзя убѣдить никакими словами въ ихъ преступленіяхъ противъ Родины. Одно лишь чувство долга и необходимости побуждало насъ бороться, а отсутствующее воодушевленіе замѣняла вѣра въ нашихъ вождей ген. Корнилова и Алексѣева, въ истину и правоту поднятыхъ ими лозунговъ.

Знали ли мы, куда идемъ и каковы будутъ дальнѣйшія задачи? Нѣтъ, не знали. Полагали, что про то знаетъ Корниловъ, не наше дѣло рѣшать эти вопросы. Лишь впослѣдствіи послѣ похода намъ стали извѣстны слова ген. Алексѣева: „Мы уходимъ въ степи; вернемся, если на то будетъ милость Божья. Но нужно зажечь свѣточъ, дабы была хоть одна свѣтлая точка среди охватившаго Россію мрака". Въ ст. Ольгинской 10 февраля съ большимъ волненіемъ собиралъ и подсчитывалъ я записки о численномъ состояніи нашихъ переформированныхъ частей. Оказалось 3100 штыковъ и сабель. Немного! Кромѣ нихъ около 1½ тыс. военныхъ и штатскихъ людей въ обозѣ, да 150 раненыхъ вывезенныхъ изъ Ростова. Указанное число не составляли только мы, добровольцы; въ него вошли и присоединившіеся многіе казаки, влекомые именемъ Корнилова.

Послѣ необходимыхъ переформированій мы выступили

въ походъ изъ станицы Ольгинской 14 февраля. На этотъ разъ мы уже знали, что идемъ на Кубань на соединеніе съ нашими единомышленниками и соратниками, Екатеринодарскими добровольцами и кубанцами. Первые бои, начиная съ Лежанки 21 февраля, казались легкими, словно мы совершаемъ военную прогулку. Наша маленькая армія, имѣвшая исключительно интеллигентный и офицерскій составъ, руководимая самыми выдающимися генералами старой русской арміи, относилась первое время даже пренебрежительно къ своему врагу. Но послѣ взятія ст. Кореневской (4 марта) и перехода арміи за Кубань, мы увидѣли тѣ особенности гражданской войны, которыя намъ до сихъ поръ были знакомы лишь частично.

Давно уже миновали для Руси времена татарскія, половецкія и турецкія, когда война велась не только противъ вооруженной арміи, но и мирнаго населенія, когда вырѣзывались женщины и дѣти, предавались мучительной смерти раненые и плѣнные.

Въ дни Великой войны, сражаясь на фронтѣ, мы знали, что въ случаѣ раненія о насъ позаботится Родина, даже противникъ подберетъ васъ и будетъ лечить. Мы могли смотрѣть только впередъ, чувствуя опору въ тылу и зная, что основныя правила гуманности все же исполняются и мы ведемъ войну, какъ культурные народы.

Здѣсь же за Кубанью мы вернулись къ временамъ Батыя. Всегда окруженные, хотя и плохо организованнымъ, но сильнѣйшимъ противникомъ, вынужденные вести войну на фронтѣ, въ тылу и на флангахъ, мы дрались подъ девизомъ — побѣда или смерть. Мы часто давали пощаду врагу, но сами ея не просили. Наши раненые, оставаясь подчасъ по суткамъ безъ перевязки за отсутствіемъ матеріаловъ или по причинѣ быстрыхъ маршей, стоически переносили тягчайшія физическія и моральныя страданія. Были дни, когда противъ насъ обрушивались стихіи природы. Таковъ памятный день 15 марта — нашъ Ледяной походъ, когда лишь нечеловѣческія усилія и находчивость а также личный примѣръ нашихъ генераловъ спасли насъ отъ замерзанія.

Путеводной звѣздой въ этотъ тяжелый 2-хъ мѣсячный переходъ намъ попрежнему служили: долгъ, любовь къ отечеству и вѣра въ нашихъ вождей. Но жертвенная смерть ген. Корнилова, казалось, убила и послѣдній стимулъ нашей борьбы. Мы были близки къ гибели, къ разсѣянію, но насъ удержало сознаніе нашего долга. Послѣ побѣды у ст. Медвѣдовской къ намъ вернулся поколебленный было духъ и столь же твердо, въ томъ же положеніи окруженія, мы продолжали борьбу по приказу новаго командующаго ген. Деникина, пока не вернулись на Донъ, къ Пасхальной заутренѣ 1918 г.

Матеріальные итоги нашего похода таковы: 80 дней

маршей, изъ коихъ 44 боя, 1050 верстъ пройденнаго пути. Потери: около 500 убитыхъ, 1500 раненыхъ, привезенныхъ въ нашемъ обозѣ; соединеніе съ отрядомъ ген. Покровскаго и увеличеніе поэтому нашихъ силъ почти вдвое.

Зажгли ли мы тотъ свѣточъ, о которомъ говорилъ ген. Алексѣевъ? Да, зажгли. Ибо, несмотря, на значительныя, часто искусственно создаваемыя съ разныхъ сторонъ, препятствія, къ намъ отовсюду потянулись русскіе офицеры и добровольцы. Къ нашему свѣточу, пройдя 1000-верстный путь, съ далекой Румыніи прибыли доблестные Дроздовцы. Въ іюнѣ 1918, мы въ составѣ 10.000 могли вновь выступить во второй походъ и пойти уже широкимъ фронтомъ для освобожденія Кубани.

Еще $2^1/_2$ года послѣ того продолжалась наша борьба. Зажженный нами свѣточъ то вспыхивалъ яркимъ пламенемъ, то тлѣлъ, то ярко пылалъ, освѣщая широкую Московскую дорогу, но неожиданно для насъ всѣхъ потухъ.

Среди многихъ и разнообразныхъ причинъ этого сложнаго явленія, которыя выяснитъ исторія, я отмѣчу лишь одну несомнѣнную, очевидную. Она вытекаетъ все изъ того же закона ариѳметики. Извѣстно ли вамъ, господа, что въ сентябрѣ 1919 г., въ періодъ нашихъ наибольшихъ успѣховъ на Орловскомъ направленіи, у насъ на 1000-верстномъ фронтѣ отъ Воронежа до Кіева насчитывалось всего лишь 20 тысячъ штыковъ и сабель, да къ тому же въ ихъ числѣ было не менѣе половины бывшихъ красноармейцевъ. То же число въ среднемъ насчитывала и наша Крымская армія. Не только русскій народъ не пошелъ въ массѣ за нами, но даже русскій интеллигентъ, вездѣ гонимый, сажаемый въ че-ка, разстрѣливаемый, предпочелъ быть жертвеннымъ животнымъ для экспериментовъ III интернаціонала, нежели итти къ намъ и взяться за оружіе. Онъ, этотъ обыватель, нарицательный Иванъ Иванычъ, не понялъ даже той простой истины, что гораздо легче умереть съ оружіемъ въ рукахъ въ открытомъ бою, нежели безоружнымъ въ чрезвычайкѣ, не говоря уже про то, что вѣдь въ бою далеко не всѣ бываютъ убиты. Вѣроятно, вамъ приходилось читать страшныя цифры убитыхъ и замученныхъ сов. властью? Среди нихъ есть лица всѣхъ профессій и сословій и наибольшее число падаетъ на крестьянъ. Если бы только одна десятая этихъ покойниковъ своевременно присоединилась къ намъ, то мы имѣли бы почти 200-тысячную армію и развѣ устояла бы тогда совѣтская власть?

Но не будемъ тревожить печальныхъ тѣней прошлаго. Русскій народъ даже слишкомъ наказанъ за свою пассивность и отказъ отъ старыхъ лозунговъ — чести и долга.

По случайному совпаденію, какъ разъ сегодня и въ этотъ часъ, въ большой залѣ Бѣлградскаго университета, многочисленное собраніе русскихъ людей чествуетъ память Петра

Великаго по случаю 200-лѣтія со дня его смерти. Легко и пріятно вспоминать ту блестящую эпоху, когда по выраженію поэта: „Россія молодая, въ бореньяхъ силы напрягая, мужалась съ геніемъ Петра“, когда, „перетерпѣвъ судебъ удары, окрѣпла Русь“ и очень тяжело переживать вновь тѣ недавнія событія, о которыхъ мы говорили здѣсь. Казалось бы, что между этими двумя эпохами ничего общаго, скорѣе полный контрастъ. На самомъ дѣлѣ я замѣчаю между ними идейное сходство.

Русскій народъ въ Петровскую эпоху, живя до того времени обособленно отъ остальной Европы, неохотно шелъ навстрѣчу Петровскимъ реформамъ. Онъ не понималъ ихъ, а часто даже былъ имъ враждебенъ. Петръ потребовалъ отъ русскаго народа большихъ трудовъ и жертвъ во имя долга и любви къ отечеству. И въ дальнѣйшемъ, русскіе императоры подъ тѣми же лозунгами въ продолженіи 200 лѣтъ строили Россію, пока она изъ маленькаго Московскаго царства не превратилась въ огромную, могущественную Имперію. Задача облегчалась тѣмъ, что въ народѣ сильна была идея царской власти и русскіе цари могли приказывать.

Мы видѣли, что генералы Алексѣевъ и Корниловъ подняли тѣ же Петровскіе, нынѣ брошенные лозунги для спасенія Россіи отъ надвинувшагося на нее еврейско-интернаціональнаго ига, которое, какъ теперь уже очевидно, пожалуй, хуже прежняго татарскаго. Но приказывать уже наши вожди не могли, они могли лишь призывать. На ихъ призывъ откликнулись немногіе. Въ этомъ наша трагедія и въ этомъ урокъ на будущее.

Напрасно думаютъ, что Россія спасется такъ называемымъ эволюціоннымъ путемъ, т. е. жизнь сама по себѣ наладится, войдетъ въ свою колею. Она уже вошла, но это колея смерти. Разрушеніе продолжается во всѣхъ сферахъ жизни и будетъ продолжаться пока у власти III интернаціоналъ. Онъ будетъ сброшенъ только оружіемъ — т. е. возобновленіемъ гражданской войны. Она можетъ быть успѣшной лишь подъ тѣми лозунгами, которые были подняты генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ.

Когда русскій народъ одумается и вернется къ брошеннымъ въ 1917 г. столь преступно и легкомысленно лозунгамъ чести, долга, самопожертвованія во имя Родины, когда онъ пойметъ, что мы жертвовали жизнью за его благо, а не ставили себѣ личныхъ цѣлей, когда, наконецъ, онъ найдетъ въ себѣ мужество и волю подняться, какъ въ 1917 г. поднялись мы, тогда лишь восторжествуютъ наши идеи, наши лозунги, съ которыми мы выступили въ походъ 9 февр. 1918 года. Тогда только будетъ спасена Россія. Въ противномъ случаѣ ее спасутъ иностранцы, но спасутъ для себя.

И. ПАТРОНОВЪ.

Смутные дни на Кубани.

Въ настоящемъ очеркѣ, я постараюсь дать краткій обзоръ событій на Кубани въ концѣ 1917 и начала 1918 г. г., предшествовавшихъ выходу Кубанскаго Правительственнаго отряда на соединеніе съ Добровольческой арміей въ 1 Куб. походъ, а равно и того, что происходило въ 1 походѣ до соединенія Кубанцевъ съ Арміей ген. Корнилова.

Октябрскій переворотъ совершился. Волна большевизма начала заливать Россію. Она докатилась и до богатаго и спокойнаго до сего времени края — Кубани. Кубанское казачество, исторически сложившееся въ стойкое военное сословіе, отнеслось къ новому перевороту весьма различно. Укладъ казачьей жизни въ станицахъ, служба внѣ границы своего родного края и наконецъ традиціи, передаваемыя отъ дѣдовъ къ отцамъ и отъ отцевъ къ сыновьямъ, выкованныя 60 лѣтней суровой борьбой въ годы покоренія Кавказа, сдѣлали казаковъ менѣе воспріимчивыми къ ученію большевизма и болѣе консервативными, чѣмъ крестьянская масса Россіи. Казаки, какъ собственники иногда весьма значительныхъ земельныхъ надѣловъ, въ массѣ своей оказались менѣе воспріимчивы къ идеологіи большевизма, нежели крестьяне у которыхъ аграрный вопросъ стоялъ довольно остро. Вторая часть коренного населенія Кубанской области — горцы, еще крѣпче хранили свой старый жизненный укладъ, основанный на глубокомъ уваженіи къ старикамъ и вѣрности крѣпкимъ устоямъ семьи.

Наконецъ третья основная часть населенія Кубани — иногородніе, у которыхъ земельный вопросъ былъ разрѣшенъ далеко не въ ихъ пользу, болѣе легко приняли большевизмъ, который былъ для нихъ пріемлемъ уже по одному тому, что онъ несъ съ собой перспективы уравненія въ правахъ на землю съ казаками, т. е. разрѣшеніе того больного вопроса, который создавалъ вѣчное недовольство иногороднихъ, исконн добивавшихся полныхъ правъ на Кубани.

Молодежь — казаки фронтовики легко поддались тлетворнымъ идеямъ большевизма и это послужило причиной очень тяжелой борьбы, начавшейся между „отцами и дѣтями", по возвращеніи молодыхъ казаковъ въ родныя станицы, борьбы, которая иногда доходила до взаимной глубокой вражды, порой даже до пролитія родственной крови. Къ лѣту 1917 г. Кубань управлялась Войсковымъ Правительствомъ и Радой. Къ октябрю порядокъ управленія Краемъ немного измѣнился. 25 окт. былъ выбранъ Атаманъ Кубанскаго войска полк. А. П. Филимоновъ (Военный Юристъ). Во главѣ Войскового Правительства всталъ быв. гор. голова г. Баку Л. Л. Бычъ, (с. р.). Рада (Краевая) возглавлялась Рябоволомъ. Надо здѣсь

отмѣтить, что какъ въ Краевую Раду, такъ и въ Раду законодательную на паритетныхъ началахъ входили и иногородніе. Въ это время, съ кавказскаго фронта на Кубань прибывали делегаты отъ строевыхъ частей. Наказы привозимые ими въ тѣ времена клонились къ поддержанію порядка на Кубани, эти наказы и давали твердость существованія Правительства. Однако постепенно съ охватомъ большевизмомъ фронтовъ, тонъ и смыслъ этихъ наказовъ сильно измѣнился. Команд. Кавк. фронтомъ ген. Пржевальскій, отсылая съ фронта ненадежныя части, направлялъ ихъ зачастую на Кубань. Тщетны были просьбы Атамана и Правительства. Желаніе избавиться отъ будирующаго элемента всетаки заставляло ген. Пржевальскаго направлять части въ тылъ, т. е. на Кубань. Старики въ станицахъ, встрѣчая прибывающихъ съ фронта сыновъ, боролись съ тѣмъ вліяніемъ, которое молодежь несла съ собой. Но если эта борьба иногда въ семьѣ и была успѣшна, то во всякомъ случаѣ казачьи части, какъ таковыя въ цѣломъ, существовать не могли, они растекались по станицамъ.

Офицерство съ разваливающихся фронтовъ тоже стекалось на Кубань. Уже у многихъ возникала мысль объ организаціи отрядовъ для борьбы съ надвигающимися большевиками, но нерѣшительность Правительства и Рады, которыя подчасъ не могли отступить отъ принциповъ непротивленія, создавала атмосферу шаткости всего положенія въ краѣ.

Многіе изъ прибывающихъ офицеровъ, разочаровавшись въ возможности выступленія противъ большевиковъ, покидали Кубань. Два раза пріѣзжалъ съ Дона генералъ М. В. Алексѣевъ. Но и въ его рѣчахъ звучали порой грустныя ноты. Онъ говорилъ, что Россія гибнетъ и казачество должно отстоять свои области и дать основу, откуда началось бы освобожденіе нашей Родины.

Власти Правительство фактически не имѣло. Распоряженія Войскового Атамана не выполнялись. Казаки изъ распропагандированныхъ на фронтѣ частей, растекаясь по станицамъ, естественно были постоянно будирующимъ элементомъ на мѣстахъ. Попытки Правительства и есаула Савицкаго, стоявшаго во главѣ военнаго вѣдомства Кубани, вліять на прибывающія части — успѣха не имѣли, а надежды на вліяніе стариковъ далеко не оправдались. Съ другой стороны, боязнь лѣвыхъ круговъ Рады удерживала Правительство отъ организаціи отрядовъ для борьбы съ большевизмомъ. Жупель „контръ-революціи“ и здѣсь игралъ не второстепенную роль. Наиболѣе важные желѣзнодорожные пункты оказались занятыми распропагандированными „контрольными ротами“, и зараза большевизма безпрепятственно разливалась по Кубани. Къ концу октября*) Екатеринодаръ началъ наполнять-

*) Всѣ даты и численный составъ частей въ настоящемъ очеркѣ взяты изъ документовъ, находящихся у быв. Кубанскаго Войскового Атамана генералъ-лейтенанта А. П. Филимонова.

ся подозрительнымъ элементомъ, что въ связи съ находящимися въ городѣ вооруженными запасными частями, настроенными весьма тревожно, создавало опасеніе открытаго выступленія большевиковъ. Это все заставило подумать о разоруженіи зап. частей; въ ночь на 31 октября юнкерами Казачьяго Военнаго училища и 80 казаками конвоя Атамана былъ разоруженъ Запасный артиллерійскій дивизіонъ. Люди дивизіона были распущены. 29 ноября состоялось назначеніе начальника для формированія отрядовъ для поддержанія порядка въ Краѣ. Таковымъ на правахъ Командующаго Арміей былъ назначенъ ген. маіоръ Черный. Одновременно весьма популярному по великой войнѣ полк. С. Улагаю было поручено формированіе партизанскаго отряда. Однако послѣдняго сформировать не удалось. 29-го же ноября былъ созданъ и Полевой штабъ команд. войсками, принявшій на себя оперативныя функціи. Войсковой штабъ оставилъ за собой функціи мобилизаціонныя.

Положеніе въ Краѣ становилось все тревожнѣе. Станицы постепенно охватывалъ большевизмъ. Въ важномъ для насъ центрѣ, ст. Гулькевичи, появился весьма популярный среди населенія, состоящаго почти исключительно изъ иногороднихъ, комиссаръ Никитенко. Этотъ послѣдній пригласилъ къ себѣ и ярко большевицкую часть — 39 пѣх. дивизію, которая впослѣдствіе создала серіозную угрозу Правительству Кубани.

Работа Никитенко скоро сказалась. На хут. Романовскомъ былъ разгромленъ винный складъ. Погромъ, носившій кошмарный характеръ, длился нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ все населеніе окрестныхъ станицъ было пьяно. И въ этомъ пьяномъ разгулѣ цѣлаго раіона погибло не мало жизней.

9-го января генералъ Черный подалъ въ отставку, на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Букретовъ, извѣстный лишь своей демагогіей. Однако онъ весьма недолго оставался на должности Команд. войсками. Уже 17 января онъ заявилъ, что не видитъ возможности продолжать работу и отказался служить далѣе. Вмѣсто него 17 янв. временно былъ назначенъ ген. м. Гулыга.

Наконецъ Куб. Правительство рѣшило сформировать нѣсколько добровольческихъ отрядовъ для поддержанія порядка въ краѣ и борьбы съ надвигающимися большевиками. 6 декабря закончилъ формированіе перваго отряда (сначала 125 шт., позже 350 чел. 2 оруд. и 6 пул.) Войсковой Старшина Галаевъ. Галаевъ это одна изъ самыхъ яркихъ фигуръ того времени. Глубоко честный, скромный, вдохновенно-идейный борецъ за національную Россію, онъ не дожилъ до лучшихъ дней. Судьбѣ угодно было, чтобы Галаевъ погибъ въ первомъ же бою во главѣ своего отряда. Позднѣйшія событія на Кубани заслонили дѣятельность этого блестящаго офи-

цера, который вмѣстѣ со своими помощниками, ничего не ища для себя, отдалъ свою жизнь за родину.

2 января сформировался и второй отрядъ (около 200 чел., позже 350 чел. 2 орудія 4 пул. — позже еще 2 орудія), во главѣ котораго сталъ воен. летчикъ кап. В. Л. Покровскій, сыгравшій впослѣдствіе очень крупную роль въ борьбѣ на Кубани. Энергичный, безусловно талантливый организаторъ, онъ дожилъ до лучшихъ дней и погибъ славной смертью на чужбинѣ въ Болгаріи, продолжая неослабно бороться съ краснымъ врагомъ даже тогда, когда изъ рукъ русской Арміи выпало оружіе. Войск. Атаманъ снабдилъ оба эти отряда средствами выдавъ имъ по 100 тыс. руб. Составъ отрядовъ былъ преимущественно офицерскій, какъ изъ офицеровъ регулярныхъ частей, такъ и казачьихъ.

Съ появленіемъ отрядовъ мѣстные большевики какъ будто бы притихли. Однако внутренняя ихъ подготовка продолжалась. Это заставило кап. Покровскаго, предупрежденнаго о готовящемся выступленіи въ городѣ сторонниковъ совѣтской власти, въ ночь съ 6 на 7 янв. произвести рядъ арестовъ на окраинѣ города, среди главарей готовящагося выступленія. 8-го отрядъ Покровскаго быстро и безъ инцидентовъ разоружилъ и распустилъ по домамъ 233 Донскую дружину Госуд. ополченія (до 2000 ч.), представлявшую угрозу своимъ внутреннимъ настроеніемъ. Мѣстные большевики опустили головы.

15 янв. Покровскій дѣлаетъ неожиданный налетъ на ст. Тимашевку, Черном. Куб. ж. д. Партизаны захватили революціонный комитетъ во главѣ съ комиссаромъ Хачатуровымъ. Отрядъ кромѣ того разооружилъ на станціи нѣсколько большевицкихъ эшелоновъ, но былъ обстрѣлянъ пластунами, стоявшими въ станицѣ.

Къ срединѣ января обстановка сложилась слѣдующимъ образомъ: въ Новороссійскѣ образовалась очень большая группа большевиковъ, во главѣ ихъ стоялъ Предс. Воен. Рев. Ком. быв. юнкеръ Владимірскаго воен. училища — Яковлевъ. Въ Тихорѣцкомъ раіонѣ организація красной гвардіи; самъ Тихорѣцкій узелъ занятъ 39 пѣх. дивиз. Кавказскій узелъ занимался также красной гвардіей во главѣ съ тов. Никитенко. Тимашевскій узелъ тоже послушно выполнялъ директивы большевиковъ. За Кубанью столкновенія черкесовъ съ распропагандированными иногородними-крестьянами.

Связь съ Дономъ къ этому времени прервалась. Высланный на Кубань отрядъ кап. Беньковскаго, съ трудомъ пробравшійся на ст. Тимашевку, былъ измѣннически разоружен при содѣйствіи полковника Феськова. Люди отряда, въ отношеніи которыхъ Феськовъ нарушилъ слово офицера, вмѣсто Екатеринодара были отправлены въ Новороссійскъ, гдѣ посажены въ тюрьму и освобождены лишь значительно позднѣе начала похода. Покровскій сдѣлалъ вто-

ричио налетъ на Тимашевскую, однако результатовъ никакихъ не давшій.

Формированіе отрядовъ продолжалось. Тѣмъ временемъ создалась батарея есаула Корсуна (2 орудія и 10 чел. прислуги, позже еще 2 взвода по 2 ор.). Окончилъ формированіе смѣшаннаго отряда и полк. С. Улагай. Однако все ухудшающееся положеніе въ Краѣ заставило думать о болѣе широкомъ привлеченіи добровольцевъ въ отряды. 20 января въ помѣщеніи Войскового хора было созвано собраніе всѣхъ офицеровъ, находящихся въ Екатеринодарѣ. Первымъ говорилъ полк. Демяникъ (быв. командиръ 154 пѣх. Дербендскаго полка — природный казакъ). Его рѣчь произвела впечатлѣніе глубоко безнадежнаго положенія въ Краѣ. Онъ не видѣлъ иного выхода изъ положенія, какъ сложить оружіе и не противиться грядущему злу. Совершенно иначе прозвучала пламенная рѣчь Ген. Квартирм. Полевого штаба ген. шт. полковн. Н. П. Лесивицкаго. Лесивицкій призвалъ русское офицерство поднять оружіе противъ врага, его вдохновенныя слова всколыхнули пріунывшее офицерство. Началась запись въ отрядъ, во главѣ котораго всталъ Лесивицкій (800 чел. 2 ор. 4 пул.).

Нельзя не остановиться на личности этого блестящаго офицера. Это былъ человѣкъ отлично сознававшій тяжесть создавшагося положенія. Георгіевскій кавалеръ за великую войну, Лесивицкій своимъ порывомъ влилъ новыя силы въ души своихъ добровольцевъ. И всѣ его знавшіе, горячо любившіе его соратники, не разъ со скорбью вспомнятъ своего начальника, столь трагически погибшаго вскорѣ послѣ оставленія Екатеринодара. Больной полк. Лесивицкій былъ арестованъ въ м. Горячій Ключъ и по приказу большевиковъ зарубленъ своимъ адъютантомъ, слѣдомъ за этимъ также разстрѣляннымъ.

Большевики, накопившись силами до 4.000 въ г. Новороссійскѣ, рѣшили наконецъ уничтожить гнѣздо контръ-революціи г. Екатеринодаръ. Эшелонами они двинулись по жел. дор. и 22 января у ст. Энемъ произошелъ первый бой, стоившій добровольцамъ небольшихъ, но тяжелыхъ потерь. Небольшія силы добровольцевъ раздѣлились: войск. ст. Галаевъ занялъ полотно жел. дороги, передъ мостомъ черезъ р. Чибій, кап. Покровскій двинулся въ обходъ праваго фланга большевиковъ. Врагъ отчаянно атаковалъ в. ст. Галаева, но всѣ атаки были отбиты. Когда же Покровскій повелъ наступленіе въ тылъ большевиковъ — участь боя была рѣшена. Матросы, составившіе ядро большевицкихъ отрядовъ, бѣжали. Однако въ этомъ бою были убиты доблестные войсковой старшина Галаевъ и женщина-прапорщикъ Татьяна Бархашъ, цѣной своей жизни заплатившая за свой безумный подвигъ. При отбитіи большевицкихъ атакъ, въ критическій моментъ она вытащила пулеметъ на открытое мѣсто и

огнемъ въ упоръ остановила уже ворвавшихся на мостъ большевиковъ.

Вставшій во главѣ обоихъ отрядовъ, кап. Покровскій, въ ночь на 24, рѣшилъ захватить ст. Георгіе-Афипскую. Офицерскій отрядъ внезапнымъ налетомъ овладѣлъ жел. дор. мостомъ у станціи, и отрядъ Покровскаго, послѣ штыкового боя при освѣщеніи станціонныхъ фонарей, овладѣлъ станціей. Спѣшившіе на помощь врагу эшелоны потерпѣли крушеніе и попали въ руки Покровскаго. Въ этихъ бояхъ были убиты у большевиковъ комиссары Яковлевъ и Сарадзе. Новороссійская группа была разгромлена. Трофеи добровольцевъ были очень велики.

26 янв., оставивъ въ ст. Афипской заслонъ 80 чел., подъ командой войск. ст. Чекалова, Покровскій вернулся въ Екатеринодаръ. Правительство и городъ встрѣтили его цвѣтами. Покровскій былъ произведенъ въ полковники.

Къ этому времени Командованіе выработало планъ наступленія, сводившійся къ захвату ст. Кавказской и затѣмъ Тихорѣцкой. На кавказское направленіе (Усть-Лаба) былъ вызванъ отрядъ полк. Лесевицкаго, на Тихорѣцкую (Выселки) — Покровскій. На тимашевское направленіе двинулся отрядъ кап. Раевскаго, въ которомъ былъ Чл. Гос. Думы Бардижъ, имѣвшій задачу поднять казачество Черноморья.

Однако плану Командованія не суждено было осуществиться. Столкновенія съ противникомъ не дали быстрой побѣды. Полк. Покровскій, указывавшій, какъ на мѣру способную придать энергію отрядамъ, на смѣну Ком. войск. ген. Гулыгу, лицомъ болѣе энергичнымъ, былъ назначенъ 14 февр. на этотъ постъ.

При обсужденіи кандидатовъ на должность Ком. войсками были выставлены 3 кандидата: ген. Эрдели, полк. Лесевицкій и полк. Покровскій. Ген. Эрдели отказался и указалъ на Покровскаго, тоже гласило и письмо Лесевицкаго на совѣщаніе не прибывшаго. Поддержанный Предс. Рады Рябоволомъ и Предс. Правит. Бычемъ, Покровскій былъ назначенъ Ком. войск., увѣренно выразившій надежду, что Край будетъ имъ спасенъ.

16 февраля у Выселокъ произошелъ неудачный для насъ бой, едва не окончившійся катастрофически. Виной неудачи было неожиданное энергичное наступленіе противника и доходившее до преступности небрежное наблюденіе за врагомъ съ нашей стороны. Отрядъ быв. Покровскаго откатился. Большевики начали энергично подвигаться съ тихорѣцкаго направленія. Выяснялось съ очевидностью, что Екатеринодара намъ не удержать. 22 февр. во дворцѣ Атамана было собрано совѣщаніе, на которомъ присутствовали: полк. Филимоновъ, ген. Эрдели, полковники Покровскій, Науменко, Косиновъ, Галушко, Успѣнскій, Кузнецовъ, Мальцовъ, Раншиль, Ребдевъ, Султанъ Келечъ Гирей, есаулъ Савицкій, члены Правит. и

Рады Рябоволъ, Бычъ, Каплинъ, Паша Бекъ, Долгополовъ и Бардижъ. Послѣ обсужденія данныхъ нѣсколькихъ направленій, по которымъ отряды могли бы уйти дабы переждать теченіе большевизма и въ то же время соединиться съ ген. Корниловымъ, о которомъ было лишь извѣстно, что 9 февр. онъ изъ Ростова двинулся на югъ, совѣщаніе остановилось на планѣ движенія вдоль главнаго хребта въ направленіи на Баталпашинскъ. Между тѣмъ отходъ отрядовъ на фронтахъ продолжался. Добровольцы уставшіе морально и физически, не имѣя теплой одежды, не пополняемые при потеряхъ, не могли противостоять большевикамъ, къ которымъ прибывали свѣжія силы во много разъ превосходившія наши слабые отряды.

25 февр. полк. Покровскій собралъ въ зданіи 1 реальнаго училища всѣхъ военнослужащихъ Екатеринодарскаго гарнизона. Послѣ рѣчи, въ которой онъ съ глубокимъ трагизмомъ обрисовалъ положеніе на фронтахъ, гдѣ раненые стрѣлялись, чтобы не попасть въ руки врага, Покровскій приказалъ собравшимся составить сотни и двинуться на фронтъ. Не къ чести многихъ надо сказать, что до позицій дошло около половины мобилизованныхъ въ городѣ.

Въ послѣдующемъ бою подъ ст. Лорисъ мы не могли оказать серьезнаго сопротивленія. Большія силы красныхъ глубоко обошли нашъ лѣвый флангъ. Командованіе приказало отрядамъ стягиваться. 28 февраля части, Правительство, Атаманъ и Рада выступили изъ города. Послѣднимъ, въ 2 часа ночи, черезъ станцію прошелъ нашъ бронепоѣздъ.

Въ теченіе 1 марта вышедшіе изъ города, сдѣлавъ короткій привалъ въ аулѣ Тахтамукай, сосредотачивались въ аулѣ Шенжій. Здѣсь всѣ части были собраны и реорганизованы. Въ окончательномъ видѣ отрядъ составился слѣдующій:

1 стрѣлк. полк. (Подполк. Туненбергъ) 1.200 шт. (изъ нихъ 700 офицер. 400 юнкеровъ и 100 казаковъ), при полку пулеметная команда 4 пул. и 60 чел. прислуги.

2-хъ орудійная батарея (Есаулъ Корсунъ) 10 чел. прислуги и 2 взвода 2-хъ орудійнаго состава.

Черкесскій кон. полкъ. 2 сотни — 600 чел. и 4 пулем.

Кон. отр. (Полк. Кузнецовъ) — 100 чел.

Кон. отр. (Полк. Демяникъ) — 50 чел. офицеровъ.

Отрядъ Полк. С. Улагая — 50 чел. пѣхоты и 50 чел. кавалер. (изъ 100 чел. всего отряда — 85 офицеровъ), 2 пулемета.

Кубанская дружина (Полк. Образъ) по охранѣ банка — 65 чел.

Эта послѣдняя часть охраняла двуколки съ серебромъ, которое было вынуто изъ Екатеринод. Отдѣл. Госуд. банка.

Эти деньги съ трудомъ согласился реквизировать Предсѣдатель Правительства Бычъ и то лишь размѣнную монету.

3 марта отрядъ перешелъ въ станицу Пензенскую.

6 марта, ввиду полученія свѣдѣній о движеніи Корнилова къ Екатеринодару — было рѣшено идти ему на соединеніе, форсировавъ Кубань у ст. Пашковской. Пройдя мимо аула Шенжій, къ ночи на 7-е авангардъ отряда (ком. батал. 1 Куб. стр. полка полк. Крыжановскій) захватилъ паромъ на Кубани у аула Дворянскаго, переправился на правый берегъ и закрѣпился на немъ. Однако отряду дальше продвинуться не удалось. Оставленный въ Шенжіѣ для демонстраціи отрядъ полк. Кузнецова, 9-го былъ внезапно, на разсвѣтѣ, атакованъ большевиками. Отрядъ началъ отходить въ сторону обратную нахожденію главныхъ силъ. Позже часть отряда присоединилась къ главнымъ силамъ, а остальная часть отряда ушла въ горы.

9 марта было собрано совѣщаніе у Атамана, рѣшившее оставить мысль о переправѣ черезъ Кубань и двигаться въ Баталпашинскій отдѣлъ. Въ ночь отрядъ двинулся на аулъ Гатмукай. По дорогѣ мы наткнулись на трупы нашихъ офицеровъ, посланныхъ на поиски ген. Корнилова. Ихъ зарубили черкесы принявъ за большевиковъ.

Берегъ р. Псекупсъ, къ которому подошелъ нашъ отрядъ, оказался занятый красными. Бой до вечера не далъ никакихъ результатовъ. Огнестрѣльные припасы таяли, настроеніе бойцовъ упало. Сказывалась и сильная физическая усталость.

Въ ту же ночь (10 ч. веч. 10 февр.), уничтоживъ радіостанцію и лишнія повозки, отрядъ двинулся въ направленіи на ст. Калужскую. 11 февр. у дороги Шенжій-Пензенская мы вновь наткнулись на красныхъ. Двигаясь впередъ авангардъ ввязался въ бой. У большевиковъ оказалась артиллерія и мало по мало весь нашъ отрядъ влился въ боевыя цѣпи. Полк. Туненбергъ, руководившій боемъ, двинулъ въ огонь послѣдніе резервы, но атаки красныхъ тѣснили наши уставшія и слабыя числомъ части. Въ рѣшающій моментъ полк. С. Улагай по личной инициативѣ атаковалъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ красныхъ, выйдя имъ во флангъ. Одновременно на правомъ флангѣ атаковалъ врага и полк. Косиновъ со своей конницей. Въ обозѣ полк. Филимоновъ поднялъ „сполохъ". Всѣ способные носить оружіе двинулись цѣпями къ боевой линіи, производя впечатлѣніе густыхъ резервовъ. Старики и всѣ кто могъ двигаться шли въ этихъ цѣпяхъ. Шли братья генералы Карцевы, шелъ Предс. Думы Родзянко, шелъ Бычъ и члены Рады, впервые взявшіе оружіе въ руки. Атака полк. Улагая рѣшила участь боя. Большевики дрогнули и покатились назадъ. Въ это время прискакали черкесы изъ Шенжія сообщившіе, что Корниловъ подходитъ къ аулу. Извѣстіе быстро распространилось по отряду. Поднялся духъ

измученныхъ бойцовъ, укрѣпилась рѣшимость, свѣтлѣе стали горизонты.

12-го мы заняли ст. Калужскую. Отрядъ сталъ на отдыхъ.

14-го, произведенный въ генералы Покровскій вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба полк. Науменко выѣхали для свиданія съ ген. Корниловымъ въ аулъ Шенжій. Конвой, состоящій изъ черкесской конной сотни, сопровождалъ Покровскаго.

Получивъ отъ ген. Покровскаго объясненія, ген. Алексѣевъ изложилъ основные пункты соглашенія между Кубанцами и Добровольческой Арміи.

1) Упраздненіе Правительства и Рады.
2) Подчиненіе Атамана Командующему Добр. Арміи.
3) Немедленное вступленіе Кубанцевъ въ составъ Добровольческой Арміи.

Покровскій не могъ дать безъ извѣщенія Атамана и Правительства отвѣта на эти вопросы.

Ген. Корниловъ поздоровался съ конвоемъ, черкесы прокричали ему ура и Покровскій вернулся въ Калужскую.

Я не буду останавливаться на описанныхъ уже въ литературѣ: походѣ, бояхъ за ст. Ново-Дмитровскую — „ледяной походъ".

7 марта, въ этой станицѣ, въ моментъ боя, состоялось совѣщаніе на которомъ присутствовали: генералы Корниловъ, Алексѣевъ, Деникинъ, Эрдели, Романовскій, Покровскій, Гулыга, полк. Филимоновъ, Бычъ, Рябоволъ, Султанъ Тахимъ-Гирей (представитель горцевъ). На этомъ совѣщаніи было подписано слѣдующее соглашеніе:

1) Ввиду прибытія Добров. Арміи въ Кубанскую область и осуществленія ею тѣхъ же задачъ, которыя поставлены Кубанскому Правительственному отряду, для объединенія всѣхъ силъ и средствъ, признается необходимымъ переходъ Кубан. Правит. отряда въ полное подчиненіе генер. Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряды, какъ это будетъ признано необходимымъ.
2) Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Войсковой Атаманъ продолжаютъ свою дѣятельность, всемѣрно способствуя мѣропріятіямъ Командующаго Арміей.
3) Командующій Войсками Кубанскаго Края съ Начальникомъ Штаба отзывается въ составъ Правительства для дальнѣйшаго формированія Кубанской Арміи.

Такъ произошло соединеніе о которомъ мечтали всѣ поднявшіе знамя борьбы на Кубани. И ставъ плечо къ плечу съ Добровольцами, Кубанцы двинулись „за Родиной" въ степи Кубани.

Пусть наша „Бѣлая идея“ временно не одержала побѣды, пусть мы покинули родные края, но хочется вѣрить, что жертвы, принесенныя красному Молоху не напрасны.

Придутъ иные времена: вернутся изгнанники въ свое разрушенное отечество, бережно перенесутъ на родную землю прахъ Основателя Добровольческой Арміи Генерала М. В. Алексѣева, отдавшаго свои силы и жизнь за прекрасную мечту о Великой Россіи. Могилы бойцовъ, начиная отъ высокаго берега Кубани, на которомъ стоялъ крестъ, на мѣстѣ пролитой крови великаго русскаго патріота Генерала Л. Г. Корнилова и кончая могилами неизвѣстныхъ героевъ, павшихъ въ походѣ, дождутся лучшихъ временъ. Ихъ скромные кресты украситъ благодарная рука опомнившихся сыновъ безумной пока еще отчизны, а капли пролитой крови дадутъ богатые всходы и принесутъ прекрасную жатву имя которой любовь къ Родинѣ, патріотизмъ и самопожертвованіе.

К. Н. НИКОЛАЕВЪ.

Колонія Гнаденау.

За весь свой многострадальный походъ ни разу маленькая армія добровольцевъ не была въ такомъ критическомъ положеніи, какъ 2-го апрѣля 1918 года во время остановки своей въ колоніи Гнаденау. Къ чисто внѣшнимъ, зависѣвшимъ отъ врага, обстоятельствамъ присоединились и такія, которыя могли повести къ внутреннему разложенію и къ подрыву единственной дѣйствительной силы арміи — ея нравственной стойкости.

Хотя добровольцы привыкли къ казалось бы безнадежнымъ для нихъ обстоятельствамъ, не разъ выходя изъ нихъ побѣдоносно, не только къ изумленію большевиковъ, но и къ собственному не малому удивленію, но все же такой подавляющей и грозной обстановки не бывало за весь походъ.

Въ четырехъ дневномъ бою подъ Екатеринодаромъ армія первый разъ не достигла цѣли боя. Нельзя назвать это пораженіемъ. Части не были разстроены и не перемѣшались; послѣдній крупный эпизодъ боя, — вполнѣ удачная, хотя и очень дорого стоившая ей, атака конницы на обходящія массы большевиковъ — прикрыла отходъ пѣхоты. Но отъ послѣдней оставалась едва одна треть ея состава. На всю армію оставалось около 50 артиллерійскихъ и немного ружейныхъ патроновъ въ подсумкахъ. Армейскій артиллерійскій паркъ былъ совершенно пустъ.

И превыше всего, давя на душу каждаго бойца, стояли ужасъ и горе потери любимаго вождя. Смерть Корнилова какъ бы погасила путеводную звѣзду арміи.

Неудача штурма не подорвала довѣрія къ себѣ добровольцевъ и не повысила ихъ мнѣнія о боевыхъ достоинствахъ врага, самый фактъ многодневнаго боя въ упоръ съ врагомъ буквально въ десять разъ сильнѣйшимъ говорилъ не въ пользу послѣдняго. Но въ Гнаденау армія попала въ тѣсный треугольникъ желѣзныхъ дорогъ съ многочисленными бронепоѣздами и эшелонами большевистскихъ войскъ. Какъ пробиться изъ этой ловушки безъ снарядовъ, таща за собой обозъ около 1.000 повозокъ, по большей части наполненный ранеными друзьями и соратниками? Куда бы добровольцы ни направились, поѣзда всегда успѣютъ предупредить ихъ на жел. дорогѣ.

Послѣ 50-ти верстнаго перехода и короткаго, но злого боя у станицы Андреевской, усталыя, голодныя части арміи подходили къ переправѣ черезъ болотистую и по всему теченію запруженную степную рѣчку Папыри. По южному берегу ея тянулись богатые хутора съ садами, на сѣверномъ берегу, верстахъ въ 5 въ сторонѣ отъ переправы, виднѣлась нѣмецкая колонія Гнаденау. Туда приказано было идти на ночлегъ пѣхотѣ съ ея артиллеріей и всѣмъ обозамъ; конница осталасьб ольшей частью на лѣвомъ берегу, составивъ арьергардъ арміи и выславъ разъѣзды по разнымъ направленіямъ. На южномъ же берегу на хуторѣ у самой переправы остался ночевать Верховный Главнокомандующій генералъ Алексѣевъ и по его примѣру остались Кубанскій Атаманъ ген. Филимоновъ и генералъ Покровскій со своими конвоями. Хутора были совершенно пусты. Жители, поголовно изъ иногороднихъ, были на сторонѣ большевиковъ и теперь бѣжали съ семействами, напуганные разсказами агитаторовъ о мнимыхъ звѣрствахъ кадетъ, какъ они называли добровольцевъ. Оставшіяся куры, гуси и утки конечно дѣйствительно пали жертвой этихъ звѣрствъ. Хутора эти отстоятъ отъ Екатеринодара немногимъ болѣе 50 верстъ; готовясь къ недалекой уже Пасхѣ, жители наполнили свои амбары и кладовыя всякими припасами, надѣясь сбыть ихъ къ празднику на городскихъ базарахъ. Для голодныхъ добровольцевъ это былъ очень пріятный подарокъ. Хотя въ то время въ арміи строго слѣдили за тѣмъ, чтобы у жителей даромъ ничего не брали, но здѣсь платить было некому и добыча казалась вполнѣ законной. Фуражировка пошла весьма дѣятельно, поѣдалось все съѣдобное тутъ же.

Какъ теперь вижу группу спѣшенныхъ всадниковъ. У каждаго по краюхѣ хлѣба въ лѣвой и ложка въ правой рукѣ, а среди нихъ громадная, фунтовъ въ 20, банка вишневаго варенія. Ложки дѣятельно работали, вареніе вымазало носы, усы, одежду и оружіе. Мы достали боченокъ творогу и гор-

шокъ меду и такъ наѣлись, что, когда пришли сказать что куриный борщъ готовъ, уже почти не хотѣлось ѣсть. Скоро все кромѣ часовыхъ заснуло и мертвая тишина водворилась надъ хуторами. Весенняя холодная ночь была пасмурна; въ темнотѣ не видиѣлось ни одного огонька, все молчало, не было слышно даже столь привычныхъ выстрѣловъ на передовыхъ постахъ. Послѣ грохота и грома предшествовавшихъ дней и ночей эта тишина какъ бы давила; казалось наша эпопея закончилась, предстоитъ ея эпилогъ. Каковъ онъ будетъ? невольно закрадывался въ душу вопросъ. Спокойное, логическое обсужденіе обстановки давало лишь одинъ отвѣтъ: смерть.

Около 2-хъ часовъ ночи генералъ Алексѣевъ, получивъ донесеніе, что вся пѣхота и обозы собрались въ колоніи, выѣхалъ туда же. Къ утру за нимъ потянулись и другіе генералы. Конница осталась на лѣвомъ, южномъ берегу Паныреи.

Въ нѣкоторыхъ повѣствованіяхъ объ отходѣ арміи отъ Екатеринодара, этотъ переходъ изображается, какъ какое то хаотическое стремленіе арміи и обозовъ, причемъ войска будто даже не знали кто ими командуетъ вмѣсто убитаго генерала Корнилова. Эта картина совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Всѣ части и обозъ шли въ безупречномъ порядкѣ какъ всегда; если бы этотъ огромный обозъ не ходилъ всегда въ полномъ порядкѣ, онъ конечно никуда не дошелъ бы. О назначеніи ген. Деникина вмѣсто ген. Корнилова войска узнали изъ приказа, отданнаго генераломъ Алексѣевымъ тотчасъ послѣ смерти Корнилова и дошедшаго до войскъ еще къ вечеру 31 марта.

Уже генераломъ Деникинымъ былъ отданъ приказъ, согласно которому армія двинулась на сѣверъ изъ подъ Екатеринодара и изъ станицы Елизаветинской. Цѣлью движенія была окончательно указана станица Старо-Величковская, лежащая на жел. дорогѣ изъ Тимошевской въ Крымскую. Это направленіе приближало армію къ обширнымъ Пріазовскимъ плавнямъ, въ камышевыхъ дебряхъ которыхъ она якобы могла найти убѣжище. Едвали такой безумный и гибельный планъ приходилъ кому либо въ голову, но въ нѣкоторыхъ не военныхъ кругахъ въ обозѣ онъ нашелъ довѣрчивыхъ слушателей, а черезъ нихъ могъ дойти до жителей; если къ этому прибавить, что на большомъ привалѣ 1-го апрѣля въ станицѣ Воронцовской были „забыты“ экземпляры этого приказа, то становится понятнымъ почему въ ночь на 3-е апр. большевики ждали добровольцевъ именно въ Старо-Величковской, а на остальныхъ станціяхъ просто спали.

Колонія Гнаденау имѣетъ всего одну улицу, шириной въ 50-60 шаговъ и длиной около 250 саженъ. Южный конецъ ея упирается въ запруду рѣки Паныри, а отъ сѣвернаго

расходятся дороги въ разныя стороны, между прочими на востокъ идетъ дорога въ станицу Ново-Величковскую, сады которой отстоятъ отъ колоніи приблизительно версты на три. Улица колоніи окаймлена каменными одноэтажными домами съ такими же заборами, между которыми имѣется нѣсколько выѣздовъ въ поле. Колонія богатая, есть пивоваренный заводъ. Колонисты, какъ и окрестные хуторяне, готовились къ предстоящей Пасхѣ и въ ихъ домахъ было заготовлено много копченой свинины всякого рода, а на заводѣ былъ большой запасъ пива. Но въ отличіе отъ хуторянъ нѣмцы никуда не убѣгали и здѣсь фуражировки не было, а все покупалось за наличныя деньги. Уже осенью 1918-го года мнѣ пришлось встрѣчать Гнаденаускихъ колонистовъ и всѣ они съ похвалой говорили о поведеніи добровольцевъ и ихъ вѣжливости.

Утро 2-го апрѣля въ колоніи прошло спокойно. Улица была тѣсно во много рядовъ заставлена возами выпряженнаго обоза. Всѣ трубы колоніи дымились, а по садикамъ и на задворкахъ горѣли костры, — то отдохнувшіе люди готовили пищу. Около раненыхъ по возамъ суетились сестры милосердія и врачи. Погода разъяснилась и солнце свѣтило утѣшительно и подбадривающе. Къ дому въ центрѣ колоніи, гдѣ стоялъ штабъ арміи, подъѣзжали и отъѣзжали всадники съ донесеніями и приказаніями. Въ разныхъ мѣстахъ кружки добровольцевъ сидѣли около ранняго обѣда и возлѣ многихъ кучекъ стояли боченки съ пивомъ, купленнымъ на заводѣ; черпали напитокъ самой разнообразной посудой прямо изъ боченковъ. Всему этому содѣйствовало то, что рано утромъ всѣмъ было выдано жалованіе. Но несмотря на это и на обиліе въ колоніи пива и даже водки совсѣмъ не было видно выпившихъ людей. Дисциплина въ арміи была не показная и всѣ сознавали всю серьезность минуты. Но въ общемъ картина была вполнѣ мирная; сходились люди разныхъ частей, дѣлились впечатлѣніями недавняго штурма, пересчитывали кто изъ знакомыхъ остался живъ. О будущемъ мало кто загадывалъ особенно въ строевыхъ частяхъ, по привычкѣ предоставляя эту заботу старшимъ начальникамъ; но въ обозѣ съ его разнообразнымъ личнымъ составомъ являлись и доморощенные стратеги и слуховъ и проэктовъ было много; мѣстами тамъ замѣтны были и неизбѣжные спутники праздной болтовни: — уныніе и безнадежность. — Между прочимъ повсюду передавали другъ другу, что Корниловскій полкъ по прибытіи въ колонію тайно похоронилъ въ полѣ тѣло генерала Корнилова и могилу заровняли, обозначивъ ея мѣсто на снятомъ для этого планѣ. Никто точно не зналъ обстоятельствъ этого дѣла, но видимо оно не было сдѣлано достаточно осторожно, т. к. потомъ большевики нашли тѣло генерала, отвезли его въ Екатеринодаръ и послѣ невѣроятныхъ издѣвательствъ надъ нимъ сожгли его.

Весь составъ отряда понималъ, что этотъ отдыхъ и тишина не могутъ быть продолжительны хотя бы потому, что недалеко была станція жел. дороги и станица Ново-Величковская (на ж. д. изъ Тимошевской въ Екатеринодаръ) и тамъ уже были большевики.

Дѣйствительно около 10 ч. утра наши разъѣзды были вытѣснены изъ Н. Величковскихъ садовъ, а въ началѣ 12-го часа изъ тѣхъ же садовъ два орудія начали бить по колоніи попеременно гранатами и шрапнелью. Снаряды ложились безпорядочно и потерь не наносили. Небольшія части пѣхоты выступили чтобы подкрѣпить заставы, стоявшія всего въ верстѣ отъ колоніи. Отвѣчать на орудійный огонь было нечѣмъ.

Къ двумъ часамъ дня у большевиковъ появилось еще два орудія и ихъ огонь, на который раньше почти не обращали вниманія, усилился и сталъ болѣе мѣткимъ. Двѣ-три гранаты упали во дворахъ и на улицѣ среди обоза. Положеніе раненыхъ стало очень тяжелымъ; лежать безпомощно подъ разстрѣломъ, ожидать ежеминутно поломки повозки или гибели лошадей, этихъ единственныхъ средствъ еще возможнаго спасенія, все это могло потрясти самые сильные нервы. Но строевыя части не унывали; одни стали уже совершенно равнодушны къ мысли о смерти, освоившись съ убѣжденіемъ въ ея неизбѣжности; другіе, особенно молодежь, беззаботно довѣряли начальникамъ и были твердо убѣждены, что, разъ дѣло дойдетъ до ближняго боя, мы большевиковъ всегда побьемъ. Наконецъ многихъ подбадривало сознаніе, что маленькая колонія Гнаденау въ эту минуту есть единственное на всемъ земномъ шарѣ мѣсто гдѣ еще развѣвается Русскій флагъ*) и мы составляемъ караулъ при этомъ флагѣ; сдать такой караулъ нельзя, а умереть на немъ не жаль.

Въ обозѣ настроеніе было пестрое какъ и его личный составъ. Какъ выше сказано, положеніе раненыхъ было дѣйствительно очень тяжело, они безпомощно лежали въ повозкахъ, открытые все усиливавшемуся шрапнельному огню. Было 2-3 убитыхъ и нѣсколько вторично раненыхъ. Подъ конецъ дня между ранеными были случаи самоубійства, сколько ихъ было, не могу сказать, но во всякомъ случаѣ ихъ было не много и никакихъ взаимныхъ убійствъ, какъ это говорится въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, не было; и повода къ нимъ не было т. к. никто изъ раненыхъ въ Гнаденау оставленъ не былъ.

Среди гражданскихъ лицъ, спасавшихся въ армейскомъ обозѣ отъ жестокости большевиковъ, царило почти поголовное уныніе и безнадежность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны были группы старыхъ офицеровъ разныхъ чиновъ, слѣдовавшихъ при обозѣ какъ охрана нѣкоторыхъ его частей и

---

*) О сформированіи и походѣ отряда полковника Дроздовскаго Добровольческая армія ничего не знала.

по старости или за ранами не имѣвшихъ силъ служить въ пѣхотѣ. Эти люди угрюмо сжимали винтовки и видно было, что они даромъ въ руки врагу не дадутся.

Около трехъ часовъ пополудни приступили къ уничтоженію лишнихъ повозокъ и къ приведенію въ негодность артиллеріи кромѣ четырехъ орудій. Лошади пошли на усиленіе запряжекъ. Въ то же время вышелъ приказъ обозу изготовиться къ походу и къ 6 ч. вечера вытянуться у сѣвернаго выхода изъ колоніи. Двинуться онъ долженъ былъ вслѣдъ за авангардомъ генерала Маркова. Цѣль движенія въ приказѣ не была означена и впослѣдствіи была сообщена войскамъ только по выходѣ изъ колоніи т. к. предварительное ея объявленіе неминуемо черезъ жителей дошло бы до большевиковъ. Цѣлью движенія въ дѣйствительности была станица Медвѣдовская, гдѣ предстояло прорваться черезъ жел. дорогу изъ Екатеринодара въ Тимошевку. Въ то же время конница должна была двинуться двумя колоннами вправо и влѣво отъ пѣхоты и, взорвавъ полотно жел. дороги, преградить поѣздамъ доступъ къ Медвѣдовской.

Между тѣмъ артиллерійскій обстрѣлъ колоніи все усиливался. Къ 4-мъ часамъ дня число большевистскихъ орудій возросло до 10-ти и они, видя что отвѣтнаго огня нѣтъ, выѣхали на открытую позицію на окраинѣ садовъ. Вскорѣ на южномъ концѣ колоніи по ея домамъ и крышамъ защелкали ружейныя пули; это небольшая часть большевиковъ подошла по южному берегу Папырей и открыла огонь изъ хуторовъ; эта кучка была скоро замѣчена и уничтожена нашей конницей и ружейный огонь прекратился, но все указывало на скорое начало наступленія непріятельской пѣхоты. .

Въ виду все усиливающагося орудійнаго огня часъ выступленія былъ измѣненъ, приказано было выступить въ 5 ч. пополудни. Огонь непріятеля былъ крайне безпорядоченъ, снаряды ложились по всей окрестности, но вслѣдствіе большого числа своего стали все чаще попадать и въ зданія колоніи, и на ея загроможденную улицу. Небольшія конныя части, бывшія въ колоніи, стали вытягиваться въ лощину, тянувшуюся вдоль ея западной окраины. Снаряды и здѣсь часто падали, но шрапнели рвались высоко, а гранаты, зарываясь въ грядки огородовъ, рвались безвредными букетами. Когда обозъ потянулся изъ сѣвернаго выхода, большевики замѣтили это движеніе и участили огонь. Вышедшія уже повозки рысью укрылись въ лощину, а остальному обозу было приказано выходить на дорогу черезъ западную окраину въ проходы между домами. Строенія колоніи скрыли это движеніе отъ врага. Когда обозъ по частямъ сталъ выходить изъ лощины на большую дорогу, нѣкоторыя повозки числомъ 20 или 30 пошли не на сѣверъ, а на юго-западъ по знакомой имъ дорогѣ къ вчерашней переправѣ; въ то же время на дальнихъ буграхъ въ этомъ же направленіи показались

части конницы, собиравшейся съ южнаго берега Паныреи. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ эта дорога идетъ на Старо Величковскую, это утвердило большевиковъ въ убѣжденіи о движеніи туда всей добровольческой арміи. Солнце уже къ этому времени зашло и въ короткія весеннія сумерки большевики не успѣли замѣтить свою ошибку. Заблудившіяся повозки были возвращены по лощинѣ невидимо для непріятеля. Вся вражья артиллерія перенесла огонь на Старо-Величковскую дорогу и продолжала бить по пустому мѣсту еще долго по наступленіи темноты, когда наша армія со всѣмъ обозомъ далеко ушла по Медвѣдовскому направленію.

Пока все это происходило непріятельская пѣхота вышла изъ Ново-Величковскихъ садовъ и двинулась на колонію. Вскорѣ ружейный огонь присоединился къ артиллерійскому и пули стали посвистывать. Еще не весь обозъ вытянулся изъ улицы, положеніе казалось очень опаснымъ. Вдругъ грянуло громкое ура, но слышно было, что кричатъ не много людей. И вслѣдъ за тѣмъ ружейная стрѣльба замолкла. Произошло слѣдующее: слабыя части добровольческой пѣхоты, прикрывавшія колонію съ востока, подпустили непріятеля совсѣмъ близко и затѣмъ, давъ залпъ, бросились въ штыки. Большевики бѣжали безъ остановки до садовъ и больше до темноты не показывались.

Гнаденаускій эпизодъ закончился. Армія уходила темной звѣздной ночью въ широкія Кубанскія степи. Никто не зналъ, что ждетъ насъ въ Медвѣдовской, несомнѣнно было только, что станція и переѣздъ около станицы не могутъ не быть заняты непріятелемъ. Колонна тянулась, длинной лентой теряясь во тьмѣ, никто не курилъ, громко не говорили. Настроеніе было такое какъ бываетъ на охотѣ на крупнаго хищника: встрѣча неизбѣжна, но невѣдомо чья шкура будетъ трофеемъ.

Наконецъ около трехъ часовъ ночи вся колонна остановилась. По землѣ, усиливая темноту, тянулся передразсвѣтный туманъ. Впереди слышался неясный гулъ, вслушиваясь можно было разобрать, что кричатъ безчисленные пѣтухи и лаютъ собаки; то верстахъ въ двухъ впереди насъ станица Медвѣдовская давала о себѣ знать. Проѣхалъ какой то всадникъ, сообщилъ, что генералъ Марковъ уже занялъ переѣздъ черезъ полотно жел. дороги, но что недалекая отъ насъ станція занята большевиками.

Тишина вездѣ была мертвая, въ направленіи на станцію видиѣлся одинокій огонекъ. И вдругъ грянулъ пушечный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ заревѣлъ весь концертъ боя въ упоръ: ручныя гранаты, пулеметы и пр. То начинался отчаянный бой у Медвѣдовской станицы.

Но не мнѣ, бывшему скромнымъ рядовымъ, описывать это славное дѣло. Пусть это описаніе возьметъ на себя кто нибудь изъ тѣхъ, чей кругозоръ былъ шире.

В. А. КАРЦОВЪ.

Анабазисъ.

Въ 407 году до Р. Х., по южную сторону Кавказскаго хребта, обманутый персидскимъ сатрапомъ небольшой греческій отрядъ, предпочелъ невѣроятный, по современнымъ тогда условіямъ, походъ — позору сдачи торжествующему побѣдителю и, выбравъ себѣ начальника, взамѣнъ стараго, предательски умерщвленнаго коварнымъ врагомъ, рѣшился на героическое средство — отходъ изъ долины р. Тигра къ южному берегу Чернаго моря, котораго и достигъ, совершивъ незабываемый въ исторіи и описанный въ Анабазисѣ походъ, сдѣлавъ въ 122 перехода 2.500 верстъ!

Путь отряда, его задача, по современному ему состоянію военнаго искусства, были тяжелы и невѣроятны; но установивъ въ отрядѣ начала строгой дисциплины и порядка, преодолѣвая естественныя препятствія, пробивая себѣ рѣшительнымъ натискомъ путь сквозь ряды сильнѣйшаго врага, Ксенофонтъ, ставшій во главѣ отряда, достигъ желаннаго берега, куда привелъ изъ 13.000 воиновъ 8.600, — то есть понеся значительныя потери. Отступленіе небольшого отряда стало его вѣчнымъ тріумфомъ. Матеріальная неудача смѣнилась побѣдой безсмертнаго духа!

Судьба, даровавшая намъ незавидную долю — жить въ наиболѣе трудное время, спустя двадцать три съ четвертью вѣка послѣ похода талантливаго грека, сдѣлала насъ свидѣтелями повторенія подвига поразившаго древній міръ, подвига совершеннаго въ той же части земного шара, но уже по другую сторону Кавказскаго хребта, подвига духа, имѣющаго въ наше время общаго моральнаго паденія увеличившееся значеніе.

Десятаго февраля 1918 года небольшой отрядъ Добровольческой Арміи генерала Корнилова, бѣжавшаго на Донъ изъ Быховской тюрьмы, которая, при благосклонномъ участіи красы и гордости революціи — пьяныхъ матросскихъ бандъ, грозила сдѣлаться его могилой, ввиду разложенія на Дону и угрозу большевизма, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, принужденъ былъ оставить негостепріимную область войска

Донского и перенести базу для формированія своего на Кубань, чтобы оттуда добиваться спасенія Родины изъ грязныхъ рукъ обезумѣвшихъ большевиковъ.

Печальное эхо трагическаго выстрѣла атамана Каледина, павшаго жертвой непостоянства казаковъ, было послѣднимъ прости, сказаннымъ Дономъ кучкѣ добровольцевъ!

Свѣдѣнія о настроеніи Кубанской области въ пользу Добровольческой Арміи оказались преувеличенными и движеніе крошечнаго отряда проходило въ безпримѣрныхъ условіяхъ, живо напоминающихъ походъ отряда славнаго грека.

Крайне тяжело отзывалось совершенное отсутствіе снабженія боевыми припасами и техническими средствами, столь необходимыми въ условіяхъ современной войны.

Единственнымъ шансомъ на успѣхъ былъ здоровый духъ арміи!

Цѣлью движенія было достиженіе Екатеринодара и соединеніе тамъ съ правительственными кубанскими войсками Покровскаго, представлявшими собою небольшой, здоровый оазисъ среди пораженной большевизмомъ области.

Сбивая на своемъ страдномъ пути сопротивленіе превосходныхъ силъ большевиковъ, маленькая Добровольческая Армія генерала Корнилова, дѣйствовавшая по указаніямъ находившагося при Арміи генерала Алексѣева, сломила у сл. Сред. Егорлыкской сопротивленіе забывшей долгъ и родину 39-й пѣхотной дивизіи, разбила 6.000 отрядъ большевиковъ у ст. Березанской и у ст. Кореневской была задержана громаднымъ скопленіемъ большевистскихъ силъ, достигавшихъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

Не задумываясь надъ численнымъ превосходствомъ противника, Корниловъ и здѣсь преодолѣваетъ его сопротивленіе; но вслѣдъ за радостной вѣстью о побѣдѣ своей Арміи, онъ получаетъ тяжелое свѣдѣніе о томъ, что вся Кубанская область охвачена пламенемъ большевизма и Екатеринодаръ, мѣсто намѣченнаго соединенія съ Покровскимъ, 28-го марта перешелъ въ руки врага!

Создавшаяся обстановка и появленіе частей Покровскаго въ раіонѣ ст. Калужской, на южномъ берегу р. Кубани, заставляютъ Корнилова отказаться отъ первоначальнаго рѣшенія идти прямо на Екатеринодаръ. Послѣ ряда аріергардныхъ боевъ отъ ст. Кореневской до ст. Усть-Лабинской, онъ рветъ соприкосновеніе съ преслѣдующимъ его противникомъ, переправляется черезъ р. Кубань и, пробившись отъ ст. Некрасовской до ст. Рязанской сквозь большевистскія массы „иногородняго" населенія, смѣнившаго казаковъ, въ 18 верстахъ отъ Екатеринодара, въ аулѣ Шенджій соединяется наконецъ съ частями Покровскаго.

Приведя въ порядокъ измученную Армію, усилившуюся влившимися въ нее Кубанскими частями, Корниловъ рѣшаетъ инымъ путемъ добиться цѣли своего движенія, и послѣ

искуснаго маневра, вновь переправившись на сѣверный берегъ Кубани, атакуетъ Екатеринодаръ съ сѣверо-запада, не останавливаясь передъ тѣмъ, что большевики сосредоточили въ городѣ многотысячный отрядъ, снабженный сильной артиллеріей, дѣйствовавшей противъ четырнадцати пушекъ Добровольческой Арміи!

Но сила солому ломитъ! Несмотря на высокій моральный подъемъ и отчаянныя усилія Добровольческой Арміи, ей не удается вырвать обладаніе центромъ края изъ рукъ врага, силы ея таютъ въ неравномъ бою и побѣда, въ первый разъ за все время похода, начинаетъ склоняться на сторону большевиковъ!

А 31-го марта большевистская граната на смерть поражаетъ генерала Корнилова лично руководившаго боемъ своей Арміи, и Добровольческая Армія теряетъ своего вождя!

Армія теряетъ въ самый критическій моментъ своего начальника, теряетъ „человѣка огромной личной храбрости, твердой воли и беззавѣтнаго служенія поруганной Родинѣ“. Моральное состояніе Арміи перенесшей тяжелый походъ, неудачу послѣдняго боя и смерть любимаго вождя, временно падаетъ и смѣнившій генерала Корнилова, его единомышленникъ и сподвижникъ, генералъ Деникинъ, принявъ командованіе Арміей и видя невозможность и безцѣльность дальнѣйшаго пребыванія Добровольческой Арміи на Кубани, поворачиваетъ ее на сѣверъ, обратно къ исходному положенію.

Въ тяжеломъ нравственномъ состояніи отошли добровольцы отъ Екатеринодара, неся тѣло своего генерала. Своими руками похоронили они его, а потомъ, какъ раненый звѣрь, кинулись на противника и у ст. Медвѣдовской вновь нанесли ему сильный ударъ.

Перейдя нѣсколько разъ линію желѣзной дороги, что при наличіи слѣдовавшаго при арміи тринадцативерстнаго обоза было операціей чрезвычайно трудной и опасной, добывая себѣ снаряды и патроны у своего же противника цѣною крови, Армія вновь пришла въ раіонъ къ юго-востоку отъ Ростова, гдѣ, ко второму мая, закончила походъ, сдѣлавъ въ 80 дней болѣе 1.300 верстъ и вывезя съ собой почти всѣхъ своихъ раненыхъ, число которыхъ порой доходило до 1.500!

Исторія повторяется! Потерявъ своего Главнокомандующаго умерщвленнаго коварнымъ сатрапомъ большевизма, кучка русскихъ офицеровъ и будущихъ офицеровъ — кадетъ и юнкеровъ не пожелала сдаться на милость большевистскихъ вождей и, выбравъ себѣ въ лицѣ генерала Корнилова, новаго вождя, установивъ начала дисциплины и порядка, смѣло пошла за нимъ по тернистому и тяжелому пути, возстановленія величія и славы поруганной Россіи!

Преодолѣвъ всѣ трудности пути, преодолѣвъ сопротивленіе сильнѣйшаго врага, слабая числомъ но сильная ду-

хомъ, Добровольческая Армія зажгла огонь возстанія противъ захватившаго власть большевизма, не только въ Кубанской области, но и въ области войска Донского, разложеніе которой, за три мѣсяца до того и было причиной похода!

. . . .

Хочется вѣрить, что не пропадетъ даромъ побѣда безсмертнаго духа въ безпримѣрномъ походѣ маленькой Арміи!

. . . .

Такъ писалъ я восемь лѣтъ тому назадъ въ одной изъ газетъ, окупированной германскими войсками гетманской Украины, какъ только докатилась до насъ вѣсть о подвигѣ Добровольческой Арміи!

Много безграничныхъ разочарованій выпало съ тѣхъ поръ на долю добровольцевъ русскаго государственнаго возрожденія, много грустныхъ минутъ пережили они на равнинахъ Южной Россіи, въ Крыму, на сѣверо-западной и холодной сѣверной окраинахъ страны и въ безпредѣльныхъ пространствахъ Сибири, шагъ за шагомъ отходя передъ лицомъ торжествующаго зла; горькую чашу отчужденія пьютъ они теперь, разбросанные по всему лицу негостепріимнаго міра!

Но живъ ихъ духъ, не удалось врагу сломить его, и сейчасъ, какъ и тогда, глубоко убѣжденъ я, что „не пропадетъ даромъ побѣда безсмертнаго духа", не пропадетъ даромъ жертвенный подвигъ людей, которые не захотѣли подчиниться насилію и съ оружіемъ въ рукахъ возставъ противъ него, доказываютъ до сего времени ослѣпленному міру, что не все въ Россіи инертно преклонилось передъ захватчиками власти и что есть у нея люди, которые *никогда не примирятся* съ существующимъ положеніемъ и *не прекратятъ* начатой ими борьбы съ поработителями Родины!

И вѣрю я, что не можетъ несомая ими идея возрожденія Родины не восторжествовать надъ олицетвореніемъ мірового зла и доживемъ мы до счастливаго момента возрожденія нашей великой страны!

А. фонъ-ЛАМПЕ.

„Александровцамъ“ и женщинамъ, погибшимъ въ бояхъ съ большевиками.

Вамъ, своей Родинѣ жизни отдавшимъ,
Скромный вѣнокъ незабудокъ сплету —
Спите спокойно въ обителяхъ вашихъ,
Вѣчную память я вамъ пропою…

* * *

Спите спокойно, вы, дѣвушки-воины,
Миръ вамъ теперь не нарушитъ ничто!
Ужъ не услышать насмѣшки вамъ новенькой,
Да и смѣяться осмѣлится-ль кто?!

* * *

Спите, вы, смѣлыя, спите спокойно,
Родинѣ жизнь не смѣшно подарить.
Бросила мечъ свой толпа зачумленная,
Вы его взяли, чтобъ Русь защитить…

* * *

Вы не щадили ни силы, ни молодость…
Вы наравнѣ лишь съ немногими шли…
И силу духа и вашу выносливость
Знавшіе васъ отрицать не могли…

* * *

Всѣ, кто васъ знаетъ… помолятся съ нами.
Вспомнятъ: не разъ ихъ бодрили порой…
Кто же не знаетъ, почувствуютъ сами,
Что заслужили вы вѣчный покой…

Надежда ЗАБОРСКАЯ.

Отъ Главнаго Правленія Союза Участниковъ 1-го Кубанскаго похода.

Ниже мы помѣщаемъ статью В. Р. Ваврика, совершившаго 1 Кубанскій походъ въ составѣ чехо-словацкаго инженернаго полка.

Въ дни русской смуты и политической игры, не всѣ чехи относились къ намъ не искренно. Нѣкоторые изъ нихъ, бывшихъ въ Россіи, приняли горячее участіе въ борьбѣ противъ большевиковъ и по выѣздѣ изъ Россіи сохранили къ нашей Родинѣ глубокую любовь.

Болѣя съ нами одними страданіями въ нашемъ русскомъ несчастьи, они не остались равнодушны къ гибели имперіи и плечо къ плечу съ нами, дрались съ разрушителями Россіи.

Центральная фигура въ приводимой статьѣ, капитанъ (нынѣ полковникъ) Нѣмечекъ, сформировавшій чехо-словацкій полкъ и прошедшій во главѣ его степи Дона и Кубани, является именно однимъ изъ такихъ нашихъ горячихъ и безкорыстныхъ друзей.

Сама статья В. Р. Ваврика интересна въ силу того, что она отражаетъ переживанія иностранца, шедшаго за генераломъ Корниловымъ, въ котораго онъ увѣровалъ, сражаться за жизнь и честь русскаго народа.

Пусть же эти строки послужатъ намъ памятью о тѣхъ братьяхъ-чехахъ, которые уснули вѣчнымъ сномъ въ далекой и столь ими любимой Россіи.

Чехо-словацкій инженерный полкъ и Галицко-русскій взводъ въ Корниловскомъ походѣ.

На смерть ген. Л. Г. Корнилова.

Успокоится онъ — этотъ грозный герой,
Когда солнце надъ Русью взойдетъ
И народъ, отрезвленный съ глубокой тоской
И раскаяньемъ полной и чистой душой,
Ему слезы свои принесетъ . . .

С. П.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ я не имѣю въ виду дать полную и исчерпывающую характеристику дѣятельности чехо-

словацкаго инжен. полка съ галицко-русскимъ взводомъ въ Корниловскомъ походѣ; я хочу отмѣтить лишь то, что чехо-словацкій полкъ былъ въ походѣ и принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ на Дону и Кубани.

* * *

Чехо-словацкій инж. полкъ сформировалъ энергичный полковникъ Янъ Нѣмечекъ въ Ростовѣ на Дону по договору съ ген. Алексѣевымъ. Своихъ людей, военно-плѣнныхъ чеховъ онъ собралъ среди невѣроятно тяжелой обстановки вокругъ Ростова и Новочеркасска. Трудъ его, однако, увѣнчался успѣхомъ: въ разбушевавшейся стихіи удалось ему найти 200 съ лишнимъ человѣкъ, кромѣ галичанъ.

Галицко-русскій взводъ былъ созданъ Григоріемъ Семеновичемъ Мальцемъ изъ гимназистовъ и студентовъ обучающихся въ Ростовѣ. Всѣхъ ихъ было 40 человѣкъ.

Нѣтъ надобности описывать подробно все то, что было продѣлано чехо-словацкимъ полкомъ, такъ какъ онъ вынесъ всѣ тяжести похода вмѣстѣ съ остальной арміей ген. Корнилова. Все-таки необходимо освѣтить нѣкоторыя существенныя детали изъ его жизни, тѣмъ болѣе, что въ монументальномъ трудѣ ген. Деникина онѣ совершенно пропущены.

До печальнаго 9-го февраля чехо-словацкій полкъ защищалъ Ростовскій мостъ со стороны Батайска. Одновременно онъ охранялъ переправу у Таганрогскаго проспекта, вплоть до отхода въ станицу Ольгинскую. Первое дѣятельное участіе въ бою съ большевиками пришлось ему имѣть у Лежанки (Средне-Егорлыцкой), дня 19 февраля. Полковникъ Нѣмечекъ, получивъ приказаніе занять позицію правѣе Марковцевъ, повелъ весьма удачное наступленіе. Въ стройномъ порядкѣ развернулись роты, передъ которыми въ ясный солнечный полдень открылось грандіозное зрѣлище большого селенія. Оно было скоро взято; несмотря на то, что чехо-словацкому полку было приказано оставаться въ селеніи, полковникъ Нѣмечекъ продолжалъ преслѣдовать большевиковъ далеко въ степь.

Глубокое удовлетвореніе испыталъ каждый стрѣлокъ послѣ этой побѣды. У каждаго въ глазахъ сіяла радость побѣды и крѣпче загоралось сердце неизмѣннымъ желаніемъ оставаться вѣрнымъ своему любимому вождю ген. Корнилову. Тревожное настроеніе, какое испытывалось въ Ростовѣ, прошло безслѣдно. Не было мѣста ни скорбямъ, ни страхамъ. На настроеніе духа въ высшей степени вліяетъ смѣлость, преимущественно рѣшительность руководителя частью. Въ лицѣ полковника Нѣмечека чехо-словацкій полкъ имѣлъ прекраснѣйшій примѣръ не только хорошаго командира, но и солдата.

Наступленіе ген. Корнилова принимало съ каждымъ днемъ все новыя и новыя формы, такъ какъ большевики окружали его постоянно увеличивающимися силами. Было бы ошибочно думать, что армія ген. Корнилова не сознавала опасности; напротивъ, отъ Главнокомандующаго до послѣдняго солдата, каждый понималъ, что находился въ кольцѣ. Это чувство, однако, не лишало всѣхъ вмѣстѣ убѣжденія въ томъ, что ген. Корниловъ побѣдитъ. Эту вѣру въ геній ген. Корнилова можно смѣло назвать фанатизмомъ и полагаю, что отъ нея ни одинъ воинъ не могъ освободиться. Стальная воля ген. Корнилова передавалась всѣмъ, равно какъ и вѣра въ успѣхъ. Только этимъ объясняется чудо, которое творилъ ген. Корниловъ, отбиравшій у массъ большевиковъ своей маленькой дружиной станицу за станицей. Рѣдко безъ боя, чаще всего рукопашной схваткой прокладывали себѣ добровольцы тернистый, кровавый путь впередъ. Благодаря повышенному самочувствію и вѣрѣ въ побѣду, они не теряли духа ни при какихъ условіяхъ и выигрывали бой за боемъ.

Бой у Филипповскаго хутора тяжелѣйшій въ Корниловскомъ походѣ, начался въ пресквернѣйшей обстановкѣ, среди гнетущихъ ощущеній: чтобы выйти изъ кольца врага, надо было пройти рѣчку, выбить изъ укрѣпленій на холмахъ большевиковъ и боемъ не на жизнь, а на смерть, рѣшить участь всего похода. Прежде всего это сознавалъ ген. Корниловъ. Разумѣется, что его движеніе во главѣ, пребываніе на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, напримѣръ, стогѣ соломы, были вопіющимъ рискомъ, но иначе ему нельзя было поступить. Презрѣніемъ къ смерти на виду всѣхъ, онъ вдохновлялъ добровольцевъ на героическій подвигъ.

На разсвѣтѣ выступили полки Корниловскій и чехо-словацкій черезъ мостъ рѣки Бѣлой. Въ этотъ моментъ они были съ ближайшихъ высотъ, расположенныхъ на противоположной сторонѣ берега, обстрѣляны сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Перебѣжавъ мостъ и занявъ противоположный берегъ рѣки, по обѣ стороны моста, мы перешли въ наступленіе и сбили большевиковъ съ ихъ позицій. Чехо-словацкій полкъ оперировалъ на правомъ флангѣ и былъ расположенъ въ долинѣ, командующія высоты которой были въ рукахъ большевиковъ, такъ что послѣдніе имѣли возможность видѣть каждое передвиженіе нашихъ войскъ. Мѣсто занимаемое чехо-словацкимъ полкомъ, съ одной стороны, было удобно для обстрѣла противника, но, съ другой, принявъ во вниманіе, что въ долинѣ р. Бѣлой находился обозъ съ ранеными, вести перестрѣлку было нежелательно, и нужно было искать другого выхода изъ создавшагося положенія. Не видя, пока что, прямой опасности и желая знать о положеніи въ сосѣднихъ частяхъ, такъ какъ связь была нарушена, командующій чехо-словацкимъ полкомъ полк. Нѣмечекъ приказалъ своему замѣстителю ни въ коемъ случаѣ

позицій не покидать, а самъ прошелъ къ фронту Корниловскаго полка, дабы оріентироваться о положеніи. Но онъ до Корниловцевъ не дошелъ, такъ какъ большевики, получивъ подкрѣпленіе, стали переходить въ наступленіе на чехо-словацкій полкъ, который, не выдержавъ давленія значительныхъ силъ противника — чехо-словацкій полкъ былъ численностью въ этотъ моментъ до 60 чел., а большевиковъ было болѣе 400 чел., — началъ понемногу отступать. Видя это и понимая опасность грозящую раненымъ, полк. Нѣмечекъ бросился къ отступающему полку, скомандовавъ: впередъ! не бойтесь этой банды! и поднялъ въ атаку лишь около 40 галичанъ; перейдя въ контръ-наступленіе, онъ выбилъ большевиковъ съ высотъ, облегчивъ этимъ наступленіе лѣваго фланга Добровольческой арміи.

Изъ галицко-русскаго взвода погибло 5 гимназистовъ: Гошовскій, Діяковскій, Купецкій, Лѣщишинъ, Журавецкій; нѣсколько человѣкъ получило тяжелыя раненія, между ними командующій взводомъ прапорщикъ Богданъ Яцевъ.

Въ общемъ итогѣ бой, продолжающійся отъ разсвѣта до сумерекъ, стоилъ много жертвъ и крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ духовный и боевой авторитетъ добровольцевъ. Здѣсь во всю ширь ген. Корниловъ выявилъ свой оригинальный геній: онъ всюду былъ, онъ всѣхъ и каждаго согрѣлъ, мѣтко опредѣлилъ куда нужно пробиваться, и къ вечеру овладѣлъ полемъ сраженія.

Въ черкесскихъ аулахъ скрывались части ген. Эрдели и полк. Покровскаго. Вѣсть объ этомъ наполнила сердца добровольцевъ восторгомъ. Однако сверхъ ожиданія на нихъ обрушился передъ станицами Калужской и Ново-Дмитріевской стихійный дождь, превратившійся въ снѣгъ, градъ и гололедицу. И здѣсь пришлось имъ вести бой въ ледяной водѣ, шумящей въ балкѣ широкой и по поясъ глубокой рѣкѣ.

Это былъ ледяной походъ, на которомъ останавливаться нѣтъ надобности, такъ какъ онъ описанъ весьма обстоятельно ген. Деникинымъ. Хочу только добавить, что, въ силу повышеннаго идеалистическаго настроенія, какимъ отличались добровольцы, послѣ боя у Филипповскаго, было и это горе побѣждено. Въ этомъ эпизодѣ наглядно обнаружилась еще разъ неудержимая сила побѣдить во что бы то ни стало среди двухъ стихій: бушующей природы и бунта взбаламученнаго народа.

Въ этомъ клокочущемъ морѣ Екатеринодаръ свѣтилъ добровольцамъ маякомъ, къ нему стремился пробиться и ген. Корниловъ. Онъ дошелъ до самаго города, разсѣивая толпы противника, но тамъ же нашелъ свою гибель на четвертый день кроваваго боя.

Чехо-словацкій полкъ въ продолженіи всѣхъ четырехъ дней выдерживалъ напоръ большевиковъ отъ станицы Марьин-

ской. О смѣнѣ или отдыхѣ не могло быть и рѣчи; впрочемъ никто объ этомъ и не думалъ. Рѣшался вопросъ жизни и смерти, вопросъ вѣры и надежды на лучшее будущее, которыя разомъ рухнули съ вѣстью о смерти ген. Корнилова.

Что мнѣ сказать о характерѣ великаго полководца? не нахожу подходящихъ словъ; повторю стихи, пропѣтые В. А. Жуковскимъ въ станѣ русскихъ воиновъ, въ 1812 году:

О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами,
Одинъ, склонясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противника полки,
Имъ гибель устрояетъ
И вдругъ движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала нашъ вихорь-атаманъ...

Вотъ почему его, уже мертваго, большевики разстрѣливали, волочили по улицамъ, сожгли и пепелъ разсѣяли по вѣтру! Смерть ген. Корнилова была причиной не только отступленія, но и крушенія духа и вѣры арміи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она распалась бы, разбрелась бы, если бы не отчаянный подвигъ ген. Маркова въ станицѣ Медвѣдевской.

Чехо-словацкій полкъ, по всей вѣроятности, уже тогда прекратилъ бы свое существованіе, если бы не желѣзная рука полк. Нѣмечека. На возвратномъ пути къ Мечетинской онъ принималъ еще участіе въ бояхъ у Горькой Балки, Лежанки-Лопанки, отбилъ наступающія банды „Маруси" у Кагальницкой и въ бою у Гулай-Борисовки преслѣдовалъ отступающаго и разбитаго нѣмцами товарища Сорокина.

* * *

Въ Мечетинской чехо-словацкій полкъ былъ переименованъ въ чехо-слов. отдѣльный баталіонъ. Пребываніе его въ Добровольческой арміи въ дальнѣйшемъ долго не продолжалось; „братская" дисциплина сдѣлала его совершенно не боеспособнымъ. Боевой командиръ полк. Нѣмечекъ ушелъ, не желая смотрѣть на расшатывающуюся свою тяжелымъ трудомъ сформированную часть. Командованіе баталіономъ переходило отъ одного лица къ другому по выбору солдатъ, зачастую въ неопытныя руки и, наконецъ, чехи перешли къ французамъ. Въ Добровольческой арміи до конца, вплоть до

эвакуаціи Крыма, остались галичане, которые получивъ въ Мечетинской и Таганрогѣ пополненія, образовали Карпато-русскій отдѣльный баталіонъ.

В. Р. ВАВРИКЪ.

Прага, 24. XI. 1925.

„Студенческій Батальонъ".

Въ Ростовѣ, на окраинѣ, примыкая къ Сѣнному базару, раскинулся т. н. „Лазаретный" или „Военный" городокъ. Окруженный высокой каменной стѣной, онъ глядитъ въ поле, на братское кладбище. Сквозь открытыя ворота видны вытянувшіеся шпалерами кирпичные бараки, длинные, казарменнаго облика.

Въ то время, въ январѣ 1918 года, они не кипѣли жизнью*). Изрѣдка лишь пройдетъ по деревяннымъ мосткамъ вдоль барака сѣрая фигура торопливымъ шагомъ, или выбѣгаетъ, на ходу затягивая ременные кушаки, вызванный зачѣмъ-нибудь въ городъ патруль.

Досчатыя лачуги Сѣнного базара были убѣжищемъ всякаго бездомнаго сброда, и городскіе оборванцы имѣли возможность въ теченіе цѣлаго дня наблюдать жизнь маленькаго гарнизона. Съ утра, лишь только разойдутся по карауламъ наряды, оставшіеся люди выходятъ на занятія, и на ровномъ снѣжномъ полѣ двигаются цѣпи, по командѣ смыкаются, стройными рядами безъ конца маршируютъ по бѣлому плацу и вдругъ остановившись, отчетливо срываютъ винтовки съ плеча. Занимаются и послѣ обѣда, если нѣтъ дурной погоды или какой нибудь тревоги въ городѣ.

Вечеромъ, въ свободные часы, интересно было пройти по казармамъ, по большимъ чистымъ комнатамъ, наполненнымъ сдержаннымъ говоромъ молодыхъ голосовъ. Никто бы не повѣрилъ, если бы сказать, что 300 этихъ юношей, почти дѣтей, держатъ въ страхѣ и подчиненіи разнузданныя толпы демобилизованныхъ солдатъ и тысячи городской черни. Вчерашніе гимназисты и студенты, круглолицые стриженные мальчики взяли въ руки винтовки и спокойно стали въ ряды защитниковъ, дѣйствительныхъ защитниковъ Родины.

На вечернюю зорю роты выстраиваются въ длинномъ корридорѣ и мѣдный голосъ трубы звонко ударяется о стѣны

*) Въ нихъ былъ расквартированъ „Студенческій б-нъ" (2 роты) весь гарнизонъ Ростова на Дону.

и стрѣлами впивается въ душу. Онъ побѣдилъ эти замершіе сѣрые ряды и трепещущіе комочки — дѣтскія сердца превратилъ въ слитки холодной стали...

Боевой кличъ трубы смѣняется стройнымъ пѣніемъ молитвы — день оконченъ.

Въ полусвѣтѣ дежурныхъ лампочекъ, на кроватяхъ ведутся негромкіе разговоры. Здѣсь всѣ знаютъ другъ друга и всѣ одинаково горячо реагируютъ на приносимыя кѣмъ-нибудь изъ города новости.

Говорятъ о подвигахъ Чернецова, Семилѣтова, восторженно передаютъ разсказы о геройской защитѣ юнкеровъ 3 Кіевской Школы въ Таганрогѣ, о доблести лихого генерала Маркова. Засыпаютъ съ мечтою — скорѣе на фронтъ, скорѣе въ бой...

Пришелъ день, желанія сбылись — утромъ 8-го февраля весь б-нъ былъ вызванъ для обороны города. Корниловскій полкъ отошелъ къ кирпичнымъ заводамъ и засѣлъ тамъ, фронтомъ къ ст. Гниловской. Подъ артиллерійскимъ огнемъ цѣпочками подошли къ нимъ роты изъ „Лазаретнаго городка".

Короткій зимній день незамѣтно прошелъ въ передвиженіяхъ вдоль фронта и къ вечеру б-нъ, выставивъ секреты, залегъ въ снѣгу вдоль длинныхъ заводскихъ бараковъ...

Мокрые смерзшіеся пальцы сжимали стволы винтовокъ а глаза впивались въ ночную темноту, ища врага. Вываленные въ снѣгу бушлаты и шинели отсырѣли, были тяжелы и непріятно пахли сыростью. Въ головѣ почти не было мыслей — все было ясно, и никакихъ мудрыхъ вопросовъ не нужно было разрѣшать — вѣдь вокругъ все опоганено, на всемъ кровь, сердца — какъ захватанные грязными, кровавыми руками тряпки — гнусныя и безвольныя, а Родина — Россія, не та новая, которую хотятъ „создать" хулиганы и убійцы, а старая, святая Русь, распятая виситъ на крестѣ и печально, печально, жалостно смотритъ на мучителей. Ее защищая умереть или побѣдить, и все таки умереть — отъ счастья, это все, ничего болѣе... Сердце сжималось лишь, когда мелькнетъ мысль о семьѣ, о родныхъ, о неначатой жизни. Но въ сознаніи вставала другая, отчетливая и радостно-побѣдная, какъ звукъ трубы — „Жертва!"

Не долго пролежали въ цѣпи — ротамъ приказано было собраться. Изъ города приползъ уже тревожный слухъ — армія уходитъ. Попыхивали „крученки", перебрасывались отрывочными фразами. Ждали, когда отведутъ за уходящими. Командиръ разрѣшилъ пѣсню. И вотъ, тихой морозной ночью, стараясь не думать о загадочномъ будущемъ, отгоняя скверныя мысли, чуть слышно молодые голоса выводятъ мелодичный мотивъ уличной пѣсенки: „ахъ вы, клавиши, клавиши пойте"... То ли спокойная тишина ночи была тому причиной, или простыя слова пѣсни, проникающія въ душу, успокаивали мятущіяся сердца, но когда роты выходили изъ

подъ низкаго деревяннаго навѣса строиться, лица у всѣхъ были веселы и рѣшительны.

Часамъ къ 9 батальонъ вернулся въ казармы. Наспѣхъ раздавались неприкосновенные запасы — сухари, консервы, какая-то сухая колбаса кружками, торопливо мѣняли винтовки и набивали сумки патронами*). Приказано было взять лишь самое необходимое, исключительно нужное и — какъ можно больше патроновъ. Черезъ полъ-часа батальонъ готовый къ выступленію, построился въ коррпдорѣ. Командиръ, пожилой, молодцеватый генералъ, любившій и жалѣвшій своихъ „дѣтей", предложилъ желающимъ остаться, не итти за арміей, сказавъ, что свой долгъ они уже исполнили, охраняя Ставку и городъ, что цѣли похода нѣтъ, что это походъ въ неизвѣстность, полный опасностей и риска. Генералъ говорилъ и въ голосѣ его слышалась горечь — онъ видѣлъ передъ собой въ замершемъ строю дѣтей, городскихъ дѣтей съ нѣжной кожей и серіозными глазами. Ихъ жизнь еще нужна будетъ Родинѣ и нѣтъ необходимости жертвовать ею именно сейчасъ.

Генералъ окончилъ и скомандовалъ: „на молитву, шапки долой!" Отчетливо стукнули приклады объ полъ, влажные глаза свидѣтельствовали объ искренней молитвѣ...

Выходя на темную улицу, прощались съ остающимися, передавали черезъ нихъ роднымъ безсвязныя, отрывочныя карандашныя строки на клочкахъ бумаги и, крестясь, бѣжали въ строй. Колонна вытянулась по Скобелевской улицѣ и молча, звеня котелками и лопатками о затворы винтовокъ, двинулась по направленію къ Нахичевани. Проходили улицами, такими будничными, съ ихъ обычнымъ неяснымъ свѣтомъ грязныхъ фонарей, съ милиціонерами на перекресткахъ. Городъ оставляли и шли куда-то, въ черную ночь, унося съ собою святыню — трехцвѣтное русское знамя.

Этотъ первый переходъ для большинства юношей былъ чрезмѣрно тяжелъ — многіе изъ нихъ вышли въ походъ прямо изъ карауловъ, послѣ безсонной 24 часовой службы, другіе, утомленные физически, не имѣли возможности подкрѣпить свои силы передъ выступленіемъ — просто говоря, были страшно голодны. Снѣгъ скользилъ подъ ногами, тяжелая сумка оттягивала плечи, патронташи давили грудь и не давали вздохнуть свободно, а итти нужно было быстро, не отставая отъ своихъ. Строй, когда вышли за городъ, разбился, и шли группами, подбадривая другъ друга. Хотѣлось пить — фляги опустѣли сразу и жажду пытались утолять снѣгомъ.

По дорогѣ уже встрѣчались отставшія, лежащія безъ силъ, въ снѣгу, одиночныя фигуры. Кое гдѣ попадался за-

*) До выхода въ походъ б-нъ былъ вооруженъ однозарядными винтовками „Гра", и лишь въ моментъ выступленія получилъ „трехлинейки".

стрявшій городской извозчичій экипажъ или брошенная повозка съ грузомъ. Кто-то облегчалъ обозъ, выбрасывая сахаръ, и синіе пакеты, растоптанные сотнями сапогъ, валялись на пути. Подошли къ полотну жел. дороги.

Въ будку сторожа набилось столько жаждущихъ хотя-бы минутнаго отдыха въ теплѣ, что тамъ повернуться нельзя было. По полотну, громыхая, стуча тяжелыми колесами по шпаламъ, проходила артиллерія. Лошади выбивались изъ силъ, падали, копыта скользили по рельсамъ и не позволяли найти точку опоры, что-бы подняться. Въ будкѣ замѣтили это, и она мгновенно опустѣла. Люди бросились къ пушкамъ и на рукахъ покатили ихъ, спотыкаясь и рискуя попасть подъ колеса сзади идущихъ упряжекъ.

Люди и лошади одинаково обливались потомъ и порывисто дышали. Усталость или голодъ — что было мучительнѣе?

Представленіе о времени терялось и машинально напрягались мускулы, налегая на стальныя коробки зарядныхъ ящиковъ и на спицы орудійныхъ колесъ. За кусокъ хлѣба, за минуту отдыха и стаканъ воды можно было отдать полъ-жизни.

Сухари и колбаса въ вещевыхъ мѣшкахъ за плечами манили своей сказочной близостью и были обидно недосягаемы.

Наконецъ съ полотна свернули влѣво и, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ всего, остановились. Эта была остановка уже передъ самой станицей Аксайской.

Разбившіяся части собирались, подтягивались отставшіе.

Впереди уютно замелькали огоньки, собаки заливались звонкимъ лаемъ и одеревенѣвшія ноги зашагали шире, торопясь добраться до крыши и до возможности утолить голодъ.

Для Студенческаго б-на было отведено зданіе школы и неотвыкшіе еще отъ ученическихъ скамей юноши шумно размѣстились, стуча винтовками, на низкихъ партахъ и немедля принялись за запоздавшій ужинъ. Челюсти устаютъ гораздо скорѣе чѣмъ ноги, и черезъ четверть часа у большинства сладкій сонъ прекратилъ ихъ дѣятельность, лишь особенно проголодавшіеся боролись еще нѣсколько минутъ, съ усиліемъ пережевывая сухую колбасу. Никому, конечно, ничего не снилось въ эту ночь, сонъ былъ до неприличія крѣпокъ, и разбуженные рано утромъ всѣ съ истиннымъ наслажденіемъ пили горячій сладкій чай съ отличнымъ бѣлымъ хлѣбомъ — генералъ заботился о своихъ „дѣтяхъ“.

Слѣдующій переходъ, до станицы Ольгинской, не былъ уже такъ тяжелъ — во первыхъ, шли днемъ, а во вторыхъ, ласковая внимательность Вождя, встрѣтившаго батальонъ и поблагодарившаго за вчерашній переходъ, бодрила и заставляла забывать усталость.

Въ Ольгинской удобно размѣстились на квартирахъ у гостепріимныхъ старыхъ казаковъ — молодые еще не вернулись съ фронта — и хорошо поспавъ ночь, съ утра вышли, какъ и обычно, на занятія. Эти дни въ станицѣ было большое оживленіе — вся маленькая армія собралась въ ней и кончала послѣднія приготовленія къ выходу въ походъ. Изъ мелкихъ партизанскихъ отрядовъ формировались нормальныя воинскія части, выяснялась наличность артиллерійскихъ запасовъ и количество обозовъ. Изъ Ростова вывезенъ былъ большой запасъ винтовокъ, они оказались ненужными и ихъ уничтожали.

Разобранные затворы разносили ночью по дворамъ станицы и бросали въ колодцы, а изъ деревянныхъ частей сложили громадный костеръ.

Студенческій б-нъ былъ здѣсь сведенъ въ одну роту, численностью около 200 штыковъ, и вошелъ въ составъ Особаго Юнкерскаго Батальона.

1-ая рота Юнкерскаго б-на со своимъ командиромъ, плотнымъ, небольшого роста полковникомъ съ загорѣлымъ калмыцкимъ лицомъ, весело несла тяготы похода. Почти ежедневные бои выхватывали жертвы изъ ея рядовъ и безвѣстныя могилки въ Кубанскихъ степяхъ хранили память о молодыхъ жизняхъ.

Въ теченіе 72-дневнаго похода батальонъ участвовалъ въ 19 бояхъ, кромѣ частыхъ авангардныхъ или арьергардныхъ стычекъ. Въ молодцеватыхъ обстрѣлянныхъ солдатахъ, для которыхъ начальникъ и штыкъ — все, нельзя было узнать гимназистовъ, вышедшихъ изъ Ростова.

24-го апрѣля 1918 года въ станицѣ Егорлыкской назначенъ былъ смотръ вернувшейся изъ похода арміи.

Генералъ Марковъ, проходя вдоль строя 1-го Офицерскаго полка, вспомнилъ о „дѣтяхъ“ генерала Б-го и вызвалъ оставшихся. Отчетливо щелкнувъ каблукомъ, передъ строемъ полка вытянулось смирно нѣсколько фигуръ. Ихъ было тринадцать.

Георгій ОРЛОВЪ.

27-II-925.
Тетово.

Гимнъ Бѣлымъ

Мы дѣти Россіи, мы слуги народа,
Мы вѣрные рыцари бѣлой мечты,
Нашъ лозунгъ: Отчизна, законъ и свобода
Державная воля родимой страны.

Отвергли мы иго кроваваго строя:
Подъ красное знамя служить не пошли,
Подъ стягомъ трехцвѣтнымъ, по зову героя,
Распятой отчизны, мы честь сберегли.

Подъ небомъ свинцовымъ, не зная лазури,
По морю житейскому яростныхъ волнъ
Плылъ смерти навстрѣчу сквозь грозы и бури,
Подъ парусомъ бѣлымъ, отважно, нашъ челнъ.

Испытанный кормчій желѣзной рукою
Тотъ челнъ направлялъ сквозь туманы и мракъ
И ярко горѣлъ лучезарной звѣздою
На стѣнахъ Кремля путеводный маякъ.

Но Богъ ниспослалъ испытанья Россіи,
Побѣды намъ не далъ безжалостный Рокъ,
Слѣпыми волнами безумной стихіи
Смытъ Вождь незабвенный, разбитъ нашъ челнокъ.

Кружимся по свѣту мы пылью морскою,
Страдаемъ и гибнемъ по лику земли,
Но свято хранимъ мы своею душою
Нашъ кличъ боевой: „Все для счастья Руси!“

Мы дѣти Россіи, мы слуги народа,
Мы вѣрные рыцари бѣлой мечты.
Нашъ лозунгъ: Отчизна, законъ и свобода,
Державная воля родимой страны!

N. N. N.

„Тамба“.

Я не буду описывать подробностей, какъ я выбрался изъ Новочеркасска въ памятный мнѣ вечеръ 12 февраля (ст. стиля) 1918 года, когда красные казаки подъ предводительствомъ измѣнника — войскового старшины Голубова уже входили въ областной городъ Войска Донского. Это слишкомъ удлиннило бы мой разсказъ. Начну съ того момента, въ который я въ тотъ-же вечеръ попалъ въ станицу Аксайскую, верстахъ въ 25-ти отъ Новочеркасска, въ сторону Ростова.

Мой возница хохолъ, взявшійся меня доставить изъ хутора Александровскаго въ Аксайскую (верстъ 8-9), у въѣзда въ станицу рѣшительно заявилъ мнѣ, что дальше не поѣдетъ.

Какъ ни упрашивалъ я его довезти меня до станицы Ольгинской, въ которую сегодня изъ Ростова отступила Добровольческая армія, какъ ни обольщалъ я его высокой платой, оробѣвшій хохолъ ни за что не соглашался.

— Развѣ жъ можно туда ѣхать теперь? — резонно говорилъ онъ. — И въ прежнія то времена, когда настоящее начальство было, случалось, что на тамбѣ (дамба) по ночамъ людей убивали и грабили. А теперь што жъ?! У всякаго лихого человѣка руки развязаны. А сколько ихъ теперь расплодилось! Не поѣду. Мнѣ своя голова дороже денегъ.

Нечего дѣлать. Я слѣзъ съ дрогъ, расплатился съ возницей и, поднявшись на желѣзнодорожную насыпь, рѣшительно зашагалъ по путямъ къ вокзалу. Не успѣлъ я сдѣлать и двухъ десятковъ шаговъ, какъ былъ остановленъ часовымъ.

Между нами произошелъ короткій разговоръ.

— Вы кто такой и куда путь держите? — вѣжливо спросилъ онъ меня.

— Я — казакъ, иду въ Добровольческую армію.

— Но она давно уже прошла въ Ольгинскую...

— Какъ давно?

— Послѣдняя часть перешла черезъ Донъ часа полтора-два назадъ.

До этого у меня была слабая надежда пристать въ Аксайской къ какой нибудь командѣ добровольцевъ, теперь эта надежда рушилась.

Мое положеніе осложнялось тѣмъ, что въ Ольгинской я никогда прежде не бывалъ и зналъ только, что отъ Аксайской до Ольгинской съ давнишнихъ временъ вела деревянная дамба. Но какъ ее ночью найти?

— Какъ жаль! — сказалъ я. — Но мнѣ все-таки, во что бы то ни стало, надо туда. Какъ мнѣ пройти на дамбу?

— Идите прямо по путямъ. Она въ другомъ концѣ станицы.

— Далеко отсюда?
— Верстъ около двухъ будетъ.
Я всмотрѣлся въ своего собесѣдника.
Лицо молодое, серьезное, внушающее довѣріе и интеллигентное.
Оказалось, что передъ мною стоялъ студентъ.
— Какъ же вы здѣсь остались? — рѣшился я предложить ему вопросъ.
— Мы, аксайцы, держимъ нейтралитетъ, теперь охраняемъ станицу.
Я не вытерпѣлъ.
— Охъ, ужъ знаю, чѣмъ пахнутъ эти нейтралитеты!
Молодой человѣкъ слабо улыбнулся.
— Такъ старики рѣшили.
Мнѣ еще долго пришлось лавировать между загромождавшими пути вагонами, платформами, погасшими локомотивами, какими-то разбросанными тюками, пока я добрался до вокзала, расположеннаго ниже насыпи и совершенно скрытаго въ темнотѣ.
Съ той стороны доносился гомонъ казачьихъ голосовъ.
Я остановился.
— Скажите, станичники, — закричалъ я сверху въ темноту. — Какъ мнѣ пройти на Ольгинскую?
Гомонъ утихъ.
Черезъ мгновеніе я услышалъ явно враждебный, грубый хамскій голосъ:
— Коли ты идешь на Ольгинскую, значится, дорогу знаешь. Какого же дьявола ты спрашиваешь?
Какъ только кончился вопросъ, я, не теряя ни секунды, въ свою очередь не менѣе вызывающе и грубо пустилъ въ темноту моему невидимому собесѣднику, тоже вопросъ:
— А ты Москву знаешь?
— Знаю... — послышался неувѣренный отвѣтъ.
— А дорогу туда найдешь?
— А чортъ ее... нашто она мнѣ... — уже въ явномъ замѣшательствѣ выпутывался грубіянъ.
— Какой ты, я вижу, умникъ! — съ явной насмѣшкой отрѣзалъ я.
Раздался взрывъ хохота.
Я отлично понималъ, что только находчивость, часто смѣлость, доходящая до дерзости, въ положеніяхъ, подобныхъ тому, въ какомъ я очутился, могутъ вывести изъ затруднительнаго положенія. Я же имѣлъ полное основаніе опасаться, что меня въ каждую минуту могутъ задержать, хотя бы подъ предлогомъ выясненія личности. А разъ эти люди держатъ „нейтралитетъ“, то имъ ничего не стоитъ передать меня въ руки большевиковъ. Понятно, что такая перспектива мнѣ не улыбалась.
На насыпи со стороны вокзала подъ легкими, поспѣш-

ными шагами зашуршалъ гравій, и передо мною выросла высокая, тонкая фигура казака въ шинели, въ папахѣ, съ ружьемъ за плечами и шашкой при боку.

Его безусое, молодое, симпатичное лицо подергивалось отъ смѣха.

— Вамъ въ Ольгинскую надо?

— Да...

— Такъ идите прямо, никуда не сворачивайте, дойдете до тамбы, а тамъ она приведетъ васъ прямо въ станицу...

— А далеко до дамбы?

— Да порядочно... версты съ полторы наберется. Вотъ какъ увидите подъ насыпью пролетъ, а по самому Дону на снѣгу наѣзженную на ту сторону дорогу, такъ смѣло спускайтесь внизъ и идите черезъ Донъ по этой дорогѣ. Она приведетъ васъ прямо на тамбу.

— А сколько верстъ до Ольгинской?

— Считаютъ восемь.

Цифра вполнѣ совпадала съ ранѣе слышанной мной.

Я поблагодарилъ и пошелъ поскорѣе прочь, благословляя въ душѣ судьбу за то, что пока все складывалось для меня довольно благопріятно.

Я продолжалъ свой путь, зорко осматриваясь по сторонамъ, боясь пропустить переѣздъ черезъ Донъ и дамбу — единственную вѣрную дорогу, которая можетъ привести меня къ завѣтной цѣли.

Я помню, что очень спѣшилъ. Но едва я сдѣлалъ 200-250 шаговъ по желѣзнодорожной насыпи, вездѣ пролегающей здѣсь у самаго берега Дона, какъ увидѣлъ на запорошенномъ снѣгомъ льду слабо темнѣющую дорогу, теряющуюся на противоположномъ берегу.

На моментъ я остановился въ раздумьи.

Да, на той сторонѣ Дона что-то чернѣло и слегка возвышалось надъ плоскимъ берегомъ.

— Не это ли и есть дамба? — мелькнуло въ моей головѣ. — Но вѣдь до нея $1\frac{1}{2}$ версты, а я едва ли и триста шаговъ сдѣлалъ, — соображалъ я. — Какъ же такъ?

Я глянулъ внизъ.

Прямо у меня подъ ногами зіялъ широкій пролетъ съ сводчатымъ потолкомъ.

— Ну вотъ и пролетъ. Значитъ, на томъ берегу будетъ дамба. А насчетъ разстоянія казакъ просто ошибся.

Но у меня оставался слѣдъ сомнѣній.

Самъ я по происхожденію донской казакъ, служилъ въ молодости въ казачьихъ войсковыхъ частяхъ, былъ съ казаками во время минувшей европейской войны и имѣлъ множество случаевъ убѣдиться въ томъ, насколько казаки превосходно оріентируются даже въ совершенно познакомой имъ мѣстности и на глазъ точно и мѣтко опредѣляютъ разстоянія.

Но раздумывалъ я недолго, тотчасъ же съ крутой насыпи сбѣжалъ внизъ и очутился подъ желѣзнодорожнымъ пролетомъ.

О радость! наѣзженная по дѣвственному снѣгу дорожка прямикомъ вела по рѣкѣ къ противоположному берегу.

Я бодро зашагалъ по льду, спѣша поскорѣе перебраться черезъ Донъ, дабы моя черная фигура на бѣломъ фонѣ не привлекла чьего-либо враждебнаго вниманія.

Когда я вышелъ на противоположный берегъ, то къ своему разочарованію и крайнему огорченію даже и признаковъ какой-либо дамбы не нашелъ. Пологій берегъ обрамлялся густымъ бордюромъ низкорослыхъ кустовъ лозняка, примятыхъ и свѣже поломанныхъ на самомъ выѣздѣ съ рѣки. Въ изломахъ лозинъ блестѣла даже бѣлая, какъ снѣгъ, древесина.

— Куда я попалъ? Что же это за дорога? — задавалъ я себѣ вопросы. — Да, повидимому, здѣсь провозили тяжести. Аа... — наконецъ рѣшилъ я, — по всей вѣроятности добровольцы въ этомъ мѣстѣ переправляли черезъ Донъ свою артиллерію.

На этомъ я успокоился и продолжалъ свой путь.

Выбравшись изъ лозняка я очутился на широкой, бѣлой отъ снѣга полянѣ.

Дорога скоро оборвалась, точно куда-то сгинула.

Я понялъ, что попалъ совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ.

Возвращаться назадъ, въ станицу, чтобы оттуда опять продолжать свои поиски спасительной дамбы я, конечно, и не подумалъ, идти на обумъ ночью въ совершенно незнакомой мѣстности, когда весь край охваченъ возстаніемъ и не безопасно и пожалуй безцѣльно. Что же дѣлать? Не стоять же на мѣстѣ? И я пошелъ впередъ.

Меня тревожило то, что я не зналъ, сколько времени Добровольческая армія останется въ Ольгинской. Хорошо, если она тамъ сдѣлаетъ дневку, а если въ эту же ночь снимется и двинется въ степи. Гдѣ тогда искать ее?

Я ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что спасеніе мое заключалось единственно въ возможно быстромъ достиженіи Ольгинской. Значитъ, въ моемъ распоряженіи была только эта ночь до разсвѣта. И эти отмѣренные мнѣ судьбою немногіе часы я долженъ использовать на то, чтобы успѣть, во что бы то ни стало, присоединиться къ Добровольческой арміи.

И я шелъ на обумъ, думая только о томъ, чтобы не встрѣтиться съ одурѣвшими станичниками и особенно съ иногородними, которые въ послѣдніе дни подняли головы и оказались чуть ли не сплошь большевиками.

На небѣ не блистало ни одной звѣзды и хотя луны тоже не было видно, но свѣтъ ея чувствовался въ томъ

мглистомъ, поблескивавшемъ, прозрачномъ туманѣ, которымъ были окутаны окрестности.

Послѣ безчисленныхъ дней и ночей постоянныхъ тревогъ, опасностей и людской толчеи я сразу ощутилъ тишину и покой поля. Только со стороны оставленной мною станицы доносились иногда отдѣльные ружейные выстрѣлы.

Я напрягалъ зрѣніе, чтобы найти дорогу, но всѣ усилія мои оказались тщетными. Я прошелъ уже отъ берега не менѣе полуверсты, какъ вдругъ впереди меня замаячили какія-то темныя пятна и по мѣрѣ моего приближенія впередъ пятна эти все замѣтнѣе и замѣтнѣе темнѣли, выростали и формировались. Скоро я различилъ двѣ человѣческія фигуры, несшія что-то длинное и большое, колыхавшееся въ промежуткахъ между ними.

— Вѣроятно несутъ третьяго, — подумалъ я. — Можетъ быть раненаго товарища. Но кто же эти люди? — пронеслась въ моей головѣ опасливая мысль.

Незнакомцы, несомнѣнно тоже замѣтили меня и опустивъ съ плечъ на землю свою ношу, обернулись въ мою сторону.

Я уже видѣлъ, какъ оба безшумно и поспѣшно скинули съ плечъ винтовки — одинъ изъ нихъ легко припалъ на колѣно и оба направивъ дула своихъ ружей въ мою сторону, замерли въ выжидательномъ положеніи.

Я сразу понялъ, что судьба столкнула меня съ людьми, опытными въ боевомъ дѣлѣ: съ колѣна въ темнотѣ цѣлиться легче.

Въ окружающей тишинѣ до моего слуха донеслось щелканіе сперва одного затвора, потомъ другого.

Я шелъ, не укорачивая шага, сжавъ въ рукѣ единственное мое оружіе — семизарядный браунингъ самаго большого калибра, съ которымъ я не разставался во все время войны.

Я молчалъ. Молчали и незнакомцы.

Вокругъ было ровное снѣжное поле, нигдѣ ни кустика ни даже сориночки. Въ случаѣ перестрѣлки отступать было некуда, залечь не за чѣмъ. Я вспомнилъ, что у меня всего навсего было тринадцать патроновъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ мгновеній.

Я приближался прежнимъ шагомъ и уже ясно различалъ ихъ фигуры въ шинеляхъ и косматыхъ папахахъ.

— Кто идёть? — раздался взволнованный и по выговору и по тембру явно для меня казачій голосъ.

У меня отлегло отъ сердца.

— Казакъ! — отвѣчалъ я.

Винтовки сразу опустились. Тотъ, который стоялъ на колѣнѣ, живо вскочилъ на ноги.

— Ху, слава Тебѣ Господи! — продолжалъ прежній, окликнувшій меня, голосъ. — Нашего полку прибыло. Идитя скорѣе къ намъ. Вмѣстѣ-то веселѣе будеть. А мы ужъ

было испужались, думали, не погоня-ли за нами отъ большевиковъ?

Я приблизился.

Мои новые знакомцы были партизаны.

Старшій изъ нихъ съ сухимъ лицомъ съ свисавшими ниже подбородка усами и ястребиными глазами назвался Иваномъ Андреевичемъ Петровымъ. Его товарищъ Гриша былъ совсѣмъ еще мальчикъ. По росту и сложенію я далъ бы ему всѣ 16 лѣтъ, но ему шелъ всего только четырнадцатый.

То, что я издали въ темнотѣ принялъ за фигуру человѣка, на самомъ дѣлѣ оказался огромнѣйшимъ чуваломъ, вплотную набитымъ всякой всячиной, который партизаны прикрѣпивъ ремнями къ дулу и прикладу винтовки, несли на плечахъ.

Мы пошли вмѣстѣ.

Петровъ назвалъ мнѣ довольно отдаленную отсюда станицу, откуда онъ родомъ и куда теперь онъ съ Гришей пробирался.

Партизаны кряхтѣли и гнулись подъ тяжестью своей ноши. Особенно грузъ этотъ былъ не по силамъ мальчику.

Я предложилъ Гришѣ замѣнить его.

Тотъ въ началѣ отнѣкивался, но наконецъ, видимо, охотно согласился.

Только приподнявъ на плечо за дуло винтовки чувалъ, я на опытѣ убѣдился, какую большую тяжесть несли партизаны. Петровъ разсказалъ мнѣ, что сегодня утромъ ихъ воинская часть выдержала послѣдній бой съ большевиками подъ Новочеркасскомъ, при чемъ у нихъ былъ убитъ командиръ, молодой казачій офицеръ, дѣльный и безумно храбрый, но безпутный кутила.

Я сообщилъ моему новому знакомому, что пробираюсь въ Добровольческую армію, но никакъ не могу попасть на дамбу.

— Тамба? — воскликнулъ онъ. — Да она тутъ по правую руку отъ насъ, ну, въ верстѣ, можетъ, съ небольшимъ. — Онъ мотнулъ въ ту сторону головой. — А на што она вамъ?

— Какъ на што? Мнѣ надо въ Ольгинскую.

— Пойдемте вмѣстѣ. Тутъ вотъ недалечко есть хуторъ. Въ немъ переночуемъ, а утромъ будете въ Ольгинской.

— Нѣтъ. Мнѣ терять времени нельзя. За эту ночь я долженъ добраться до Добровольческой арміи, иначе боюсь, какъ бы она утромъ не ушла. Тогда, знаете, „ищи, свищи въ полѣ вѣтра".

— Што правда то правда. Только такъ скоро, — увѣренно продолжалъ онъ, — она изъ Ольгинской не уйдетъ. Все-таки передъ походомъ дневку сдѣлаетъ. Надо же и конямъ и людямъ хоть немножко дать отдохнуть. Вѣдь совсѣмъ замордавались.

— Въ томъ-то дѣло, что на войнѣ все зависитъ отъ сложившейся обстановки. А мы съ вами не знаемъ ея. Могутъ и не сдѣлать дневки.

— Догнать завсегда можно. Въ крайности нанять подводу...

— Вамъ это легче, мнѣ труднѣе. Вы — казакъ, я — офицеръ. Жители во всякую минуту могутъ выдать меня большевикамъ.

— Казаки не выдадуть.

— Ну и казаки теперь хороши, выдадутъ за милую душу, а мужики и подавно...

— Мазы? Объ энтихъ-то дьяволахъ и толковать нечего. Энтимъ только попадись въ лапы нашъ братъ-казáкъ, особенно офицеръ — тутъ тебѣ и каюкъ. Они сами всѣ большевики треклятые. Насъ, казаковъ, они ненавидють, готовы не то што шкуру съ живого содрать, но и на огнѣ сжарить. Да и казаки сопсовались. Прямо ни на што произошелъ народъ...

Мы подошли къ одиноко стоявшему среди ровнаго поля стогу.

— Уморился я, да и Гриша тоже, съ ногъ падаеть. Давайте присядемъ тутъ, отдохнемъ, — предложилъ Петровъ.

Я согласился.

Мороза почти не было, но по степи гулялъ небольшой вѣтерокъ и было довольно свѣжо. Мы зашли съ надвѣтренной стороны и расположились на мягкомъ сѣнѣ.

Гриша тотчасъ же заснулъ, какъ убитый.

Петровъ надергалъ изъ стога огромную охапку сѣна и со всѣхъ сторонъ обложилъ и накрылъ имъ мальчика.

— Уморился до смерти мальчишка, — вполголоса проговорилъ онъ. — Такъ то лучше будетъ, а то какъ бы не простылъ. Долго-ли?

— Это вашъ сынъ? — спросилъ я.

Петровъ помолчалъ.

Улыбка нѣжности озарила его щетинистое обвѣтренное лицо.

— Вродѣ какъ сынъ. У насъ со „старухой“ дѣтей не было Богъ не послалъ. Такъ вотъ я нашелъ ей сыночка. Вотъ обрадуется. Гришины родители новочеркасскіе казаки. Они въ городѣ и живутъ. Тамъ у нихъ своя обсалюція: курень хорошій, анбаръ, конюшни, кони есть, скотинка, курочки водятся и все такое. Мы съ Гришей всю нонѣшнюю осень и зиму въ одномъ отрядѣ прослужили. Ужъ такой хорошій малчёнокъ! Прямо въ одно ухо вдунь его въ другое выдерни. Безотвѣтный, слухменный. Теперя куда же ему дѣваться? Вѣдь онъ — партизанъ. Придутъ эти ареды, большевики, къ „стѣнкѣ“ поставять. Пропадетъ малчиіка такъ ни за што, ни за понюшку табаку.

— Ну такого-то маленькаго и къ стѣнкѣ? — усомнился я.

— Энтимъ сатанамъ рогатымъ все одно! — съ сердцемъ перебилъ онъ меня. — Грудныхъ младенцевъ не пощадять, а не то што...

Тогда я этому не повѣрилъ.

— Ну, почемъ же они узнаютъ, что Гриша былъ въ партизанахъ?

— Свои же сусѣди выдадуть, донесуть. Какъ же бы я его оставилъ? — помолчавъ, продолжалъ онъ. — Это было бы и отъ Бога грѣхъ и отъ людей стыдно. Мнѣ его жалко. Вотъ я его у родителевъ и выпросилъ. Сперва-то не отпускали, жилѣють, своя же дитя кровная. Еле вымолилъ. Ничего. Будеть моимъ сыночкомъ. Все имѣніе мое на него отпишу.

Тихо разговаривая, мы закурили, съ наслажденіемъ затягиваясь дымомъ табака и изъ осторожности пряча зажженныя папироски въ рукава.

— Чего же у васъ и теплыхъ перчатокъ нѣту? — спросилъ мой новый пріятель, косясь глазами на мои руки въ тонкихъ лайковыхъ перчаткахъ.

Дѣйствительно, хотя одѣтъ я былъ очень тепло, но вышелъ изъ Новочеркасска совсѣмъ на легкѣ.

Я былъ въ черномъ романовскомъ полушубкѣ, легкомъ и тепломъ, „охотницкомъ", сдѣланномъ еще въ благополучныя мирныя времена по моему заказу въ одной изъ лучшихъ скорняжныхъ мастерскихъ Петербурга. На головѣ у меня была огромная папаха, на ногахъ бурочные сапоги, обшитые кожей. Весь же остальной багажъ мой состоялъ изъ пары кожаныхъ походныхъ сапогъ съ высокими, до окраекъ голенищъ поднарядами и кожаныхъ же шароваръ, завернутыхъ въ башлыкъ, который я держалъ подъ мышкой. Я разсказалъ, что попалъ въ эти мѣста совершенно неожиданно, что приготовленныя мною въ походъ вещи: шинель, чемоданчикъ съ бѣльемъ, папиросами, запасными патронами и съ иной мелочью остались въ саняхъ одного генерала на Новочеркасскомъ вокзалѣ. Съ этимъ генераломъ мы собирались ѣхать вмѣстѣ, но въ послѣдній моментъ разминулись, сообщилъ также, что въ одной изъ окрестныхъ станицъ находится моя строевая лошадь, которую вопреки моему распоряженію по какимъ то причинамъ мнѣ не прислали, почему я и путешествую пѣшкомъ.

Петровъ молча развязалъ ремни и порывшись въ своемъ необъятномъ чувалѣ, вытащилъ изъ него новыя пуховыя перчатки.

— Прикиньте на руку, ваше высокобродіе. Ежели подойдуть, носите себѣ на здоровье. Должны бы подойтить.

Подарокъ пришелся какъ разъ впору.

Закоченѣвшія на холодѣ руки мои сразу стали согрѣваться.

Также молча Петровъ вытащилъ изъ своего чувала

толстые, доходящіе до колѣнъ, шерстяные чулки, потомъ веицевую солдатскую сумку съ наплечными ремнями, почти до половины наложилъ въ нее банокъ съ консервами и все это подалъ мнѣ.

— Зачѣмъ? — удивленно спросилъ я.

— Въ походѣ все пригодится. А въ сумочку положите сапоги и шаровары, а башлыкъ накиньте на голову. Все-таки грѣва, тепле будетъ.

Я былъ и обрадованъ, и сконфуженъ.

— Послушайте, Иванъ Андреевичъ, вѣдь все это денегъ стоитъ.

— Какихъ? — перебилъ онъ, уставившись на меня лукавымъ взглядомъ. — За што купилъ, за то и продаю. Почему не подѣлиться съ хорошимъ человѣкомъ?! Я это получилъ за пять пальцевъ. — Для наглядности онъ на моментъ растопырилъ всю свою пятерню передъ моимъ лицомъ. — Въ Аксаѣ разбили интендантскіе вагоны. Што спирту этого разлили. Горстями прямо съ земли пили, паскудники. Ну и народъ! А потомъ спиртъ загорѣлся. Што добра-то погублено, прямо, страсть! Каждый, что хотѣлъ, то и тянулъ. И я вотъ воромъ сдѣлался. Что жъ грѣха таить. По нонѣшнимъ временамъ самъ съ голоду сдохнешь и своихъ домачныхъ уморишь, ежели все проморгаешь, — съ досадой проворчалъ онъ, съ ожесточеніемъ, натуго затягивая ремни на своемъ чувалѣ. — Ну вотъ я и нахваталъ всякой всячины. Тутъ у меня съ десятокъ паръ боксовыхъ ботинокъ. Прочные, какъ желѣзо, топоромъ не разрубишь. Сносу имъ не будетъ. Агличане на карабляхъ доставляли. Банокъ съ разными концертами прихватилъ, рубашекъ, подштанниковъ, перчатокъ, чулокъ, всего, что подъ руку подвернулось... Все пригодится.

— А третью винтовку зачѣмъ же?

— Запасная. На всякій случай. Времена-то теперь какія! Я и патроновъ цѣлую кучу нагребъ. Все равно не миновать воевать.

Во время нашего мирнаго разговора тишину ночи вдругъ нарушили глухіе звуки отдаленнаго залпа изъ двухъ орудій.

Насъ это поразило.

Выстрѣлы раздались справа и сзади, съ ростовской стороны.

Все приближаясь и замедляя движеніе, воздухъ прорѣзывался скрежещущими и шелестящими звуками летящихъ шрапнелей.

Мы невольно подняли къ небу глаза.

Разрывовъ не было ни слышно и ни видно.

Прошла минута-другая и снова приблизительно съ прежняго мѣста донесся залпъ, снова запѣли и заскрежетали въ воздухѣ, казалось, недалеко отъ насъ, невидимыя шрапнели, но какъ и раньше, разрывовъ не было.

Издалека, только съ противоположной стороны донесся протяжный, тупой, какъ бы разсыпающійся пушечный выстрѣлъ. И снова все замерло.

— Это большевики съ тамбы стрѣляютъ, — увѣренно заключилъ Петровъ. — Наши зря тратить снарядовъ не будутъ. А имъ што? Имъ не жалко. Они не наживали, награбили готовое, царское...

Отдохнувъ, мы разбудили Гришу и поднявъ ношу на плечи, пошли дальше.

— Однако куда мы идемъ? — спросилъ я.

— Да на хуторъ же. Тамъ до утра перебудемъ, обогрѣемся и поспимъ у добрыхъ людей, а утромъ видно будетъ что дѣлать. „Утро вечера мудренѣе".

— Нѣтъ, такъ нельзя, — не унимался я. — Въ эту же ночь я долженъ добраться до Ольгинской. Да вы знаете этотъ хуторъ?

— Признаться, не совсѣмъ, но тутъ вблизу хуторъ есть. Я тутъ недалечко ночевалъ разъ.

— Когда?

— Это еще въ первый бунтъ, когда насъ гоняли въ Ростовъ усмирять мазовъ и рабочихъ.

— Такъ это, вѣроятно, еще въ девятсотъ пятомъ году? — сказалъ я, не скрывая своего разочарованія.

— Кажись, да. Да, въ пятомъ и будетъ. Опосля то мнѣ больше не доводилось въ этихъ мѣстахъ бывать. Ну и накрошили же мы ихъ тогда тутъ на горкѣ, по Садовой улицѣ и на площади у вокзала. Страсть!

Мнѣ было уже не до подробностей, какъ крошили мазовъ и рабочихъ. Какъ я ни вертѣлъ въ головѣ, одна мысль изъ всѣхъ казалась мнѣ единственно цѣлесообразной — всетаки, во что бы то ни стало, поскорѣе отыскать мнѣ дамбу, которая и приведетъ меня къ завѣтной цѣли.

Мы прошли уже съ версту, какъ вдругъ очутились передъ замерзшимъ Дономъ.

Но странно, мы были удивлены, что влѣво отъ насъ шла широкая полоса рѣки и почти столь же широкая полоса преграждала намъ путь и шла вправо.

— Што же это такое? — въ замѣшательствѣ пробормоталъ Петровъ. — Помнится, што тогда, въ пятомъ году, Донъ все время оставался въ одной сторонѣ, по лѣвую руку. А теперича и туда, и суда. Чего же это?

Какъ потомъ выяснилось, мы отъ самаго Аксая путешествовали по острову, лежащему къ востоку отъ этой станицы. Широкій протокъ Дона отдѣлялъ его отъ степной стороны. Та дорога, по которой я переходилъ отъ Аксая Донъ, была наѣзжена жителями, перевозившими на саняхъ сѣно съ острова въ станицу.

Въ туманной темнотѣ передъ нашими глазами, чернѣя, маячили на той сторонѣ протока какія-то громады-страши-

лица, не то дома, не то большія деревья, не то чортъ знаетъ что, не похожее на что либо опредѣленное.

— Это и есть хуторъ, — увѣренно заявилъ Петровъ.

Я сомнѣвался.

Мы стали перебираться по льду.

Раза два подо мною ломался ледъ. Я проваливался и въ сапогахъ моихъ уже хлюпала вода. Но съ этими пустяками не приходилось считаться.

Чѣмъ ближе мы подходили къ низкому, пологому берегу, тѣмъ опредѣленнѣе стало вырисовываться передъ нами нѣчто совсѣмъ не похожее на какія-либо строенія, а потомъ, когда мы вышли на твердую землю, то почти вплотную наткнулись на цѣлую группу старыхъ, высокихъ, съ косматыми верхушками, искривленныхъ и коряжистыхъ вербъ.

— Но домовъ что-то не видно! — сказалъ я Петрову.

— Да не видать. Вотъ чуда чудная! Кажись, тутъ былъ хуторъ. Куда жъ онъ къ чорту провалился?

Мы взяли влѣво по слегка повышающемуся въ этомъ мѣстѣ берегу Дона, прошли съ сотню шаговъ и вдругъ очутились передъ какимъ то строеніемъ. Дверями и подслѣповатыми окнами оно выходило на рѣку. Огня не было видно. Какъ оказалось, это былъ бездѣйствующій томатный заводъ.

Мы едва достучались и упросили хозяевъ впустить насъ въ хату обогрѣться.

На заводѣ жилъ только старикъ-сторожъ съ женой и маленькимъ внученкомъ.

Было ровно 12 часовъ ночи, когда мы вошли въ теплую комнату стариковъ, мирный сонъ которыхъ нарушили.

Испугавшаяся въ началѣ старуха, убѣдившись, что мы — люди мирные, не способные причинять кому-либо зла, по нашей просьбѣ охотно дала намъ хлѣба, приготовила на салѣ яичницу и поставила самоваръ.

Гриша, вконецъ изнеможенный, войдя въ теплую хату, тотчасъ же свалился на полъ и мгновенно заснулъ мертвымъ сномъ.

Я тотчасъ же переодѣлся.

Вмѣсто синихъ съ красными лампасами галифе, которыя оказались теперь совсѣмъ „не по сезону", я надѣлъ кожаныя шаровары. Подарокъ партизана пришелся тутъ, какъ нельзя болѣе, кстати: на моихъ мокрыхъ, закоченѣвшихъ ногахъ были сухіе, теплые шерстяные чулки и походные сапоги.

Потомъ я присѣлъ къ столу, чтобы написать нѣсколько строкъ.

Семью мою, состоявшую изъ жены и троихъ малолѣтнихъ дѣтей съ бонной и дѣвочкой-институткой — дочерью одного моего знакомаго, я послѣ самоубійства атамана Каледина*), ни мало не медля, вывезъ изъ Новочеркасска.

*) Застрѣлился въ Новочеркасскѣ 29 января 1918 года.

Первоначальное намѣреніе мое было привезти всѣхъ моихъ въ одну изъ отдаленныхъ станицъ 1-го Донского округа, но наступившая тогда распутица съ непролазной грязью воспрепятствовала мнѣ выполнить мое желаніе и я вынужденъ былъ временно оставить семью въ одной изъ ближнихъ станицъ подъ охраной моего вѣрнаго вѣстового, не взирая на всѣ перипетіи революціи, не покидавшаго меня съ перваго дня войны, самъ же вернулся въ Новочеркасскъ.

Петровъ обѣщалъ мнѣ завтра же побывать у моей жены, успокоить ее на мой счетъ и при малѣйшей возможности перевезти всю семью въ ту отдаленную станицу, которую я первоначально намѣтилъ.

Обо всемъ этомъ я написалъ женѣ на клочкѣ бумажки и передалъ его партизану.

На столѣ передъ нами, наполняя паромъ комнатку, уже шипѣлъ огромный самоваръ.

Гришу мы не могли добудиться.

Мы вдвоемъ съ Петровымъ насытились разогрѣтымъ консервированнымъ мясомъ, горячей яичницей и напились чаю съ сгущеннымъ молокомъ. Конечно, все это благополучіе мы получили изъ обильныхъ запасовъ партизана.

Отъ старика-хохла мы узнали, что до Ольгинской и 4-хъ верстъ не будетъ, а дамба проходитъ всего въ 400-хъ шагахъ отсюда.

У меня отъ радости запрыгало сердце.

Я рѣшительно заявилъ Петрову, что, не теряя ни минуты, сейчасъ же буду продолжать мой путь.

Партизанъ былъ въ раздумьи.

Онъ понялъ, что ему съ Гришей дальше нести тяжелый чувалъ не по силамъ. Долго мѣшкать здѣсь нельзя: могутъ нагрянуть большевики.

— Знаете что, ваше высокобродіе, я оставлю тутъ Гришу. Онъ выспится и кстати покараулить мою хурду-бурду, а я съ вами смотаюсь въ Ольгинскую. Тамъ то я найду подводу. Хучь до ближней станицы довезуть.

Я обрадовался.

Признаюсь, блуждать ночью въ одиночествѣ по совершенно незнакомой мѣстности въ такое страшное время, какъ тогда, было жутко.

Ровно въ два часа ночи мы въ сопровожденіи старика-сторожа вышли изъ теплой комнаты на берегъ Дона.

Съ замерзшей рѣки тянуло рѣзкимъ вѣтеркомъ.

Помню, мнѣ сразу показалось холодно.

Было по-прежнему темно, по-прежнему не блистало ни единой звѣздочки на мутно-черномъ небѣ.

Старикъ прошелъ съ нами съ полсотни шаговъ и вывелъ на дорогу, идущую, по его словамъ, прямо къ дамбѣ.

— А вонъ видите, чернѣется-то, — указывая вдаль рукой, говорилъ сторожъ. — Это и есть она самая тамба.

Вотъ какъ дойдете до ней, заразъ свертайте налѣво и такъ прямо по тамбѣ и идите до самой Ольговки.

Дѣйствительно, намъ показалось, что невдалекѣ отъ насъ на бѣлой землѣ чернѣла длинная, сливающаяся съ сплошной темнотой, полоса.

— И вы говорите, что тутъ до Ольгинской только четыре версты?

— Эге, и того не буде.

Мы поблагодарили старика, распростились съ нимъ и пошли по указанной имъ дорожкѣ.

Черная полоса весьма скоро исчезла, расплылась какъ-то въ темнотѣ и туманѣ и передъ нами во всѣ стороны разстилалось ровное, бѣлое поле.

Мы шли, не останавливаясь, приблизительно съ часъ времени. Никакихъ признаковъ дамбы передъ нами не было.

Въ воздухѣ холоднѣло; вѣтерокъ замѣтно усиливался. Начиналась, какъ называютъ у насъ, въ южныхъ степяхъ, позёмка, т. е. сверху снѣгъ не падалъ, но вѣтеръ срывалъ его съ земли и мелкой, сухой пылью крутилъ и переносилъ изъ стороны въ сторону, наметалъ подъ ногами маленькіе бугры и завалы и иногда, точно остріями иглъ, больно кололъ и билъ въ лицо.

— Куда же дѣлась эта проклятая тамба? Чортъ ее съѣлъ, што-ли? — остановившись посреди дороги, со злобой воскликнулъ мой спутникъ. — Штобъ ей провалиться, треклятой. Все набрехалъ намъ энтотъ анаѳемскій дѣдъ.

Я самъ давно уже недоумѣвалъ.

— Не знаю... — въ растерянности отвѣтилъ я.

— Мы сбились...

— Не думаю. Дорогу еще не замело. Вотъ видите слѣды полозьевъ и конскихъ копытъ. Направленія мы не мѣняли, нигдѣ не сворачивали ни вправо, ни влѣво.

— Я до смерти уморился. Надо немножко отдыхаться, а то духъ заняло. Бѣжимъ-бѣжимъ, будто скажешь, кто по шеямъ насъ толкаитъ...

— Я тоже уморился. Присядемъ.

Мы сняли папахи, обтерли взмокшіе лбы и головы, потомъ присѣли на землю и закурили.

Вдругъ намъ явственно послышались гулкій грохотъ многихъ колесъ по полому досчатому настилу, топотъ лошадиныхъ копытъ и даже человѣческіе голоса.

Мы прислушались.

— Да это на тамбѣ... — увѣренно заключилъ Петровъ.

Я вполнѣ согласился съ нимъ.

Мы поднялись съ земли и съ новой энергіей продолжали наши поиски.

Впереди опять совсѣмъ недалеко отъ насъ что-то зачернѣло.

Мы не сомнѣвались, что наконецъ-то теперь передъ нами дамба.

Но мы были осторожны и боясь нарваться на большевиковъ, при приближеніи зорко осматривались по сторонамъ.

То, что чернѣло издали и что насъ такъ манило, на самомъ дѣлѣ оказалось обыкновеннымъ степнымъ буеракомъ съ обрывистыми, голыми боками, обросшимъ чернобыломъ и мелкимъ кустарникомъ.

— Насъ чортъ за носъ водить! — съ досадой воскликнулъ Петровъ. — Штобъ ему, рогатому, ни дна, ни покрышки. Вѣдь вотъ прилипнеть же нечистый духъ, какъ смола и хучь ты тутъ тресни съ нимъ, никакъ не отлипнить.

Блужданія наши продолжались и дальше съ прежней неослабной энергіей. Мы вспотѣли, падали отъ усталости, присаживались отдыхать, потомъ вскакивали, снова шли, снова отдыхали и снова шли, шли...

Много разъ до нашего слуха доносился отдаленный лай собакъ, но всякій разъ не съ той стороны, въ какой мы предполагали найти не дававшуюся намъ, какъ жаръ-птица, дамбу.

Такъ проплутали мы вплоть до разсвѣта.

Передъ самымъ утромъ донимавшій насъ холодный вѣтерокъ какъ-то сразу упалъ. Стало тепло и такъ тихо, точно вся природа и самъ воздухъ, какъ зачарованные нездѣшней силой, замерли, не проявляя ни малѣйшаго шевеленія, ни дрожанія, ни даже звука.

Было ровно шесть часовъ утра.

Солнце не показывалось надъ мутнымъ горизонтомъ, но было свѣтло.

Надъ извилистой степной рѣчушкой низко стлалась синяя стѣна клубящагося тумана съ косматымъ верхомъ.

Мы совершенно неожиданно очутились у самаго крайняго пестро и затѣйливо расписаннаго казачьяго куреня.

Впереди насъ было по-прежнему плоское, снѣжное поле, сзади раскинулся длинный хуторъ.

Изъ всѣхъ трубъ, ввидѣ крученыхъ колоннъ, толстыми столбами прямо къ небу вился густой, сизый дымъ; ощутительно било въ носъ кизячной гарью; по дворамъ горланили пѣтухи и лаяли собаки; на базахъ лѣниво мычали коровы, имъ тонкими, нѣжными голосами откликались телята; откуда-то издалека, съ противоположнаго края хутора, съ силой прорѣзывая гулкій утренній воздухъ и покрывая собою всѣ остальные голоса, донеслось задорное, звонкое, какъ-бы трепетное и заливистое лошадиное ржаніе, съ ближней улицы на это одновременно откликнулось три или четыре лошадиныхъ глотки.

Все живое просыпалось, но людей не было видно.

— Что же, Иванъ Андреевичъ, намъ надо у кого-нибудь узнать, гдѣ мы находимся?

— Да. Што надо, то надо.

Онъ тотчасъ-же вошелъ во дворъ, отдѣленный отъ поля свѣже-тесанымъ досчатымъ заборомъ, постучалъ пальцемъ въ ближайшее окно куреня и по донскому обычаю громко проговорилъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“

Не сразу изнутри дома послышалось робкое „аминь“ и въ окнѣ появилась фигура молодой казачки съ испуганнымъ лицомъ.

Видъ у насъ обоихъ былъ довольно воинственный, особенно у Петрова съ его торчащимъ изъ за плеча дуломъ винтовки и патронной лентой по груди.

— Скажите Христа ради, хозяюшка, далеко ли будетъ станица Ольгинская?

— Одна верста отсюда.

— А гдѣ она?

Казачка махнула рукой прямо на западъ.

— Тамъ, за горой.

Мы были поражены и съ недоумѣніемъ переглянулись. Всю ночь мы, какъ намъ казалось, только и дѣлали, что шли съ запада на востокъ и вдругъ ни съ того ни съ сего очутились какъ разъ въ совершенно противоположной отъ станицы сторонѣ.

— А какъ намъ туда пройти? спросилъ я.

— Вонъ идите мимо картофельнаго поля, какъ ее пройдете, увидите дорогу. По ней и ступайте. Это прямо на Ольгинскую.

Тамъ, гдѣ мы находились, туманъ уже разсѣялся. Утренній воздухъ былъ прозраченъ и чистъ. Мы и признаковъ какой-либо горы не увидѣли передъ собой, но въ той сторонѣ, куда, указала рукою казачка, дѣйствительно подобно огромной, пухлой горѣ, недвижно стояло облако голубовато-сизаго тумана, уже на верхнихъ своихъ очертаніяхъ нѣжно розовѣвшаго подъ лучами еще невидимаго солнца.

Мы пошли по указанному намъ направленію.

Я и радовался тому, что такъ близко оказался отъ цѣли моего путешествія, и трепеталъ при мысли, что можетъ быть, я уже опоздалъ и добровольцы двинулись въ степи.

Слѣва отъ насъ, перескакивая черезъ кочки картофельнаго поля, шелъ огромный казакъ въ синей, съ краснымъ околышемъ, фуражкѣ, въ черномъ разстегнутомъ тулупѣ, съ поднятымъ воротникомъ.

За нимъ, усиленно размахивая руками и едва поспѣвая, семенила низенькая, круглая баба, въ короткой, подпоясанной по дородной таліи, крытой шубкѣ, съ головой и лицомъ укутаннымъ теплымъ платкомъ настолько основательно, что видны были только одни глаза ея.

— Скажите, пожалуйста, станичникъ, куда путь держите? — крикнулъ я.

— Въ Ольгинскую на базаръ! — такъ густо пробасилъ онъ, что ему позавидовалъ бы любой соборный протодьяконъ.

— Разрѣшите пойти вмѣстѣ съ вами. Мы — не здѣшніе. Дороги не знаемъ.

Онъ мелькомъ взглянулъ на насъ.

— Ежели вы — добрые люди, пойдемте... — отвѣтилъ онъ, упругимъ прыжкомъ перескакивая черезъ очередную кочку.

Мы присоединились къ казаку съ бабой, быстро вышли на хорошо наѣзженную дорогу и уже сообща съ ними продолжали дальнѣйшій путь.

Я освѣдомился у казака о Добровольческой арміи.

— Ничего не слыхать у насъ, — безпечно отвѣтилъ онъ, ловко, безъ промаха бросая изъ рукава прямо въ ротъ тыквенныя сѣмячки и быстро выплевывая на дорогу шелуху. — Вчерась тутъ гуторили, будто генералъ Корниловъ должонъ былъ заночевать въ Ольгинской, а кто его знаеть... ничего это намъ неизвѣсно, што оно и какъ...

Мы прошли отъ хутора уже съ полверсты и вступили въ полосу сѣдого, окутавшаго насъ со всѣхъ сторонъ, тумана, изъ котораго какъ-то неожиданно и безшумно вынырнула передъ нами несущаяся тройка.

Широкія сани-розвальни были сплошь набиты укутанными съ головой людьми, сидѣвшими спинами къ передку.

Могучій, широкій коренникъ, съ заиндевѣвшей грудью и мордой, высоко неся красивую голову, съ колыхавшейся надъ ней внушительной расписной дугой, покачиваясь статнымъ корпусомъ, равномѣрно, какъ хронометръ, шибкой иноходью отмѣривалъ пространство, а пристяжныя, отогнувъ въ стороны головы, неслись вскачь. Мирно поскрипывали по наѣзженному насту широкіе полозья; комья снѣга изъ подъ копытъ летѣли вокругъ и розвальни то и дѣло бросало съ одной обочины дороги къ другой.

Сѣдой туманъ косматыми хлопьями обтекалъ лошадей, сани и стоявшаго въ передкѣ веселаго подводчика-старика.

Мы торопливо отскочили съ дороги.

— Добровольческая армія не ушла еще изъ Ольгинской? — изо всей мочи крикнулъ я.

Веселый старикъ махнулъ кнутикомъ.

— И не собирается уходить... Ей и у насъ хорошо. Еще недѣли съ три простоитъ. Генералъ Корниловъ нонича сборъ собираитъ... хотитъ съ стариками побесѣдовать...

Онъ еще что-то прокричалъ, но я не разслышалъ.

У меня гора свалилась съ плечъ. Значитъ на этотъ разъ спасенъ.

Тройка какъ неожиданно выплыла передъ нами, такъ же неожиданно и скрылась.

Странное и горестное впечатлѣніе произвели на меня послѣднія встрѣчи: край пламенѣетъ въ лютой междоусобной враждѣ; всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этихъ мѣстъ люди безпощадно бьютъ и рѣжутъ другъ друга; земля залита

братской кровью, а здѣсь мирная деревенская идиллія: казакъ, идущій съ женой на базаръ и съ обезьяньимъ проворствомъ щелкающій сѣмячки, веселый старикъ на тройкѣ, увѣренный, что Корниловъ еще три недѣли простоитъ въ ихъ станицѣ. Какія-то непревзойденныя безпечность и легкомысліе. Точно разыгрывающіяся у порога этихъ людей страшныя событія ихъ никакъ не касаются.

Недолго мы шли, какъ изъ густого тумана страшными по своему уродству, апокалипсическими очертаніями замаячило какое-то страшилище.

Дотолѣ неподвижное облако тумана вдругъ отъ неизвѣстной причины, безъ колыханій и разрывовъ, снялось съ земли и цѣликомъ медленно стало возноситься кверху.

На мѣстѣ страшилища постепенно открывалась обыкновенная приземистая мельница-вѣтрянка съ однимъ изъ четырехъ обломаннымъ крыломъ.

Прошла минута-другая нашего путешествія.

Пелена тумана поднималась все выше и выше; въ воздухѣ становилось теплѣе.

Огромный, красный кругъ солнца въ опаловой дымкѣ засверкалъ низко надъ землей.

Передъ нами сразу открылся обширный выгонъ, за нимъ на плоской равнинѣ курени станицы и церковныя главы.

— Стой! Кто идетъ? — раздался громкій молодой голосъ и шагахъ въ пятидесяти отъ насъ съ земли поднялась черная человѣческая фигура съ винтовкой въ рукахъ.

Мы остановились и назвали себя.

— Сложите оружіе и идите ко мнѣ! — повелительно скомандовалъ онъ.

Мы повиновались.

Это былъ часовой сторожевого охраненія Добровольческой арміи, студентъ, бывшій чернецовецъ.

Захвативъ винтовку Петрова и мой браунингъ, партизанъ длинными улицами повелъ насъ въ комендатуру.

Насъ ввели въ довольно просторную, очень опрятную комнату съ клеенчатымъ диваномъ у одной стѣны, съ кроватью у противоположной, на которой горою высились перины и подушки, накрытыя бѣлымъ, кружевнымъ покрываломъ, съ большимъ зеркаломъ въ простѣнкѣ между свѣтлыми окнами и съ портретами царей и героевъ по стѣнамъ.

Молодой казачій офицеръ, задумчивый и сумрачный, съ фатальнымъ выраженіемъ большихъ, темныхъ, съ зеленоватымъ блескомъ, глазъ, глядѣвшихъ исподлобья, съ роскошнымъ чернымъ чубомъ, спросилъ насъ, кто мы и откуда?*).

Конечно никакихъ документовъ у насъ не оказалось.

---

*) Впослѣдствіи я встрѣтился съ этимъ офицеромъ, помнится, 12 апрѣля, т. е. два мѣсяца спустя, на улицѣ въ станицѣ Ильинской Кубанской области. Я не узналъ было его. Такъ разительна была перемѣна. Но онъ самъ радостно привѣтствовалъ меня. Онъ былъ

— Кто можетъ удостовѣрить вашу личность въ Добровольческой арміи?

Я назвалъ генерала Алексѣева и перечислилъ всѣхъ, начиная съ Корнилова, съ которыми я сидѣлъ въ Быховской тюрьмѣ.

— А-а... этого за глаза достаточно... — усмѣхаясь, заключилъ офицеръ.

Личность моего спутника, конечно, удостовѣрилъ я.

Намъ возвратили оружіе и отпустили на всѣ четыре стороны.

Мы съ Петровымъ падали отъ усталости. Идти отыскивать для себя пристанище уже не было силъ.

Петровъ приткнулся гдѣ-то въ углу сосѣдней комнаты, занятой хозяевами дома.

Офицеръ любезно предложилъ мнѣ лечь на диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ у придвинутаго столика, заваленнаго бумагами.

Но я, чтобы не причинять ему лишнихъ хлопотъ, попросилъ позволенія лечь на полу, кстати онъ былъ чисто вымытъ, натертъ желтымъ лакомъ и покрытъ ковромъ.

Я бросилъ на него свой полушубокъ, положилъ въ голову свой вещевой мѣшокъ — подарокъ моего партизана и самъ растянулся.

Я спалъ спокойно, крѣпко, безъ сновидѣній.

Кажется, это было со мной впервые со дня „великой, безкровной".

Я открылъ глаза, потому что мнѣ стало не вмоготу жарко.

Нестерпимо яркіе лучи солнца, пробивались сквозь два большихъ окна комнаты и падая на полъ, заливали меня съ головы до ногъ.

Прежній офицеръ, сидя противъ меня на стулѣ и мастерски напѣвая подъ носъ какую-то мелодичную боевую пѣсенку, чистилъ части своей разобранной винтовки и, взглянувъ на меня, улыбнулся.

— Хорошо вы, крѣпко поспали.

— Да такъ хорошо, какъ давно не спалъ.

Я взглянулъ на часы.

Перевалило уже за полдень.

Ища Петрова, я вышелъ на низкое крылечко.

Поднимавшійся по лѣсенкѣ хозяинъ дома — пожилой, степенный казакъ, сообщилъ мнѣ, что партизанъ съ часъ назадъ ушелъ нанимать для себя лошадей и обѣщалъ скоро вернуться.

Весь окрестный воздухъ, казалось, купался и дрожалъ въ золотыхъ солнечныхъ лучахъ; было больно для глазъ

жестоко раненъ пулей въ грудь на вылетъ, походилъ на высохшій скелетъ, съ изможденнымъ лицомъ и потухшимъ взоромъ.

смотрѣть на снѣжное поле, такъ все оно искрилось и излучалось; съ крышъ падала частая капель; улица потемнѣла и загрязнилась, поверхъ тонкаго ледяного наста плавала уже вода. Пахло весной.

Во всѣ стороны разбрызгивая талый снѣгъ, къ воротамъ подкатила подвода.

Съ саней спрыгнулъ Петровъ и вошелъ во дворъ.

Онъ очень спѣшилъ, потому что его очень озабочивала участь оставленнаго нами на заводѣ Гриши и дорога съ каждой минутой портилась.

Я еще разъ попросилъ партизана заѣхать къ моей семьѣ.

— Объ этомъ не безпокойтесь, ваше высокобродіе — перебилъ онъ меня. — Это дѣло святое. Навѣщу ваше семейство нонича же, а какъ только мало-мальски установится дорожка, самъ перевезу ее къ К-ку.

Мы сердечно простились.

Я предложилъ партизану денегъ.

Ни за что не взялъ.

— На што?! У походнаго человѣка завсегда всякая копѣйка на счету. А я иду къ себѣ домой.

Я пошелъ въ станичное управленіе и тутъ только въ первый разъ увидѣлъ ту роковую „тамбу“, которую въ началѣ я одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Петровымъ всю прошлую ночь такъ безуспѣшно искалъ.

Въ штабѣ арміи я встрѣтилъ множество своихъ знакомыхъ и сослуживцевъ по міровой войнѣ и революціи.

Здѣсь же мнѣ сообщили, что ночью по дамбѣ бродили большевицкія шайки.

Несомнѣнно, что сроки моего земного странствія не наступили тогда. Такъ опредѣлено было свыше.

Невѣры и скептики скажутъ, что своимъ спасеніемъ я обязанъ случайному сочетанію счастливыхъ обстоятельствъ.

Я думаю на этотъ счетъ иначе.

Богъ, по молитвамъ моего небеснаго заступника св. Серафима Саровскаго, который и прежде и послѣ не разъ спасалъ меня отъ неминуемой, казалось, смерти, спасъ меня и на этотъ разъ отъ безпощадныхъ большевицкихъ лапъ, въ которыя я самъ къ своему невѣдѣнію такъ упорно и такъ усердно лѣзъ.

Съ этого момента я былъ уже въ нѣдрахъ Добровольческой арміи, съ которой мнѣ пришлось пережить всѣ незабываемыя страшныя перепитіи безпримѣрнаго Ледяного похода, сплошь ознаменованнаго непревзойденной жертвенной доблестью нашихъ мучениковъ-страстотерпцевъ — молодыхъ русскихъ поколѣній.

Лѣтомъ 1919-го года мнѣ довелось побывать въ мѣстахъ нашего съ Петровымъ странствія въ описанную мною ночь. Тутъ только мнѣ стало ясно, гдѣ мы такъ много блуждали, почему неоднократно слышали лай собакъ, топотъ копытъ,

тарахтѣніе какъ бы телѣгъ и даже людскіе голоса. Видѣлъ я и заброшенный томатный заводъ и дамбу, отстоявшую отъ него не болѣе, какъ въ 400 хъ шагахъ.

Разгадка была проста: непостижимо только, какъ мы могли сбиться съ дороги и вмѣсто прямого направленія на югъ сразу же отъ завода повернули на востокъ. Мы блуждали вблизи почти непрерывной цѣпи амфитеатромъ расположенныхъ здѣсь казачьихъ хуторовъ и сдѣлавъ за ночь полукругъ по крайней мѣрѣ въ 12-15-ть верстъ, къ разсвѣту очутились съ совершенно противоположной отъ цѣли нашего путешествія стороны.

На этомъ мѣстѣ надо поставить точку.

Но характеристика Петрова не была бы полна, если-бы я на этомъ кончилъ.

Партизанъ выполнилъ свое обѣщаніе, навѣстилъ мою жену, но не на слѣдующій день, какъ мы съ нимъ условились, а въ концѣ марта, т. е. полтора мѣсяца спустя.

Градомъ сыпавшіяся тогда на головы всѣхъ добрыхъ русскихъ людей несчастія потрясли мою жену. Ибо она цѣлыя шесть недѣль не имѣла никакихъ извѣстій. Мой вѣрный вѣстовой — единственный заступникъ за мою семью передъ революціонными властями и разнуздавшейся кровожадной чернью, былъ призванъ въ ряды ополченія своей станицы, возставшей противъ власти насильниковъ. Оставшись совершенно безъ всякой защиты, жена моя жила подъ постоянной угрозой быть выданной вмѣстѣ съ семьями другихъ офицеровъ красному атаману, войсковому старшинѣ Голубову для представленія „народному“ революціонному трибуналу, засѣдавшему тогда въ Новочеркасскѣ.

Тутъ-то появился Петровъ.

Онъ разсказалъ женѣ о нашей встрѣчѣ, о нашихъ блужданіяхъ и о моемъ порученіи перевезти ее съ дѣтьми и домочадцами въ отдаленную станицу К-ую, сообщилъ, что не явился къ ней раньше, потому что попалъ въ руки большевиковъ и при арестѣ съѣлъ записку, адресованную мною ей, а потомъ вскорѣ ему удалось бѣжать отъ большевиковъ, но приходилось долгое время прятаться.

Напуганная жена моя не сразу повѣрила партизану, боясь съ его стороны провокаціи и предательства. Петровъ разсказалъ ей такія подробности о тогдашнемъ положеніи моей семьи, какія онъ могъ почерпнуть только отъ меня одного. Тогда сомнѣнія ея отпали.

Партизанъ заявилъ моей женѣ, чтобы она каждую минуту была готова къ дальней дорогѣ, а самъ пробрался въ красный Новочеркасскъ, чтобы развѣдать о настроеніи.

Онъ пропадалъ нѣсколько дней и возвратился сумрачный и озабоченный.

— Барыня, минутки одной терять нельзя. Забирайте дѣточекъ и надо ѣхать.

Онъ самъ отыскалъ и нанялъ подводы, что было тогда очень не легко и въ страшную черноземную распутицу пѣшій конвонровалъ мою семью первыя 70 верстъ по невылазной грязи, послѣднія верстъ 10 по разлившемуся Дону, самъ не разъ подвергаясь опасности утонуть.

Когда жена предложила спасителю моей семьи за труды деньги, онъ послѣ долгихъ уговоровъ согласился взять какія-то пустяки только за „харчи", отъ платы же наотрѣзъ отказался, говоря: „если Богъ дастъ, что увидимся съ самимъ паномъ, тогда съ нимъ и сочтемся, а теперь ничего не возьму".

Къ великому моему прискорбію, мнѣ не удалось никогда больше встрѣтиться съ этимъ простымъ русскимъ человѣкомъ съ большой, отзывчивой душой, часто вспоминаю его и думаю: „Живъ ли онъ? Живъ ли его названный сыночекъ Гриша, котораго онъ такъ сильно любилъ?"

Ив. РОДІОНОВЪ.

Памяти Л. Г. Корнилова.

Онъ пропѣлъ свою пѣснь лебединую,
Пѣсню горя людской пустоты.
Не увидитъ онъ ласки весенней,
Не увидитъ, какъ вянутъ цвѣты.

Сколько муки, несчастій негаданныхъ
Онъ терпѣлъ на тернистомъ пути,
Сколько тайнъ онъ узналъ неразгаданныхъ,
Сколько слезъ материнской любви.

Онъ былъ полонъ мечтой величавою,
Онъ хотѣлъ дать свободу Руси,
Чтобы стала Москва златоглавою,
Чтобы не было красной звѣзды.

Но чужою рукой, святотатственной
Онъ былъ взятъ изъ мірской суеты.
И пропѣлъ свою пѣснь лебединую,
Не дождавшись завѣтной мечты.

Николай БУЙНИЦКІЙ.
Кадетъ 65 выпуска
Кіевскаго Владимірскаго корпуса.

Желѣзнодорожники въ 1-мъ Кубанскомъ походѣ.

Ихъ было мало, настоящихъ профессіоналовъ было вовсе наперечетъ... Они даже не представляли изъ себя отдѣльной части, а всего лишь взводъ въ составѣ инженерной роты... Но они не затерялись, ихъ знали, цѣнили и даже берегли.

Не мнѣ, бывшему командиру этого взвода говорить, что сдѣлано желѣзнодорожниками въ походѣ — пусть судятъ другіе. Я хочу лишь напомнить, что жел.-дорожныя войска имѣли свое представительство въ арміи генерала Корнилова и что представительсво это было удостоено высокой чести носить имя генерала Маркова.

Рота съ черными погонами и бѣлымъ вензелемъ имени Шефа, рота въ выдержанно-траурной формѣ... Какъ много связано съ ней воспоминаній у каждаго желѣзнодорожника, состоявшаго въ ней, или только мечтавшаго объ этомъ.

Теперь рота растянулась по всей Европѣ и уже начинаетъ проникать въ Азію — ея чиновъ можно встрѣтить въ столицахъ отъ Софіи до Парижа и во многихъ городахъ отъ Варны до Тяньцзина. Но она жива, здорова и безсмертна. Такъ хотимъ мы, Марковцы, и такъ будетъ!

Въ походѣ жел.-дор. взводъ былъ почти неразлученъ съ генераломъ Марковымъ, а всѣмъ извѣстно, что генералъ Марковъ былъ тамъ, гдѣ всего отвѣтственнѣе, всего тяжелѣе.

Писать объ идеѣ похода, о томъ, что двигало его участниковъ, послѣ всего, что написано и сказано нашими друзьями и врагами, не входитъ въ мою задачу. Я позволю себѣ лишь напомнить участникамъ похода, въ связи съ переживаемымъ моментомъ, что идея возглавленія арміи ея теперешнимъ Августѣйшимъ Вождемъ была и въ періодъ похода.

Объ этомъ не говорили, или говорили очень мало, но это было. Въ подтвержденіе можно было бы привести много фактовъ, остановлюсь на одномъ изъ нихъ — изъ жизни жел.-дор. взвода.

Въ числѣ чиновъ взвода былъ прапорщикъ Шмитъ — старикъ лѣтъ 60, бывшій начальникъ жел.-дор. депо ст. Екатеринославъ. Своей фигурой — высокій и худой, одѣтый въ черкеску и папаху, онъ напоминалъ Великаго Князя. Прапорщикъ Шмитъ былъ до безумія храбрый, неутомимый и неугомонный, постоянно пылающій жаждой подвига и готовый на все. Его сходство, конечно отдаленное, съ Верховнымъ Главнокомандующимъ возбуждало разговоры о Великомъ Князѣ не только въ тѣсной семьѣ взвода, но за его предѣлами и даже среди населенія. Прапорщика Шмита называли Николаемъ Николаевичемъ, хотя въ дѣйствительности имя его было Петръ Эдуардовичъ.

Заканчивая эту краткую замѣтку, долгомъ своимъ считаю пожелать вѣчную память погибшимъ въ борьбѣ за честь Родины и позволю себѣ высказать увѣренность, что уцѣлѣвшіе не утратятъ своего добраго имени и по первому кличу Верховнаго Вождя слетятся, какъ одинъ, со всѣхъ сторонъ, чтобы продолжить и на этотъ разъ уже закончить дѣло, начатое въ Донскихъ и Кубанскихъ степяхъ нашими незабвенными Вождями генералами Алексѣевымъ, Корниловымъ и Марковымъ.

„Россія будетъ Великой и Могучей", сказалъ умирая генералъ Марковъ. Мы, Марковцы, не можемъ жить безъ вѣры, въ то; что это сбудется.

А. ОСИПОВЪ.

18 февраля 1926 года
Шабацъ.

На пути къ Саратову.

(Записки сестры милосердія).

Санитарная двуколка подпрыгнула на рытвинѣ — и я проснулась. Нашъ передовой отрядъ длинной вереницей растянулся по березовой аллеѣ. Воспоминанія дѣтства, воспоминанія о средней полосѣ Россіи охватили меня. Легко и радостно забилось сердце: вѣдь съ каждымъ переходомъ мы ближе къ Москвѣ. Прошли безконечные дни тряски, безконечной степи, пыли — и вдругъ сумракъ и свѣжесть аллеи

— Гдѣ мы? — спросила я у санитара.

— Да въ женскомъ монастырѣ Т.... Если такъ быстро будемъ идти, то черезъ дня четыре безпремѣнно въ Саратовѣ будемъ. Тамъ въ пригородѣ у меня вѣдь хатенка осталась, — отвѣтилъ русый бородачъ — саратовецъ.

Изъ-за деревьевъ показался бѣлый храмъ и рядомъ съ нимъ двухэтажное зданіе, съ крестомъ наверху. Вдоль лужайки расположились правильными рядами сѣрые домики-кельи.

Затихъ грохотъ колесъ, храпъ уставшихъ коней, звонъ кухонной посуды на сосѣдней подводѣ: летучка остановилась.

Сестры, стоя возлѣ родника съ жадностью пили холодную, чистую воду.

— Давно такой не пробовала, — приговаривала сестра Таня, ,встряхивая короткими, курчавыми волосами. — Вода-то точно въ самое сердце входитъ. Ухъ, какъ славно!

Стояли первые, августовскіе дни. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ уходящаго лѣта, ароматомъ милаго сѣвера. Временами кружился, шелестѣлъ листъ и золотымъ клочкомъ падалъ на землю. Хорошо было лежать въ высокой травѣ, чувствовать во всемъ тѣлѣ блаженный отдыхъ и невольно вспоминать:

О не кладите меня
Въ землю сырую.
Скройте, заройте меня
Въ траву густую.

— Сестрицы, господинъ дохтуръ васъ просять идтить помѣщеніе устраивать — раненые скоро прибудуть, — позвякивая пустыми ведрами, проговорилъ нараспѣвъ, подошедшій къ роднику, санитаръ.

Мы направились къ двухэтажному зданію, въ которомъ докторъ намѣтилъ расположить отрядъ. У входа насъ встрѣтила старушка-монахиня. Она любовно улыбалась, обнимая поочередно сестеръ:

— Касатки мои, пожалуйте къ намъ. Но вы посмотрите только, что коммунисты-нехристи у насъ понадѣлали, — жаловалась старушка. — Жили мы тихо, жили мы для Господа. А эти-то насъ палками повышибали. Кабы не добрые люди, что насъ пріютили — по міру пошли бы. Пришли давеча казаки, спасители наши — мы и стали понемногу въ обитель собираться. Уже пять сестеръ, вонъ, колидоръ заметаютъ — и монахиня открыла тяжелую дверь.

Винный запахъ ударилъ въ ноздри.

— Вѣрно полъ-то водкой поливали, разливанное море душегубы устраивали, — сердилась старушка.

Оказалось монастырь былъ реквизированъ подъ лигу свободной любви; здѣсь происходили оргіи, пьянства. Изъ

келій выглядывали перевернутыя кровати, развороченные тюфяки съ торчащей соломой. На полу валялось невѣроятное количество бутылокъ, банокъ изъ подъ консервовъ. На подоконникѣ сиротливо стояли засохшіе комнатные цвѣты. Среди мусора мелькали переплеты и страницы священныхъ книгъ. Массивныя застежки, можетъ быть отъ Евангелія, мутно блестѣли въ сору. Особенно трогательны были потертыя бархатныя книжки поминаній. Онѣ свято хранили имена для кого-то дорогія и близкія. На одной изъ нихъ я замѣтила поблекшую отъ времени дату: 1836-ой годъ.

Захотѣлось собрать, прочитать желтыя страницы святыхъ писаній, чтобы понять зачѣмъ, за что творится на Руси страшное, необъяснимое?...

— О-охъ, это видно за грѣхи наши. Богъ не зря напасть посылаетъ, — вздохнула старушка, точно отвѣчая на мои мысли.

— Отвыкли вы отъ монастырской жизни? — спросила бойкая сестра Ната монахинь, выгребавшихъ соръ изъ коридора.

— И что вы, голубка, что вы, сестрица, — укоризненно прозвучалъ въ отвѣтъ ей голосъ. — Какъ можно отвыкнуть? Въ міру у васъ суетно, а здѣсь благодать Божія, покой. Все равно что въ домѣ родительскомъ мы. Многія изъ насъ вѣдь съ малыхъ лѣтъ въ монастырѣ.

Сверху раздались печальные, тягучіе звуки.

— Это фисгармонія, — прислушиваясь замѣтила сестра Ната.

Звуки усиливались торжественно-низкіе.

— Да это нехристи въ церковь музыку приволокли. Кто-то тамъ сейчасъ балуется, играетъ — объяснила старушка. — Идемте-ка со мною, сестрицы; я васъ наверхъ проведу: тамъ у насъ теплая церковь была прежде.

По скрипучей, деревянной лѣстницѣ мы поднялись за монахиней. Открылась дверь въ большую, свѣтлую комнату.

На стѣнахъ бросились въ глаза темныя, пустыя мѣста отъ снятыхъ иконъ. На мѣстѣ алтаря коммунисты устроили гостиную. Диванъ придвинули къ образу возносящагося Христа. На иконѣ какъ раны зіяли слѣды многихъ пуль. Подъ образомъ химическимъ карандашемъ были написаны богохульныя слова. Но все же сквозь стертую краску просвѣчивалъ свѣтлый, благостный ликъ Спасителя. Около дивана стоялъ столъ съ неизмѣнно-опрокинутыми бутылками и кресла краснаго дерева съ голубымъ бархатомъ обивки. На одномъ клиросѣ стояло піанино, на другомъ фисгармонія, на которой пробовала играть тоненькая, смуглая сестра Зоя, „наша піанистка", какъ ее называли въ отрядѣ.

Съ болью смотрѣли монахиня и сестры на церковь, точно передъ ними было живое, израненое тѣло.

— Думаю не грѣхъ будетъ если мы здѣсь помѣстимъ раненыхъ: вѣдь это домовая церковь, настоящій-то храмъ рядомъ, — сказалъ входящій докторъ.

— И что вы, батюшка, какой грѣхъ! На такое дѣло Богъ не осудитъ, коли и класть-то сердешныхъ некуда: кельи маленькія, да и то всѣ запакощены, — соглашалась старушка.

Сестры, санитары принялись за дѣло и черезъ часъ уже была готова перевязочная, разложены тюфяки, со свѣже-набитой соломой. На лужайкѣ задымились походныя кухни, закипѣли котлы. Стукъ топора отзывался глухимъ эхомъ въ сосѣднемъ перелѣскѣ.

Раненые все прибывали и прибывали. Насталъ часъ обѣда. Легко раненые сѣли за круглый столъ, застланный бязевой простыней вмѣсто скатерти.

— Точно не въ летучкѣ, а въ тыловомъ госпиталѣ, — замѣтилъ докторъ.

Санитары разносили „лежачимъ" миски съ дымящимся борщомъ изъ баранины. Бѣлыя сестры, черныя монахини склонялись надъ тяжело ранеными.

— Сестрицы, вы бы хоть на музыкѣ сыграли, — попросилъ раненый въ обѣ ноги казакъ.

— Ну такъ и быть, покажите ему ваши способности, піанистка. Только прошу не бравурное, чтобы никого не безпокоить, — обратился докторъ къ сестрѣ Зоѣ.

Сестрица мягко взяла нѣсколько аккордовъ на піанино и полились звуки Чайковскаго печальные и широкіе, какъ родные просторы.

Солдаты застыли съ ложками въ рукахъ, а тяжело раненый, который до сихъ поръ стоналъ, тихо проговорилъ:

— Важно сестрица играетъ — душу выворачиваетъ.

Бываютъ въ жизни минуты, на первый взглядъ незначительныя, но которыя остаются навсегда въ памяти. И вотъ я никогда не забуду комнату-церковь, залитую желтымъ, августовскимъ солнцемъ, позлащенныя верхушки березъ, заглядывающія въ широкія окна, раненыхъ, слушающихъ музыку. Измученные отъ непрерывныхъ боевъ воины отдыхали въ уютѣ и тишинѣ. Страданія, кровь раненыхъ освятили поруганную церковь: здѣсь снова сталъ домъ Божій. И пришла мысль. Не освятитъ ли кровь страдальцевъ и Россію? Родина, превращенная въ домъ оргій, опозоренная, затоптанная не станетъ-ли снова Русью святой?

Мелькали дни большой, лихорадочной работы. На монастырскомъ кладбищѣ, подъ молодыми, склоненными березами поднимались все новыя и новыя могилы. Да будетъ память о нихъ священна!

Освящали монастырскій храмъ. Я оторвалась отъ работы и зашла на вечернее богослуженіе. Въ полутемномъ, запустѣломъ храмѣ горѣли двѣ-три лампады и нѣсколько

свѣчей. Плакали колѣнопреклоненныя монахини и раздавался дрожащій голосъ священника:

— Милостивъ, милостивъ буди Владыко о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй ны.

А на слѣдующее утро послѣ освященія храма отрядъ получилъ приказаніе свернуться и отступить на село М.: красные прорвали фронтъ. Въ восемь часовъ утра отрядъ выстроился у воротъ монастыря и ждалъ приказанія тронуться.

Печальныя монахини вышли провожать насъ.

— Разлетимся мы опять, какъ пташки отъ ястреба. Душегубы-то придутъ, — плакала старушка.

— Скоро, скоро вернемся, — утѣшалъ ее докторъ.

Изъ кроткихъ, сѣрыхъ глазъ монахини текли слезы.

Бахъ! — послышалось вдали. Вззз... зазвѣнѣло, завизжало, свистнуло въ воздухѣ. Громыхнулъ разрывъ и черный клубокъ дыма взлетѣлъ надъ пригоркомъ.

Отрядъ двинулся. Монастырь скрывался, уплывалъ, но еще долго возвышался сіяющій крестъ надъ золотыми верхушками березъ.

В. С.

Участникамъ 1-го Кубанскаго, „Ледяного Похода“.

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ Сборника 1-го Кубанскаго похода, позвольте мнѣ, дорогіе соратники, передать Вамъ горячій привѣтъ Дальне-Восточной арміи, которая, борясь съ большевиками на далекой окраинѣ нашей Родины, сдѣлала, подобно Вамъ, „ледяной походъ“ по снѣгамъ и льдамъ далекой Сибири, неся, какъ и Вы, съ собою честь и достоинство Русскаго воина, а въ сердцѣ страстную любовь къ плѣненной Родинѣ и готовность бороться за Ея честь до послѣдняго вздоха.

По окончаніи болѣе чѣмъ 4-хъ мѣсячного похода, бѣлая армія Дальняго Востока приказомъ получила право ношенія на георгіевской лентѣ „Знака отличія Военнаго ордена за Великій Сибирскій Походъ“ — Терноваго вѣнца съ золотымъ мечомъ.

Знакъ этотъ подобенъ Вашему. Это сходство эмблемъ перенесенныхъ страданій и борьбы — является символомъ той духовной близости съ Вами, той общности духа и по-

мысловъ, которые заставили Васъ на цвѣтущей Кубани, а насъ въ суровой Сибири унести съ собою и сохранить до сегодня честь, достоинство и вѣру въ грядущее будущее обѣихъ группъ Единой Національной Россійской Арміи.

Я передаю Вамъ и прошу Васъ, первыхъ носителей и создателей славы бѣлаго русскаго воина, принять горячій привѣтъ Вашихъ братьевъ съ Дальняго Востока.

Вы были учителями ихъ подвига и примѣръ Вашей доблести зажигалъ мужествомъ и жаждой подражанія наши сердца въ тяжкіе дни Великаго Сибирскаго Похода.

Въ дни скитаній нашихъ, въ безконечныя ночи Великаго Сибирскаго Похода, въ непристуцныхъ чащахъ дѣвственной тайги, на льду сибирскихъ рѣкъ и суроваго Байкала, сжимаемые ледяными тисками 40 градусныхъ морозовъ, отбиваясь и отгрызаясь отъ насѣдающихъ красныхъ толпъ — мы думали о Васъ, ибо надъ нами вѣяли призраки генерала Корнилова и его славныхъ соратниковъ, являя намъ примѣръ доблести и героизма.

Мы видѣли оледенѣлыя степи Кубани и среди нихъ горсть героевъ — сѣдыхъ генераловъ и офицеровъ снимающихъ обледенѣлыми руками винтовки, цвѣтущихъ юношей въ оборванныхъ лохмотьяхъ, дѣтей кадетъ и гимназистовъ, несущихъ свою дѣтскую жизнь въ жертву родной Россіи — и мы хотѣли, — такъ хотѣли быть на васъ похожими!

Миновали тяжкіе дни походовъ. Мы потеряли Родину, семьи, личное благополучіе, здоровье, а многіе и жизнь, но мы сохранили то, что для Русскаго офицера и солдата было дороже жизни — мы сохранили воинскую честь и выполнили воинскій долгъ до конца.

Какъ здѣсь въ Сербіи, во Франціи, въ Германіи, у Болгаръ, Грековъ и Турокъ, такъ и тамъ въ Китаѣ, Японіи, Америкѣ и во всѣхъ углахъ міра разселенные русскіе воины добываютъ, въ ожиданіи часа спасенія Родины, тяжкимъ трудомъ кусокъ хлѣба.

Примѣръ данный Вами былъ урокомъ для насъ и со всѣхъ угловъ далекаго Китая и Японіи мы смотримъ на Васъ доблестныхъ соратниковъ, дабы въ нужный моментъ, по слову Верховнаго Вождя, стать рядомъ съ Вами и выполнить до конца свой долгъ.

Когда пробьетъ часъ и снова Россія призоветъ своихъ воиновъ къ Славѣ и Побѣдѣ, помните, что рядомъ съ Вами, плечо къ плечу станемъ и мы, дабы создавъ Единую Великую Россійскую Армію, бороться до конца за нашу Родину, Ея исторію, Ея славу, Ея величіе и достоинство.

Терновый вѣнецъ нашихъ знаковъ — символъ перенесенныхъ страданій русскихъ воиновъ, долженъ спаять всѣхъ насъ въ одну могучую непобѣдимую Русскую военную силу.

Отъ лица пославшихъ меня я шлю Вамъ, горячія пожеланія благополучія и силъ дождаться того грядущаго момента, когда наши жизни вновь понадобятся нашей Страдающей Родинѣ.

Полковникъ Г. ЯРЕМЕНКО.
Представитель Д. Восточной Арміи
и Организацій на Балканахъ.

Бѣлградъ.

Дневникъ
1-го Кубанскаго похода.

(Путь Арміи и ея бои. Числа по старому стилю).

---

9 февраля 1918 г. около 7 час. вечера выходъ изъ Ростова н/Д.

10	„	Аксай — Ольгинская. При переправѣ у Аксая черезъ Донъ, аэропланы большевик. сбрасывали бомбы.
14	„	Хомутовская.
15	„	Утромъ при выходѣ — бой. Кагальницкая.
17	„	Мечетинская.
19	„	Егорлыкская.
21	„	Лежанка (бой).
23	„	Плоская.
24	„	Незамаевская.
25	„	Веселая. Около 10 ч. веч. выступленіе на Ново-Леушковскую.
26	„	Переходъ черезъ жел. дорогу утромъ. Обстрѣлъ. Старо-Леушковская.
28	„	Иркліевская.
1	марта	Березанская (бой).
2	„	Журавскій хуторъ. Выселки-первыя (бой).
3	„	Выселки вторыя (бой).
4	„	Кореновская (бой).
5	„	Въ ночь на 6-е выступленіе на Усть-Лабинскую. Движеніе съ боемъ.
6	„	Усть-Лабинская (бой). Въ ночь переходъ черезъ Кубань.
7	„	Рано утромъ Некрасовская (бой).
8	„	Утромъ переходъ черезъ р. Лабу. Хуторъ Киселевскій (бой).
9	„	Филипповская (бой).
10	„	Рязанская — Габукай (бой).
11	„	Аулы Несшукай — Понежукай.
13	„	Гатлукай, Вочепшій — Шенжій.
14	„	Соединеніе съ Кубанской Арміей въ аулѣ Шенжій.

15	„	„Ледяной походъ“ — Боевыя части въ Ново-Дмитровскую (бой). Обозъ въ Калужскую.
17	„	Наступленіе большевиковъ на Ново-Дмитровскую (бой).
18	„	Подъ Ново-Дмитріевской (бой).
23	„	Въ ночь на 23-е Григорьевская и Смоленская (бои)
24	„	Георгіе-Афипская (бой).
26	„	Аулъ Панахесъ. Переправа черезъ Кубань. Елизаветинская (бой).
27, 28, 29, 30, 31		Атака Екатеринодара (бои).
31	„	Смерть Генерала Корнилова.
1	апрѣля	Андреевская (бой). Воронцовская. Къ ночи нѣм. колонія Гначбау (Гнаденау).
2	„	Гначбау (бой). Похороны тѣла ген. Корнилова.
3	„	На разсвѣтѣ 3-го захватъ бронevого поѣзда (бой). Днемъ — Дядьковская.
5	„	Журавскій хуторъ къ вечеру. Ночью переходъ черезъ жел. дор. линію.
6	„	Утромъ 6-го Бейсугская. Днемъ Владимірскіе хутора (бой). Ночью переходъ черезъ жел. дор. линію на Бекешевскомъ переѣздѣ и захватъ товарнаго поѣзда.
		Утромъ 8-го Хоперскій хуторъ, утромъ 9-го Ильинская. Переходъ 70 часовъ.
9, 10, 11	„	Ильинская. Обстрѣлъ и бои.
12, 13, 14, 15		Успѣнская. Обстрѣлъ и бои въ Расшеватой, Новолакинскомъ хут. и др. Высланъ разъѣздъ на Донъ. 15-го утромъ выступленіе.
		Въ ночь на 17-е переходъ черезъ жел. дор. линію между Малороссійской и Мирской. Горькобалковская (бой).
17	„	Вечеромъ Плоская.
18, 19, 20, 21		Лежанка (обстрѣлъ). Бои въ Лопанкѣ 19-го, въ Егорлыкской 20-го.
22	„	Страстная суббота въ пути. Къ ночи Егорлыкская (Св. Пасха).
23	„	Св. Пасха. Егорлыкская (бой). Гуляй-Борисовка (бой).
25	„	Мечетинская, Незамаевская, Екатериновская (бои)
26	„	Штабъ въ Мечетинской. Лазаретъ въ Манычскую. Веселая, Екатериновская (бои),

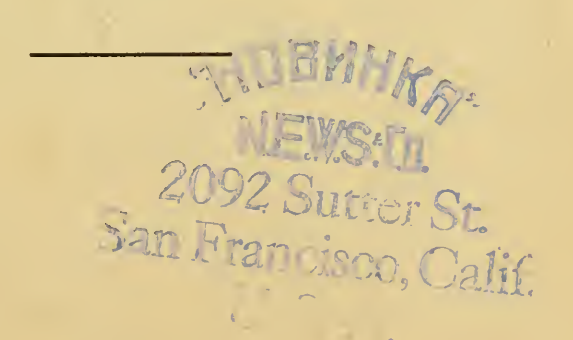
27	„	Сосыка (бой). Крыловская и Ново-Михайловская (бои).
28	„	Крыловская и Ново-Михайловская (бои).
29	„	Екатериновская, Ново-Леушковская, Гуляй-Борисовская.
30	„	Егорлыкская, Гуляй-Борисовская, Мечетинская.
1, 2	мая	Разъѣздъ Прощальный (бой).

Приложеніе: Карта.

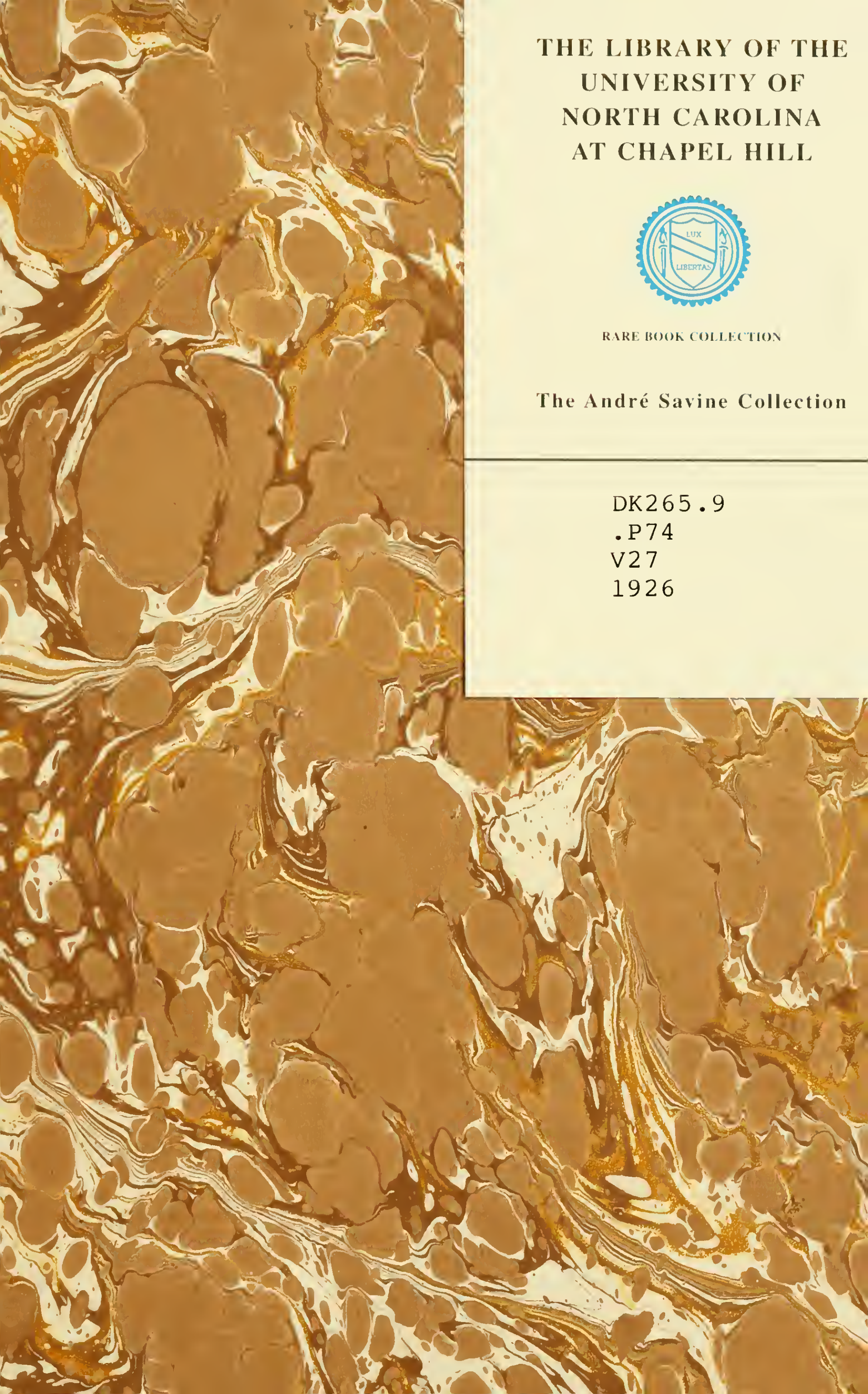
Кубанскій отрядъ.

28	февраля	Выходъ изъ г. Екатеринодара.
1	марта	Тахтамукай. Аулъ Шенжій.
3	„	Переходъ въ Пензенскую.
6	„	Движеніе на аулы Дворянскій и Тахтамухабль. Вечеромъ переправа черезъ Кубань у Дворянскаго (бой).
7, 8, 9	„	Бой за обладаніе переправой. Вечеромъ 9-го движеніе на аулъ Гатмукай.
9	„	Гатмукай (бой), вечеромъ движеніе (между Пензенской и Шенжіемъ) на Калужскую.
10	„	Бой у ст. Калужской. Прибытіе разъѣзда отъ ген. Корнилова.
11	„	Ст. Калужская.
14	„	Соединеніе съ Арміей ген. Корнилова.
15	„	„Ледяной походъ“ движеніе на Ново-Дмитровскую (*возвратились* не дойдя). Прибытіе обоза съ ранеными арміи ген. Корнилова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.


2092 Sutter St.
San Francisco, Calif.




LUX
LIBERTAS

